BOOK & BIOGRAPHY

ДЖАРЕД КЕЙД

АГАТА КРИСТИ

11 дней отсутствия

В жизни каждый должен совершать свои собственные ошибки.
Агата Кристи

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В декабре 1926 года имя Агаты Кристи появилось на первых полосах всех английских газет: известная писательница исчезла из своего дома в Беркшире. Одиннадцать дней спустя ее нашли в фешенебельном йоркширском отеле: по словам писательницы, она стала жертвой амнезии и не помнит, как туда попала.

До выхода этой книги ни один из биографов королевы английского детектива не смог предложить жизнеспособную версию того, почему она исчезла. Вопрос о том, действительно ли Агата Кристи потеряла память, оставался открытым. В своих мемуарах Агата Кристи ни разу не упоминала об этом событии.

«Единственная биография, рассказывающая подлинную историю Агаты. Никто не смог превзойти Джареда Кейда в понимании ее личности» (Джудит и Грэхем Гарднеры, родственники Агаты Кристи).

- Джаред Кейд
  - Предисловие
  - Пролог
  - Часть I
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
  - Часть II
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
  - Часть III
    - 20

        - 21
        - 22
        - 23
        - 24
        - 25
        - 26
        - 27
    - Эпилог
    - Выражение признательности
    - Произведения Агаты Кристи
- notes
    -
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
        - 8
        - 9
        - 10
        - 11
        - 12
        - 13
        - 14
        - 15
        - 16
        - 17
        - 18
        - 19
        - 20
        - 21
        - 22
        - 23
        - 24
        - 25
        - 26
        - 27
        - 28
        - 29
        - 30
        - 31
        - 32
        - 33

- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77

- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86

○
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

Джаред Кейд
Агата Кристи. 11 дней отсутствия

Предисловие

Третьего декабря 1926 года одна женщина, не вполне владевшая собой, вдруг таинственным образом исчезла из своего дома в Беркшире, на юге Англии. Когда на юго-востоке, в графстве Суррей, была найдена ее пустая машина, возникли опасения за ее жизнь. А через полторы недели ее обнаружили в фешенебельном отеле в Харрогите, в графстве Норт-Йоркшир, за чтением напечатанных в газетах сообщений о том, как продвигается ее общенациональный розыск. В обсуждение ее странного поведения вмешался супруг, заявивший, что она страдает амнезией. Этой женщиной была Агата Кристи, и те одиннадцать дней, в течение которых она считалась пропавшей, вспоминались ей в течение всей оставшейся жизни.

Исчезновение послужило как бы водоразделом в жизни Агаты, и ее упорное молчание по поводу этого события породило множество интригующих вопросов. Как могла женщина, видя свои фотографии на первых полосах газет, не понять, что сейчас она является той, о которой больше всего говорят в Британии? Какое значение имели оставленные ею письма? С чего вдруг ее супруг начал рассказывать о том, что она и раньше говорила о возможности исчезновения, а когда ее нашли, почему с него пытались взыскать сумму, израсходованную полицией на разыскные мероприятия?

Хотя исчезновение и добавило ей известности, никакие прежние события в жизни Агаты не могли осветить те обстоятельства, которые спровоцировали этот ее поступок, или дать ему какое-либо общее объяснение. На начальных этапах своего исследования я столкнулся с тем фактом, что большинство книг, написанных об этой писательнице, практически не содержат ничего, кроме литературной критики. Все, писавшие о ней, сходятся на мысли о том, что Агата испытала своего рода нервный срыв, а скандальная известность, вызванная ее исчезновением, послужила причиной ее последующей уединенной жизни. В Британии существуют лишь две биографии, составленные на основе довольно подробных исследований, и оба автора, описавшие в этих работах долгую жизнь Агаты, указывают на трудности в отыскании свидетелей. Непризнанная официальным литературоведением биография, опубликованная Гвен Робинс в 1978 году, вызвала официальный протест семьи, в то время как признанная литературоведами биография Джанет Морган, вышедшая в 1984 году, приподнимает благопристойную завесу над таинственным исчезновением, возлагая большую часть

вины за произошедшее на назойливую прессу.

Оба биографа утверждают, что Агата, после того как ее нашли, никогда не касалась этого инцидента. Факты же говорят об обратном: Агата по прошествии времени все-таки обсуждала свое исчезновение, а мотивом, побудившим ее прервать молчание, было, с одной стороны, желание дать объяснение случившемуся, а с другой — никогда впредь не допускать его публичных обсуждений.

Испытывая интерес к этой истории, я все же подсознательно чувствовал, что прежние объяснения, касающиеся наиболее известных событий в жизни писательницы, содержат массу противоречий и разнотолков, а это, по сути, сводит на нет их правдивость. Картина ее путешествия (составленная по имеющимся в нашем распоряжении сведениям) показывает, что оно не смогло бы произойти ни в описанных обстоятельствах, ни по сценарию, созданному теоретиками последующего периода. Так что же произошло в действительности? Сгорая от любопытства, вызванного множеством неразрешенных вопросов, я пустился в странствия по всей Англии с целью узнать больше об этой любящей уединение особе и найти того, кто реально сыграл хоть какую-то роль в ее эксцентричной, покрытой завесой тайны жизни.

Будучи ребенком, Агата восхищалась «Алисой в Стране чудес» и «Алисой в Зазеркалье», однако после ее исчезновения дымовая завеса над ее семьей и над другими людьми моментально рассеялась, а то, что открылось, еще сильнее требовало *приостановить неверие*{1}, чем что-либо из написанного Льюисом Кэрроллом.

После объяснения с семейством Кристи множество вопросов так и осталось без ответа, а это сделало ситуацию еще более запутанной. Например, какое значение имел ее собственный образ, «оставленный» публике на время исчезновения, и почему пресса прозрачно намекала на то, что ее исчезновение было предварительно спланировано? Если предположить, что ее банковские счета были заблокированы полицией, какими финансами она пользовалась? И еще, в чем заключался смысл надписи, сделанной через три года после исчезновения, на форзаце одной из ее книг, предназначенной в подарок другу?

Поиски ответов на эти и другие вопросы сделали мое путешествие настоящим блужданием по лабиринту, созданному Агатой, но все-таки мне удалось отыскать нескольких людей, знавших историю ее исчезновения не понаслышке. Правдивая информация просачивалась ко мне из источников, заслуживающих доверия, но чтобы воспользоваться ею,

необходимо было пробивать бреши в стенах молчания, воздвигнутых писательницей и окружавших ее в течение всей жизни, поскольку ее предсказание о том, что она будет забыта уже через десять лет после смерти, оказалось неверным.

Нэн Уоттс была не только золовкой Агаты, но ее подругой на всю жизнь. Дочь Нэн и ее зять, Юдифь и Грэм Гарднеры, подтвердили правдивость добытых мною сведений об исчезновении и сообщили ранее неизвестные подробности личной жизни Агаты. Юдифь и Грэм близко знали Агату, и суммарное время общения этой пары с писательницей составило более восьмидесяти пяти лет. Я прочитал все, написанное Агатой, а потому они и поверили мне, раскрыли семейный альбом и показали личные письма. «К пониманию Агаты нет короткого пути. Надо прочитать ее книги», — говорили они. Юдифь и Грэм Гарднеры нарушили хранимое десятилетиями молчание и официально одобрили это биографическое исследование, и вот теперь взаимоотношения Агаты с ее родственниками Уоттсами стали известны ее почитателям. За это я, как и многие любители ее творчества, в неоплатном долгу перед ними.

Мое решение написать эту книгу продиктовано интересом, который я испытываю всю свою жизнь к женщине, создавшей самые захватывающие произведения детективного жанра нашего времени. Ее нежелание обсуждать наиболее болезненные стороны своей жизни побудило некоторых критиков оставить эту писательницу за пределами своего поля зрения, посчитав ее затворницей, не вызывающей интереса. Но то, что она испытала в самую страшную ночь в своей жизни, побудило ее сублимировать приобретенный жизненный опыт в литературные произведения, в одном из которых она скрупулезно воссоздала процесс своего ухода в ночь перед исчезновением, но об этом факте известно лишь посвященным.

Таинственность, окутавшая ее исчезновение, не дает людям покоя и сегодня. То, что известно, представляет собой захватывающую историю женщины, доведенной причиненными ей муками до крайнего отчаяния, женщины, вернувшейся обратно для того, чтобы стать одним из самых любимых рассказчиков двадцатого века.

Пролог
Дедушкины бакенбарды

Когда в декабре 1926 года Агата Кристи исчезла, она, имевшая на своем счету уже шесть опубликованных романов, считалась в Лондоне одним из самых популярных и любимых авторов. Роман «Убийство Роджера Экройда» был поначалу рассчитан на знатоков и истинных ценителей жанра, однако 4000 экземпляров первого тиража быстро раскупили. И по мере того как разгорались споры о том, вела ли она игру по правилам или дурачила читателей загадкой о том, кто же убийца, (а последующие допечатки тем временем распродавались), никому в голову не пришло, что этому роману суждено стать одним из самых обсуждаемых произведений детективного жанра из когда-либо написанных.

Споры об этом романе обеспечили Агате прочное положение восходящей звезды в сонме писателей детективного жанра того времени. Однако периоду, который предвещал счастливую жизнь, суждено было стать самым травмирующим. Вскоре после публикации этого романа ее мать, которую она безгранично любила, умерла. Буквально вслед за этим ее супруг, полковник Арчибальд Кристи, героический летчик-ас Первой мировой войны, объявил Агате, что влюбился в молодую женщину по имени Нэнси Нил.

А потом произошло невообразимое: в ночь на 3 декабря Агата исчезла, и эта история попала на первые полосы газет по всей Великобритании. Новость о семейном разладе моментально привлекла к себе внимание властей. В течение десяти дней три полицейских подразделения юга Англии буквально наперегонки искали Агату. Бесчисленные констебли для спецпоручений[1], сотрудники общественных организаций, работники прессы — все участвовали в поисках. Известие о том, что супруг пропавшей женщины в ночь ее исчезновения был с любовницей, дало повод для слухов о самоубийстве, а возможно, и об убийстве.

Но поиски неожиданно и внезапно закончились 14 декабря, когда Агату официально опознал супруг в дорогом спа-отеле в Харрогите[2]. В итоге (а он все-таки был драматическим) так и не удалось узнать, как и почему она исчезла. Интересовались подробностями сумасбродной жизни, которую якобы вела исчезнувшая писательница, но объяснения данные ее мужем-полковником о том, что с ней происходило, были, по мнению многих, совершенно неубедительными. Чтобы как-то

противостоять общественному осуждению, он обратился к своему семейному врачу и известному консультанту, и те вскоре предъявили публике тщательно составленное заключение, свидетельствующее о том, что она, «вне всякого сомнения, страдает врожденной потерей памяти». Полковник Кристи лично обратился к прессе с просьбой оставить эту тему, чтобы дать жене возможность восстановить здоровье, получать радости от семейной жизни и не быть мишенью для СМИ.

Однако на этом супружеская жизнь семейства Кристи закончилась, и вся последующая часть этой трагической драмы, которая лишь на мгновение промелькнула перед обществом, была со всей серьезностью доиграна за закрытыми дверями. Именно с этого периода и возникает у Агаты отрицательное отношение к прессе, которое впоследствии усилили заголовки газет, кричащие о ее разводе с Арчи и его последующей женитьбе на Нэнси Нил. А фурор, произведенный в обществе ее исчезновением, фактически означал: Агата, будучи сравнительно хорошо известной писательницей, ушла в ночь, для того чтобы быть, как говорится, у всех на слуху. А когда ее нашли, она стала мишенью для карикатуристов, комиков и барных острословов. Некоторые были убеждены в том, что ей пришлось испытать что-то вроде временного умственного расстройства, другие верили, что исчезновение организовал ее литературный агент, и считали это своего рода рекламным трюком.

Вскоре это событие исчезло со страниц газет, но не из памяти людей. О степени известности, которую оно приобрело во всей Великобритании, можно судить по звучавшей каждое лето в конце двадцатых годов с эстрады, построенной на пляже возле Борнмута, популярной песенке «Дедушкины бакенбарды» в исполнении дуэта «Веселые кадеты» в составе Берчмора и Линдона. Куплетисты изменили текст песенки с целью довести до публики свое собственное объяснение таинственного исчезновения.

> Пышные у деда бакенбарды, у него густая борода!
> Но ни ножницы, ни бритва к ним не прикасались никогда.
> Миссис Кристи, когда вы исчезли, что укрыло вас тогда?
> Дедушкины бакенбарды и его густая борода!

До сего дня факты, связанные с ее исчезновением, все еще покрыты тайной, и это событие никогда не предавалось забвению, невзирая на то что последующая жизнь Агаты протекала нормально и даже счастливо. Как это ни печально, но

стабильность во втором браке, которая ей так нравилась, нарушалась преследовавшими ее горестями и постоянным чувством стыда, которые она тщательно скрывала. Когда, по прошествии лет, Агата стала более доступной для публики и даже иногда принимала журналистов, постоянным и необходимым условием таких встреч было не задавать вопросов ни об ее личной жизни, ни об исчезновении. Те несколько удачливых репортеров, которым выпала удача встретиться с Агатой, редко уносили с собой что-либо новое — у нее имелся запас подготовленных ответов, которым она и обходилась в подавляющем большинстве случаев. В действительности Агата была сложным человеком, осмотрительно отгородившимся от глаз и внимания публики.

Несмотря на шум, поднятый в обществе ее исчезновением, она приобрела больше почитателей, чем потеряла. Замечательным примером ее популярности может служить письмо выжившего узника немецкого концлагеря в Бухенвальде, написанное после войны и рассказывающее о том, как заключенные обдумали и организовали в лагере сценическую постановку по ее роману «Десять негритят». Хотя среди всего ею написанного эта история наиболее мрачная и кровавая (всех персонажей убивают одного за другим), захватывающий сюжет в сочетании с моральными принципами повествования способствовал поддержанию духа заключенных.

Естественно, ее творчество было официально отмечено — присвоение звания Командор ордена Британской империи в 1956 году, присуждение докторской степени по литературе в 1961 году и присвоение титула Дама-Командор ордена Британской империи в 1971 году. К тому времени читатели уже привыкли ждать от Агаты Кристи чего-то особенного, вроде подарка к Рождеству. Казалось, что ее успехи и слава достигли предела, и вышедший в 1974 году фильм Сидни Люнета «Убийство в Восточном экспрессе» (практически точная киноверсия знаменитого романа) был признан наиболее удачной экранизацией ее произведений и заслужил множество кинематографических наград. Она любила вечера, и ее радовало всеобщее почитание, но она так никогда и не простила прессе вторжения в свою личную жизнь в тот момент, когда была совершенно беззащитной. Эмоциональные раны и шрамы, причиненные исчезновением, так окончательно и не зажили. Ее смерть два года спустя (она умерла 12 января 1976 года) породила невосполнимую пустоту в сфере детективной литературы, а ее имя стало одним из самых выдающихся имен, подлинным маяком, на который ориентируются те, кто избрал путь автора детективов.

Посмертное опубликование ее автобиографии в 1977 году ожидалось с большим нетерпением. Объяснит ли она, в конце концов, что же произошло в те одиннадцать дней ее отсутствия? Однако даже простого упоминания об исчезновении в ее автобиографии не было. Многие читатели почувствовали себя обманутыми. Некоторые комментаторы даже задались вопросом: уж не является ли это актом отмщения прессе, которая все прошедшие годы постоянно следила за Агатой?

Хвалебные публикации, которые и по сию пору посвящаются ей как писателю, неизменно содержат упоминания об ее исчезновении, и, таким образом, это событие в ее жизни, которое она предпочитала бы считать небылицей, продолжает ставить все новые и новые вопросы. Понять, что произошло, возможно лишь в том случае, если изучить всю ее жизнь, с самого раннего детства, поскольку именно тогда, как это ни удивительно, были брошены семена, из которых впоследствии выросли ее несчастья.

Часть I
Любовь и предательство

1
Розовато-лиловые ирисы и бесценные сокровища

Агата была третьим ребенком в семье Фредерика Миллера, родившегося в Америке[3] и женившегося на англичанке Клариссе Боумер Миллер. Их брак был настолько счастливым, что Агата свято верила в то, что и ей судьбою уготован такой же идеальный супруг, надо только подрасти, а там и любовь, и счастье будут с нею всегда.

Эшфилд, небольшая белая вилла, стояла на окраине Торки[4], модного светского курорта, раскинувшегося на семи холмах южного побережья Девона. Здесь 15 сентября 1890 года появилась на свет девочка (при крещении ее нарекли Агатой Мэри Клариссой Миллер), ставшая горячо любимым «последышем» своих уже не молодых к тому времени родителей. Фредерик Миллер был веселым и чрезвычайно общительным человеком, постоянно пекущимся о своем здоровье и обожающим всевозможные театральные действа. Его кузина Кларисса, которую все в семье называли Кларой, боготворила Фредерика с раннего детства, и их брак был заключен по любви и обоюдному желанию. Кларисса была глубоко религиозной и воспринимала мир в мистическом свете. Родительская любовь в сочетании с их полнокровной, насыщенной событиями жизнью обеспечила Агате счастливое и безоблачное детство, однако не научила ее должным образом отражать уготованные судьбой удары.

В семействе Миллеров было еще двое детей: бойкая, самоуверенная Мадж и красивый, но лишенный каких-либо способностей Монти. Мадж была старше Агаты на одиннадцать лет и по мере того, как Агата взрослела, покоряла ее способностью говорить зловещими, мрачными голосами и своей любовью к нарядам. Никчемный Монти, который после недолгой службы в армии постепенно как бы сошел с семейной сцены, был старше Агаты на десять лет. Он всегда относился к ней с таким насмешливо-жестоким и наигранным снисхождением, что уже с детства она предпочитала обращаться по всем вопросам к женщинам своей семьи. Поскольку Мадж и Монти большую часть времени проводили в школе, Агата практически росла как единственный ребенок в семье. Она не посещала дошкольных подготовительных классов и вместо этого свободно разгуливала по Эшфилду, их семейному дому, в обществе друзей, существующих в ее воображении.

Центром ее ребяческого мира была детская комната, оклеенная обоями с розовато-лиловыми ирисами, где Агата проводила время в обществе заботливой няни, благочестивой христианки, насильно внушавшей своей обожаемой подопечной собственные моральные принципы и религиозную убежденность. Агате иногда было затруднительно примирить строгие моральные устои и идеалы няни с тем, что происходило вокруг, но она никогда открыто не выражала своего несогласия, поскольку по натуре не была спорщицей, а также понимала, что строгие суждения няни, а также окружающих ее взрослых были продиктованы любовью, а не страхом.

Агата была сверхчувствительным ребенком. В своих мемуарах она вспоминает об охватившем ее ужасе: она подслушала, как ее няня по секрету сообщила горничной о том, что юная мисс Агата продолжает играть в котят с воображаемыми друзьями. После такого опрометчивого выставления напоказ своей частной жизни она дала себе клятву: никогда больше не допускать кого-либо в тайну мира, существующего в ее воображении.

Теснее всего она была связана с Клариссой. Между матерью и дочерью существовала особая, невыражаемая словами любовь. В периоды невзгод рядом с Агатой не было никого, кто лучше Клариссы смог бы понять и поддержать ее. Знала Агата и то, что, если ей случится заболеть, мать лучше, чем кто-либо другой, сможет сделать ее здоровой.

Круглое лицо Агаты с глубоко сидящими серыми глазами и длинные светлые волосы придавали ее внешности какую-то одухотворенность. С годами у нее появилась не сразу различимая черта — защита от любопытного проникновения в душу; нежелательный вопрос она воспринимала, как пролетевшую мимо стрелу. Если необходимо было делиться информацией, она предпочитала делать это на своих условиях. Молчание стало для Агаты тщательно оберегаемой ценностью, неким коконом, окутывающим фантазии, и в своей дальнейшей жизни Агата больше всего ненавидела две вещи: шум и большие толпы.

Под внешним покровом детства, о котором может мечтать любой ребенок среднего класса, возникающие в ее сознании видения человека с оружием нарушали сложившуюся идиллию. Причиной этого был периодически повторяющийся ночной кошмар, в котором всегда появлялся некто в военной форме и с оружием; вот только не оружие в его руках пугало Агату и заставляло с криком просыпаться — все это происходило с ней в те моменты, когда взгляд его светло-синих глаз пересекался с ее взглядом. Впоследствии преследующие ее видения стали еще более страшными: сидя за семейным чае питием или находясь с

друзьями на пикнике, Агате, при взглядах в знакомые милые лица, случалось видеть глаза того человека с оружием. К великому ужасу, ей виделось, что у любимых ею людей вместо рук выросли ноги. Возможно, это отражало ее настороженность и скрытность, постепенно, одного за другим, вовлекая в видения предметы ее обожания и безмерной любви.

Религиозные верования Агата получила главным образом от няни. У ребенка сформировалось мнение, что она, следуя по стезе добродетели, является одной из «спасенных», а в мыслях она уже слышала, как люди, обращаясь к ней, называют ее «леди Агата». Ее постигло поистине сильнейшее разочарование, когда няня объяснила ей, что «леди Агатой» ее называли бы только в том случае, если бы она была аристократкой. Небо в ее представлении походило на окружающие Эшфилд прекрасные луга, на которых пасется множество овечек. Путаница с религиозными верованиями Агаты проявлялась и в ее противоречивых чувствах к отцу: одно время она боялась, что Фредерик будет гореть в аду, потому что вопреки запретам играет в крокет по воскресеньям после полудня, а также отпускает веселые и беззлобные шутки в адрес духовенства. Кларисса тоже играла в крокет, но Агата тревожилась за нее не так сильно, поскольку на прикроватном столике матери постоянно лежала книга Фомы Кемпийского «Подражание Христу»[5].

Вскоре после пятого дня рождения Агаты она вместе со всей семьей отправилась в продолжительную поездку во Францию; выбранный ими маршрут включал Париж, Динар, По, Аржеле, Лурд, Котере. В те дни путешествие было сравнительно недорогим удовольствием. Эшфилд был сдан в аренду, поскольку жить всей семьей за границей было дешевле, чем дома, к тому же Фредерик был озабочен тем, как улучшить напряженное положение с финансами, которые в то время находились в управлении одной нью-йоркской фирмы. Позднее в семье подозревали (впрочем эти подозрения так никогда и не нашли подтверждения), что все его состояние, возможно, перешло обманным путем в руки этой американской компании.

Убывающие финансовые возможности Фредерика, должно быть, ослабили способность его организма сопротивляться болезни, одолевавшей его в течение последующих шести лет, хотя доктора так и не смогли поставить точного диагноза. Финансовое положение Фредерика и его болезнь наложили слабый отпечаток на жизнь Агаты.

После возвращения домой, в Эшфилд, Кларисса, не боявшаяся новшеств, решила, что Агата будет учиться дома. Ведь девочка обладала исключительно живым воображением, а это и

послужит ее дочери своего рода катализатором. Кларисса была настроена против того, что дети обучаются чтению до достижения ими восьми лет, однако Агата сама научилась читать, когда ей исполнилось всего пять, приучившись распознавать слова по их внешнему виду, а не по буквенному составу. Отец, обучив ее азам арифметики, вскоре обнаружил, что природа наделила его дочь талантом к этой науке, а ее способность распутывать сложные психологические проблемы впоследствии оказалась бесценной при разработке сюжетов ее детективов. Обе ее бабушки (одна жила в Бейсуотере[6], другая — в Илинге[7]) были убежденными приверженками ценностей Викторианской эпохи, и именно у них она позаимствовала множество особенностей характера и правил поведения, которые использовала на то, чтобы сформировать образ мисс Марпл, старой девы, одержимой манией все выведывать и за всеми следить. Пребывая среди такого множества целеустремленных и самостоятельных взрослых людей, Агата выросла с убеждением, что в семье ее воспринимают как тугодума. И только, перешагнув рубеж двадцатилетия, она осознала, что ее семья была необыкновенно гармоничной, а сама она стала более умной и способной по сравнению с тем, какой виделась себе прежде.

Финансовое положение Фредерика, пошатнувшееся после поспешного отъезда старшей дочери в Нью-Йорк, продолжало ухудшаться, причиняя ему сильное беспокойство. Агате было почти одиннадцать лет, когда он начал искать работу в Лондоне, а это было практически нереальным для джентльмена пятидесяти пяти лет, никогда не работавшего и не имевшего никакой специальности. Тщетность этих поисков в Сити лишь усилило его беспокойство. Сильно похолодало, и простуда, подхваченная Фредериком, перешла в двустороннее воспаление легких. Под вечер 26 ноября 1901 года Агата, увидев, как ее мать стремглав выбежала из комнаты, в которой лежал отец, без слов поняла, что он умер.

Агата видела, как со смертью Фредерика почти все в доме внезапно изменилось. Даже высказывалось предположение, что для выхода из финансовых затруднений Клариссе следует продать Эшфилд. Но слезные мольбы ее дочерей и пришедшее вскоре протестующее письмо от Монти, находившегося в то время со своим полком за границей, заставили Клариссу капитулировать. Вместо продажи виллы был введен режим строжайшей экономии, позволивший Клариссе сохранить для семьи эту весьма незначительную недвижимую собственность. Агата всем сердцем была привязана к Эшфилду; подтверждением этого может послужить то, что в нескольких своих книгах она

рассказала о непреодолимом стремлении главных героев сохранить родовые гнезда.

К счастью, через девять месяцев после смерти Фредерика произошло событие, оживившее уединенную жизнь матери и дочери в Эшфилде. В сентябре 1902 года сестра Агаты, Мадж, вышла замуж за Джимми Уоттса, старшего сына состоятельного манчестерского фабриканта Джеймса Уоттса-старшего. Агата одобряла выбор сестры, Джимми относился к ней доброжелательно, не допускал никаких несерьезных выходок, не опускался до ребяческих глупостей и, что самое главное, говорил с ней так, словно она была уже девушкой-подростком. Прежде мучившее Агату чувство ревности из-за слишком, по ее мнению, горячего участия Клариссы и Фредерика в жизни Мадж, уехавшей в Нью-Йорк, забылось, к тому же ей была выделена собственная роль в веселом и увлекательном торжестве, каким должна была стать свадьба сестры.

Церемония венчания проходила в храме Святого Спасителя в Торке; на Мадж было платье, украшенное великолепной серебряной вышивкой, в руках, вместо свадебного букета, она держала молитвенник как символ памяти о своем покойном отце. Агата была одной из шести подружек невесты, среди которых была и младшая сестра жениха, Нэн Уоттс. Девочки были в светло-желтых, с рукавами до локтей, платьях из луизианского полотна[8], надетых поверх белых нижних юбочек, головы были повязаны косыночками из алансонского кружева. Платья, сверкавшие бриллиантовыми головками заколок, были украшены жемчужными брошками в форме цветка маргаритки. Это был подарок Джимми, в дополнение к которому он вручил всем подружкам невесты по букету этих цветов, выражая таким образом свои добрые пожелания невесте{2}.

Многие люди впоследствии перестали общаться с Агатой из-за той скандальной известности, вызванной ее исчезновением, но Нэн всю свою жизнь оставалась рядом. Поначалу отношения двух будущих золовок омрачались соперничеством. Нэн, четырнадцатилетняя задиристая девчонка-сорванец, видела в Агате (не без помощи неких «доброжелателей») скромную двенадцатилетнюю девочку. Агата в конце концов поняла, что по натуре Нэн добрая и приветливая, но слишком уж открытая и всегда говорит то, что думает. Первоначальная взаимная подозрительность девочек в отношении друг друга практически мгновенно исчезла после свадьбы, и комната для игр в Эшфилде наполнилась громким эхом их развеселых голосов.

Отношения, возникшие между Мадж и ее вновь обретенной свекровью, были далеко не родственными. Грубость и

необоснованная требовательность Мадж были оскорбительными для матери Нэн. Энн Уоттс не уставала повторять с горечью в голосе: «Мадж — это самое ужасное существо, появившееся в нашей семье». Несмотря на напряженность, возникшую между свекровью и невесткой, Агата и Кларисса, отличавшиеся хорошими манерами и светскостью поведения, всегда были желанными гостями в доме Уоттсов. К тому же между сватьями, Энн Уоттс и Клариссой, издавна существовали крепкие дружеские отношения, возникшие еще в детстве, когда обе они учились в одной школе в Чешире.

Семейство Уоттсов проживало в великолепном, огромных размеров особняке, построенном в стиле викторианской готики и расположенном в Чидле, в Чешире (сейчас это часть Большого Манчестера). В округе его называли Эбни-Холлом. В течение многих лет Агата часто бывала в этом доме, благодаря чему поняла суть и особенности жизни на широкую ногу, и в будущем использовала накопленные таким образом знания при описании бытового фона убийств, совершавшихся в загородных домах. Эбни-Холл находился во владении семьи Уоттсов с 1849 года, и в прошлом предкам нынешних хозяев случалось оказывать гостеприимство принцу Альберту и многим другим известным аристократам и политикам. В здании было множество коридоров и переходов, лестниц с изящными резными перилами, двустворчатых со средниками окон, рыцарских лат и доспехов, мраморных бюстов, а кроме того, свыше трех сотен картин, среди которых были полотна Гольбейна, Гейнсборо и Анселла; вестибюль охраняло чучело льва, когда-то сожравшего миссионера. Перед фасадом аккуратно подстриженные садовые вкрапления окружали небольшое озерцо, а на заднем дворе был настоящий густой сад с озером еще большего размера. За сводчатой аркой, увенчанной башней с часами, располагался огород, окруженный невероятной толщины стенами, в котором было установлено вентиляционное устройство готических времен, обдувавшее теплым воздухом фруктовые деревья. Агата считала Эбни-Холл «верхом великолепия», и впоследствии он с незначительными изменениями послужил местом действия многих ее детективных романов, включая «Тайну замка Чимниз» и «Рождество Эркюля Пуаро».

Стесненные обстоятельства, в которых росла Агата, не сильно влияли на ее жизнь в подростковом возрасте, поскольку Кларисса всеми силами старалась доказать ей, что их дом остается бастионом любви и безопасности. Она договорилась с мисс Гайер, директрисой школы в Торке о том, что Агата дважды в неделю будет посещать занятия по арифметике и литературе, эти занятия

продолжались полтора года.

Ее религиозным верованиям был нанесен чувствительный удар, когда однажды один из школьных учителей стал настойчиво убеждать учеников, что каждому из них в какой-то момент жизни суждено испытать отчаяние, а до этого момента они не поймут, что значит быть истинным христианином. Пройти через то, что выпало на долю Бога, — это и есть настоящее испытание, а именно: узнать, что все твои друзья тебя покинули, все, кого ты любил и кому верил, от тебя отвернулись. Пережить такое возможно, втолковывал учитель детям, если твердо верить, что это еще не конец, и помнить: если ты любишь, то обязан страдать — в противном случае тебе никогда не суждено будет постичь смысл христианской жизни. Этот урок запомнился Агате на всю жизнь.

Приезды Нэн в Эшфилд были воистину радостными событиями, которые скрашивали размеренно однообразную жизни Агаты и давали ей возможность проявить изобретательность — как можно более весело провести время. Любимой игрой было втиснуться вдвоем в набитый одеждой шкаф, а затем с криком вывалиться из него. Нэн была наследницей большого состояния, а потому вещи, которые она отказывалась носить, часто переходили к Агате.

Рождество неизменно встречали в Эбни-Холле. Агата и Нэн обожали пить молоко, смешанное со сливками, на расположенной рядом ферме, где Нэн однажды покрасила всех поросят в зеленый цвет. В семействе Уоттсов существовало твердое неписаное правило: и хозяева, и гости должны были являться ряженными к обеду. Сохранилась фотография, запечатлевшая Нэн, облаченную в костюм бродячего кентуккийского менестреля. Будучи от природы впечатлительными, Агата и Нэн почти всегда понимали друг друга без слов и после обеда часто показывали пантомимы в комнате, называемой «зал заседаний совета». Огромных размеров альков с массивным занавесом служил отличной сценой, а Агата, благодаря своему кукольному, словно фарфоровому, личику и замедленным, как во сне, движениям, заслужила в семействе Уоттсов прозвище Звездные глазки.

После того памятного исчезновения у Агаты со временем развилась агорафобия[9] — нервическая реакция на толпу и незнакомцев, однако многие были склонны считать это патологической стеснительностью. А ведь те, кто знал Агату до этого случая, запомнили ее исключительно привлекательной девушкой, которая, повзрослев, явно не будет испытывать недостатка в поклонниках и обожателях. Ее немногословность, а подчас и молчаливость возникали тогда, когда она испытывала

удовольствие от наблюдения за другими людьми или не желала делиться информацией на неприемлемых для нее условиях. А это свидетельствует о том, что часто люди, мало знавшие ее, ошибались, объясняя такое состояние равнодушием или стеснительностью.

Однообразие повседневной жизни Агата скрашивала участием в многочисленных любительских театральных представлениях в Торке. При работе над постановкой «Синей Бороды, приносящей несчастья», она познакомилась с молодым человеком, Эймиасом Бостоном, на некоторое время ставшим для нее предметом привязанности и пылкого обожания. Однако истинной страстью Агаты была музыка, и, когда Кларисса для завершения школьного образования отправила ее в Париж, где она брала уроки фортепиано и пения, мысли об Эймиасе сами собой испарились.

В течение двух последних школьных лет Агата вынашивала мысль о том, чтобы посвятить жизнь исполнительскому искусству. Как это ни печально, но ее мечты не подкреплялись необходимой самодисциплиной и способностями. Ее преподаватели старались переубедить ее, и она в конце концов поняла, что не обладает достаточным талантом для выступления на публике с сольными фортепианными концертами. Поняла она и то, что природа не наделила ее достаточными для оперной певицы голосовыми данными, и поэтому отказалась от мысли выступать на оперной сцене, судьба же концертной певицы не вписывалась в рамки ее музыкальных амбиций.

В это время Нэн завершала школьное образование во Флоренции. Прежняя сорванец-девчонка превратилась в скромную круглолицую брюнетку; на ее веселые насмешки и язвительный юмор охотно клевали перспективные поклонники. Агата не порывала отношений с золовкой и во время каникул приезжала к ней в Италию.

После возвращения Агаты из Парижа Кларисса решила, что завершающим этапом ее образования должна быть поездка в Каир. К тому времени Агата превратилась в привлекательную блондинку почти скандинавского типа: высокую и стройную, с сияющей улыбкой на овальном лице. Единственное, что при взгляде в зеркало вызывало ее беспокойство, был «римский» (согласно ее определению) нос. Ее считали, причем совершенно несправедливо, нефотогеничной. В действительности же самые удачные фотографии периода ее молодости — это те, где фотограф снял ее неожиданно, без предупреждения и подготовки, а также групповые, на которых она радуется, находясь в компании друзей.

Во время жизни в Каире у Агаты было несколько знакомств, сопровождаемых приятным, веселым флиртом, благодаря которым ее природные замкнутость и молчаливость отступили на задний план, сделав ее более общительной. Но страсть и настойчивость, проявляемые поклонниками, были несоизмеримы с тем, что они получали в ответ, ведь ни один из них не томился жаждой приключений и не обладал безрассудной смелостью. С тем она и вернулась в Англию.

Агата вспоминала о том, какую «славную праздную» жизнь она вела, вернувшись в Эшфилд, однако это праздное спокойствие подтачивало усиливающееся чувство беспокойства. Жизнь, которую вела ее золовка, представлялась куда более оживленной и притягательной. Нэн недавно стала предметом внимания одного совершенно неподходящего поклонника, и родители, с целью прервать этот нежелательный роман, отправили дочь в кругосветное путешествие в сопровождении ее дяди Джорджа и тети Элен.

Четвертого января 1910 года произошло нечто непредвиденное. Пароход «Уэйкер», на котором путешествовала Нэн с родственниками, напоровшись на подводный риф в проливе Даски-Саунд[10], потерпел крушение (к счастью, обошедшееся без жертв) у острова Стоп-Айленд, вблизи побережья Новой Зеландии. Суровое двухдневное испытание, выпавшее на долю пассажиров и экипажа, облегчалось тем, что им, до того как пароход затонул, удалось спасти продовольственные запасы, багаж и рояль. Спасенная корабельная кошка разродилась четырьмя котятами, а Нэн, потрясенная произошедшим, все-таки нашла в себе силы взять в руки фотоаппарат «Кодак» и сфотографировать своих товарищей по несчастью, укрывшихся под куском просмоленной парусины.

Спустя годы Агата использовала описание этого кораблекрушения в своем рассказе «Голос в темноте», описание попало на первую полосу газеты «Отаго Уитнес», и Нэн привезла несколько номеров этой газеты в Англию. С торжеством и гордостью она показывала их членам своей семьи, которые не верили своим глазам. Вернувшись из морского вояжа, Нэн неожиданно обрела романтическую привязанность к некому Хьюго Поллоку, за которого и вышла замуж через два года; она с удовольствием посвящала Агату во все подробности их любовных отношений.

Агата выздоравливала от простуды, когда однажды зимним вечером мать предложила ей попробовать пойти по стопам ее сестры Мадж и написать какой-нибудь рассказ, дабы развеять обуявшую ее скуку. Написанный Агатой рассказ, а также и

последовавшие за ним другие рассказы были отвергнуты издателями. С одобрения матери Агата обратилась за советом к известному писателю Идену Филиппотсу, жившему по соседству, и он, прочитав ее первую литературную пробу «Снег над пустыней», посоветовал ей не предлагать свои работы журналам. До признания литературных способностей Агаты пройдет еще несколько лет. А пока ее романтическое поведение и привлекательная внешность наводили окружающих людей на мысль о том, что она с большим успехом могла бы использовать свою энергию на поиски спутника жизни. Однако на все предложения подобного рода Агата неизменно отвечала отказом.

Наиболее серьезным из таких искателей ее расположения был скромный, добрый и беззаботный Реджи Луси, майор-артиллерист, впоследствии послуживший прототипом Питера Мейтленда в ее автобиографическом романе «Незаконченный портрет», опубликованном под псевдонимом Мэри Уэстмакотт. Кларисса дала согласие на их помолвку, и после того, как Реджи Луси вернулся в свой полк в Гонконге, их роман продолжался через почту.

Несмотря на свою привлекательность и располагающую вальяжность, Реджи Луси не мог предложить Агате того, чего она желала: ее сжигало тайное желание быть завоеванной чужаком, «человеком из моря» — так она определяла его в своей автобиографии. Она была буквально одержима этой романтической идеей, быть покоренной и полностью подчиниться незнакомцу.

Реджи Луси, бесшабашный во всем, упустил очень многое в своей жизни, и его слова о том, что Агата вольна взять назад свое согласие, дали ей право отказаться от выполнения взятых при помолвке обязательств. Романтическое приключение, так долго ожидаемое Агатой, внезапно, а именно 12 октября 1912 года, стало реальностью в облике Арчибальда Кристи — человека, которому суждено было навсегда изменить ее жизнь, а затем и разбить ее сердце.

2
Человек из моря

Агате было всего двадцать два года, когда она встретила энергичного и напористого Арчибальда Кристи на танцевальном вечере, устроенном лордом Клиффордом и его супругой в Агбрук-Хаузе, их доме в Девоне. В свои двадцать три года Арчибальд был высоким, симпатичным молодым человеком с вьющимися светлыми волосами, с раздвоенным подбородком и забавно вздернутым носом. Он родился 30 сентября 1889 года в Пешеваре, в Северной Индии.

Мать Арчи, Элен Рут Кристи, ирландка по происхождению, была еще жива, но его отец-англичанин, Арчибальд Кристи-старший, в прошлом занимавший пост судьи Апелляционного суда в Индии, несколько лет назад скончался, причиной чему послужило его падение с лошади, случившееся вскоре после возвращения в Англию. Элен Кристи, которую родня называла Пег, впоследствии снова вышла замуж за Уилльяма Хемзли, преподавателя Клифтон-колледжа в Бристоле, где Арчи в свое время был старшим учеником[11]. У Элен был еще один сын от первого брака, Кэмблл Маннинг Кристи, на четыре года младше Арчи, который закончил свою военную карьеру в чине генерал-майора. Он представлял собой как бы бледный отпечаток своего старшего брата и имел склонности к искусству, реализовать которые ему удалось только после Второй мировой войны, когда он написал несколько пьес, восторженно принятых зрителями.

После Клифтона Арчи закончил Королевскую военную академию в Вулидже[12] и в чине лейтенанта служил в воинской части, расквартированной в Эксетере, в Девоне. Он убеждал Агату, чтобы она отказывала партнерам, приглашающим ее на танец, якобы в их первую встречу она должна танцевать только с ним. Но Агата поступила весьма разумно, показав ему, что их встреча — это всего лишь случайность. Каково же было ее удивление, когда через несколько дней он на мотоцикле прикатил в Эшфилд.

Арчи буквально сразу поразил воображение Агаты своей привлекательной внешностью, умом и горячностью в делах. В ее глазах это был именно тот мужчина, в котором в равной пропорции сочетались романтика и страсть к приключениям, который поможет ей справиться с природной застенчивостью и заглянуть в глубины ее души. Арчи как раз и был тем романтическим героем, о котором она мечтала, ее «человеком из

моря». Даже его профессия требовала бесстрашия и готовности к повседневному риску: он был включен в небольшую группу летчиков-асов, входившую в состав недавно сформированной Королевской авиации сухопутных войск[13].

В свою очередь и сам Арчи был очарован неотразимой привлекательностью Агаты, как, впрочем, и ее женственностью, и уменьем владеть собой, что придавало ему большую решимость. Ухаживание приобрело характер ураганной стремительности. Арчи явно склонял чашу весов в свою пользу и так стремительно завоевал сердце Агаты, что по прошествии двух с половиной месяцев со дня их знакомства объявил, что хочет жениться на ней без всяких промедлений. Агата ясно видела, что во многих вопросах они были абсолютно несхожими людьми, но, несмотря на это, страстно желала видеть Арчи своим мужем.

Она понимала, что ее восторженное отношение к нему в значительной степени объясняется тем фактом, что он все еще является для нее незнакомцем; в этот период времени она часто ловила себя на том, что, словно очнувшись от беспокойного сна, невнятно бормочет про себя: «Незнакомец из моря, незнакомец из моря…» Это запало ей в душу настолько, что она написала стихотворную «Балладу о Кремне»[14], в которой Арчи выведен в образе предводителя викингов, флотилия которых совершила набег на мирных жителей Дермура в Девоне. Себя она изобразила женой местного священника, а выход отчаянному чувству беспомощности в этих роковых обстоятельствах она нашла в том, что оба они трагически погибли, после того как предводитель викингов объявил ее своей.

Мать Агаты оказалась единственной, кого Арчи не смог до конца очаровать своим шармом и напористостью. Причина, по которой Кларисса не одобряла этот скоропалительный брак, заключалась вовсе не в том, что ей предстояло разделить свою горячо любимую дочь с другим человеком, ее волнения были чисто практического характера: как и на что будущий супруг рассчитывает содержать жену? Арчи, будучи младшим офицером, получал весьма небольшое жалованье, единственным пополнением его бюджета была незначительная помощь матери. Сто фунтов, ежегодно получаемые Агатой в виде наследства от Натаниэля Миллера, деда по отцовской линии, нельзя было считать серьезным дополнением к тому, чем располагал Арчи.

К тому же Кларисса разглядела в характере Арчи пугающую жестокость и невоздержанность, настораживающие ее и вызывающие дурные предчувствия. Она ясно понимала, что дочь, с ее чувствительным характером, окажется практически беззащитной, столкнувшись с невзгодами и трудностями. Более

того, инстинкт Клариссы (который в некоторых случаях был скорее ясновидением) подсказывал ей, что верным мужем Арчи не будет. Но Кларисса так сильно любила Агату, что не могла причинить ей боль и, уступив упрямству дочери, дала свое согласие на помолвку.

Агата, набравшись смелости, написала Реджи Луси и сообщила о разрыве их помолвки. Впоследствии, когда начались нелады с Арчи, она, размышляя о жизни, предполагала, что с Реджи ее жизнь была бы спокойной и счастливой, хотя знала, что никогда не любила бы его так, как любила Арчи.

Еще на начальном этапе их отношений Арчи дал понять, что для него невыносимо видеть людей несчастными или больными, но очарованная им Агата намного позже поняла, что именно им имел ввиду.

Бурный период их помолвки, продолжавшийся полтора года, состоял из сплошных взлетов и падений, во время которых и Агата, и Арчи часто впадали в отчаяние, пытая себя вопросом: возможно ли вообще вступать в брак при подобных обстоятельствах? Ни один влюбленный мужчина, тем более обладающий темпераментом Арчи, не потерпит того, что ему, по мнению его будущей тещи, уготована партия второй скрипки в семейном дуэте, а шаткое здоровье Клариссы было причиной, по которой Агата несколько раз откладывала помолвку.

Агата любила Арчи все сильнее и сильнее, потому что в некотором смысле она все еще воспринимала его как незнакомца. Все, что он делал или говорил, казалось ей каким-то странным и волнующим; он чувствовал то же самое по отношению к ней, и однажды воскликнул: «Я чувствую, мне *тебя* не понять!» В минуты неуверенности и колебаний у Агаты появлялось «желание повернуть назад», чтобы ощутить «твердую почву под ногами». Но Арчи был уверен в одном: притягательность «человека с моря» была слишком сильной, и Агата понимала, что должна по своей воле рискнуть и войти в глубокую воду.

Начало Первой мировой войны было для них побудительным стимулом ухватить, пока это возможно, свою долю счастья. Арчи предоставили трехдневный отпуск, и эти дни они проводили с его матерью в Клифтоне. Решение пожениться было принято настолько стремительно, что им пришлось обратиться за специальным разрешением. Как обычно, отчим Арчи, Уильям Хемзли, проявил себя настоящим отцом и, поддержав молодых, помог реализовать до конца их планы.

Но вот будущая свекровь Агаты повела себя совершенно иначе. Пег Хемзли, которую второй ее сын, Кэмблл, назвал однажды опасной женщиной, поскольку она обладала

способностью щедро проявлять такую любовь, которая моментально сменялась ненавистью, в начале романа, ради того чтобы угодить Арчи, тепло принимала девушку в своем доме, однако никогда не считала Агату достойной супругой для своего сына. Агата носила круглые отложные воротнички «Питер Пэн»[15] (в то время модные, но, по мнению некоторых, недопустимо открывающие тело), поэтому Пег считала невесту своего сына «вульгарной». Она утешала себя мыслью о том, что Арчи еще слишком молод для женитьбы и их злополучное знакомство закончится ничем. Решительность своего сына в расчет она не принимала. Пег постоянно то демонстрировала Агате свою любовь, то выказывала будущей невестке свою антипатию. Агата не ошибалась, когда предвидела неприятности со стороны Пег в случае их решения пожениться.

Однако ни бурная истерика, которую закатила Пег, ни ее отказ присутствовать на церемонии венчания в приходской церкви Эммануила в Клифтоне не смогли поколебать Арчи и Агату — они обвенчались в канун Рождества 1914 года. Семья Агаты тоже была поначалу обозлена и разочарована, поскольку спустя лишь некоторое время узнала, что Агата стала миссис Арчибальд Кристи. Таким образом, их брак начался с плохого старта, и Агата, вспоминая впоследствии день их свадьбы, отмечала, что все люди, которые для нее и для Арчи были самыми любимыми, отчего-то разозлились на них.

Через два дня Арчи вылетел во Францию. Агата вернулась к матери. Поддержание порядка в Эшфилде стало Клариссе не по силам, но положение семьи неожиданно улучшилось за счет появления нового источника средств: престарелая и практически обессилевшая бабушка Агаты из Илинга теперь стала жить с ними. Когда Агата была свободна от занятий по дому, она с энтузиазмом и в силу своих возможностей старалась облегчить тяготы войны и обеспечить победу, работая санитаркой в добровольческом медицинском отряде, сформированном при городском госпитале Красного Креста в Торке.

Ей пришла в голову мысль, что чтение детективов хоть немного отвлечет ее от тревоги за Арчи, поскольку обычно описаниям опасностей, подстерегающих в бою, и неожиданной гибели всегда сопутствуют успокаивающие рассуждения морального характера. Под конец войны Арчи отстранили от боевых вылетов из-за ухудшения здоровья, вызванного обильным высыпанием свищей, и перевели на штабную работу во Франции. Агата, сдав экзамен на фармацевта, поступила провизором в аптеку при госпитале в Торке.

На решение Агаты написать первый детектив в значительной

степени повлияли сложные отношения с Мадж. Агата обожала свою старшую сестру и одновременно испытывала к ней острую, тщательно скрываемую ревность, ведь все в семье называли ее не иначе как умницей. Замужество ввело Мадж в очень богатое семейство, все отмечали ее внешность и ум; она успела побывать в таких экзотических местах, как Итальянские Альпы и Санкт-Мориц. Мадж была завзятой спорщицей, поэтому беседовать с ней было очень интересно. Ее увлекательные истории о самой себе и о других людях часто бывали сильно приукрашенными, однако зерно правды присутствовало в них всегда. Агату в особенности огорчало и выводило из себя то, что Мадж уже опубликовала серию рассказов в журнале «Венити фаер», а это добавляло к неудачным попыткам Агаты напечататься еще больше горечи и унижения.

Однажды во время, когда роман Агаты и Реджи Луси уже набирал обороты, между сестрами разгорелся ожесточенный спор о том, что именно делает детектив хорошим. Мадж заключила с сестрой пари, утверждая, что она не сможет написать детектив, в котором читатель не в состоянии определить, кто преступник, хотя ему и будут известны все факты и улики, выявленные при расследовании.

Работая в аптеке, сжигаемая ревностью Агата, старалась использовать каждую свободную минуту для обдумывания сюжета «Загадочного происшествия в Стайлзе». Выбранный ею изощренный способ совершения убийства основывался на недавно приобретенных знаниях о действии ядов, а среди множества наводнивших Торк бельгийских беженцев она углядела черты маленького детектива с яйцеобразной головой, получившего впоследствии имя Эркюль Пуаро.

Ее супружеская жизнь по-настоящему началась лишь в сентябре 1918 года, за два месяца до окончания войны. Агата уволилась из аптеки и перебралась в Лондон, чтобы быть рядом с Арчи. Супруг получил назначение в министерство авиации в Ковент-Гардене, где занял пост главного технического инспектора по Юго-Восточному округу. Он вернулся из Франции, украшенный многочисленными атрибутами героя, помимо пятикратного упоминания его имени в победных реляциях, он получил три награды: орден «За боевые заслуги», орден Михаила и Георгия 2-й степени и орден Святого Станислава 3-й степени со шпагами. Арчи не горел желанием тянуть лямку в Королевских ВВС, поскольку ясно понял, что будущего в армии у него нет, а потому стал искать работу в лондонском Сити, где рассчитывал заработать большие деньги.

Уик-энды Агата поначалу проводила в уединении, сторонясь

своих преуспевших лондонских знакомых. Ее смущала финансовая пропасть, пролегающая между ними и ею с Арчи. Нэн Уоттс недавно поселилась в доме десять по Морс-Гарден в Челси и, после того как Агата, набравшись смелости, подала знак о себе, посетовала, что сама раньше не занялась поисками золовки.

Брак Нэн с Хьюго Поллоком, заключенный в 1912 году, нельзя было назвать удачным. Через четыре года у них родилась дочь Юдифь, но у супруга не было времени заниматься ею, и она часто слышала от него «Пошла прочь» — эту фразу он произносил по-арабски. Буквально перед тем как Агата побывала у Нэн, он отправился на пешую прогулку, да так и не вернулся домой. Не забота о воспитании дочери привела Нэн в Лондон, а поиски жизни, более свободной от сословных и прочих ограничений. Будучи в гостях у золовки, обносившаяся донельзя Агата не могла дождаться, когда же наконец Нэн пригласит ее осмотреть содержимое ее шкафа с одеждой.

Именно в то время, когда Арчи был занят поисками хорошей работы, позволившей бы им пережить трудный послевоенный период, Агата обнаружила, что беременна. Арчи с покорным смирением выслушал эту новость, сказав лишь, что желал бы иметь дочь, потому что сын будет вызывать в нем ревность. Такая реакция с его стороны не вызвала удивления, поскольку после женитьбы его смелость и отвага как-то испарились, уступив место мальчишеской скромности и неуверенности в себе, более присущим, по мнению Агаты, детям. Арчи был сильно озабочен тем, чтобы после родов его жена не утратила свою физическую привлекательность. Пятого апреля 1919 года они стали счастливыми родителями дочери Розалинд, которую между собой называли Тедди.

В тот год Арчи подал в отставку, получив предложение от «Империал энд Форин Корпорэшн», — он полагал, что это и есть та стартовая ступень, которую он искал. В радостном возбуждении от предстоящего воссоединения с Арчи и последующей совместной жизни (вместо раздельного проживания в убогих квартирах в разных концах Лондона) Агата махнула рукой на «Загадочное происшествие в Стайлзе», отвергнутое в течение нескольких лет пятью издательствами. Но когда издательство «Бодли Хед» прислало ей в конце 1919 года приглашение на встречу, она восприняла его как многообещающее предзнаменование.

Агата встретилась с Джоном Лейном, представителем издательства «Бодли Хед», в январе 1920 года и, согласившись изменить две последних главы, с готовностью (со слишком поспешной готовностью) подписала контракт на то, где и когда

будет опубликован ее детектив. При этом она не поняла того, что условия контракта были очень выгодными для издательства «Бодли Хед», не придав большого значения и тому, что в будущем обязывалась предоставить в распоряжение этого издательства пять книг.

Согласившись заменить зал суда, описанный в заключительной части романа, на гостиную, обстановка в которой была напряжена до предела, Агата получила редкое для дебютанта-новеллиста предложение на публикацию «Загадочного происшествия в Стайлзе» в пятничных приложениях газеты «Таймс уикли эдишн» с февраля по июнь текущего года. Истинным желанием Агаты, разумеется, было увидеть свой роман, опубликованный в виде книги. «Бодли Хед» объявило в рекламе, что отдельным изданием книга выйдет в августе. Когда наступил октябрь, а книга все еще не вышла, Агата почувствовала разочарование и растерянность. В письме издательству она настоятельно просила выпустить книгу до Рождества, к началу процесса над Гринвудом. В ноябре пресса проявляла большой интерес к делу адвоката Гарольда Гринвуда из городка Кидвелли в Западном Уэллсе, обвиненного в отравлении своей жены мышьяком, но оправданного на судебном процессе. Агата очень надеялась на то, что ее повествование с описанием отравления и драмы в судебном присутствии пробудят аналогичный интерес читающей публики.

В конце 1920 года роман «Загадочное происшествие в Стайлзе» неожиданно вышел в Америке, а в начале 1921 года он был опубликован и в Британии, причем было продано больше 2000 экземпляров, что в то время считалось весьма немалым количеством для авторского дебюта. Однако поскольку практически все условия подписанного ею контракта были в пользу издательства, весь ее гонорар равнялся 25 фунтам, составлявшим ее долю от права на публикацию.

Следующая книга Агаты, «Таинственный противник», принесла доход почти вдвое больший и показала читателям идеализированные образы Арчи и самой писательницы в обличии недавно демобилизованного Томми Бересфорда и дальновидной «Тапенс» Каули, беспутной сладкой парочки, решившей дать в газете «Таймс» объявление («Согласны на любую работу»), которое вовлекло их в тайную шпионскую деятельность, связанную с пропавшими документами и таинственной девушкой, разыгравшей амнезию ради спасения от врагов.

Агата надеялась на то, что успехи в писательстве улучшат финансовое положение их семьи; кроме того, ее мать с трудом могла содержать Эшфилд, поскольку теперь, после того как 1919

году умерла бабушка Агаты из Эллинга, у нее оставался лишь один источник средств.

Осознав, что ее отношения с «Бодли Хед» являются выгодными лишь для издательства, Агата приняла решение как можно скорее выполнить свои обязательства по контракту с ними, после чего найти другого издателя. В подписанном ею контракте не оговаривалось, что все пять книг, которые она обязана передать издательству, должны быть детективами, этим она и воспользовалась, представив после «Таинственного противника» затянутое мистическое повествование, написанное несколько лет назад и первоначально названное «Видение».

Агата была убеждена в том, что «Бодли Хед» не примет эту книгу, и не ошиблась, но, помня насколько бесчестно издательство обошлось с нею, она, поступая таким образом, не испытывала ни малейших угрызений совести. «Бодли Хед» выпустило «Таинственного противника» в 1922 году, предпослав роману причудливо-вычурное посвящение: «Посвящается всем ведущим монотонную жизнь с пожеланиями хоть опосредованно испытать удовольствия и опасности приключения», но в то время семейство Кристи уже отправилось на поиски собственных приключений.

Агата сопровождала Арчи, которого в роли финансового советника включили в делегацию, направленную в 1922 году в страны Британской империи. Они посетили Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию, Канаду, а также побывали и в Соединенных Штатах. Целью поездки было привлечение внимания к предстоящей Выставке Британской империи, открытие которой в северо-западном пригороде Лондона Уэмбли должно было состояться в 1924 году. Эта поездка была одним из самых волнующих событий в их жизни. Хотя на деле турне было сопряжено с напряженной и утомительной публичной деятельностью (в том числе многочисленными встречами с официальными лицами всех стран, где побывала делегация), случались и передышки, во время одной из которых Арчи и Агата провели две недели в Гонолулу. Очарование друг другом и удовольствие от сёрфинга вселило в их души состояние неразрывного единения и веселости, что в обычной жизни случалось не часто, поскольку борьба, которую вел Арчи за создание собственного места в деловом мире, приглушала подобные чувства. Омрачал эту поездку вспыльчивый и несдержанный майор Эрнест Белчер, который часто по собственной инициативе становился главой делегации, благодаря своей свирепости и яростным приступам гнева, а кроме того, беспокоила их и разлука с дочерью Розалинд, оставленной на

попечение родственников. Однако главные проблемы обрушились на них после возвращения в Англию.

3
Неприятности и процветание

Стоило чете Кристи переступить порог своей лондонской квартиры, как сразу началась полоса невезения. «Империал энд Форин Корпорэшн» не сохранила за Арчи занимаемую им прежде должность, он лишился работы, а также и перспектив найти новую. Собираясь в поездку, супруги предвидели подобный исход, но они еще не привыкли действовать осмотрительно и уже настроились увидеть мир, а поэтому и не учли риск последствий.

В начале 1923 года вышел в свет роман «Убийство на поле для гольфа» — новое повествование Пуаро о миллионере во Франции, которого нашли заколотым на поле для игры в гольф. На этапе допечатной подготовки Агата одержала победу в крупном скандале с издателем: суперобложка, которую предполагалось иллюстрировать рисунком, попросту вводила читателя в заблуждение. Несмотря на продолжающиеся финансовые затруднения и мрачное настроение Арчи, Агата все-таки верила, что подходящая работа для него найдется, ведь он был яростно амбициозным и на редкость энергичным, а это всегда вызывало ее восхищение.

Основное пополнение их финансов пришлось на вторую неделю мая, когда Агата выиграла небольшой приз, правильно определив убийцу Хью Боудена в семинедельном газетном сериале «Тайна дома Нормана»[16]. Если бы ее письмо с ответом пришло в редакцию «Дейли скетч» первым, ей достался бы первый приз — 1300 фунтов, что сразу разрешило бы все их финансовые проблемы, но так не случилось. А второй приз, 800 фунтов, был поделен между двенадцатью победителями, одним из которых была Агата.

В это время ее старший брат Монти после многолетнего отсутствия вернулся в Англию. В своей автобиографии Агата не пишет, что заставляло ее испытывать тайный стыд за брата, и не объясняет, почему ее мать с таким трудом переносила странности в его поведении. Причина заключалась в том, что Монти стал наркоманом. Его исключили из Харроу[17] за нежелание учиться, после чего он служил в армии в Южной Африке и в Индии. Быстро промотав наследство, оставленное ему Натаниэлем Миллером, дедушкой по отцовской линии, он подал в отставку, скорее всего потому, что его долги превысили все допустимые пределы. Затем Монти перебрался в Кению, где занялся фермерством и охотой в сафари. В свое время его старшая сестра

Мадж на деньги, выделенные ее мужем Джимми, финансировала его провалившийся впоследствии проект организовать транспортные перевозки маломерными судами по озеру Виктория в Восточной Африке. Но эта затея была «торпедирована» войной, разразившейся в 1914 году. Некоторое время Монти служил в Британском колониальном полку, откуда был комиссован после ранения в руку. В рану попала инфекция, и, хотя он смог снова заняться охотой, здоровье его ухудшалось. Под конец наблюдавший его врач объяснил, что с инфицированной верхней конечностью он проживет не более полугода. Примечателен, однако, тот факт, что после возвращения в Эшфилд Монти пошел на поправку. Подобно многим располагающим к себе людям, он не отличался честностью, а поэтому так и осталось неясным: он пристрастился к морфину, который был ему прописан как болеутоляющее средство, или сделался обычным наркоманом по каким-то другим причинам.

Самой отвратительной привычкой Монти было стрелять из пистолета через окно по гостям или торговцам, приходившим в Эшфилд. У него не было намерения ни ранить, ни искалечить несчастных жертв — лишь смертельно напугать их. Невероятно, но, когда приходила полиция, Монти ловко выкручивался, уверяя, что это был просто выстрел в никуда, не представлявший никакой реальной опасности для кого-либо. Стрессы, вызываемые безответственным поведением сына, еще сильнее ухудшили и без того слабое здоровье Клариссы.

Совместными усилиями Агата и Мадж оградили мать от дальнейших скандалов и неприятностей, в результате предпринятых ими энергичных действий Монти был временно переселен в загородный дом в Дартмуре, в графстве Девоншир, под присмотр и опеку вдовы местного врача. Как вспоминали дочь и зять Нэн (Юдифь и Грэм Гарднеры), муж Мадж, Джимми, который на дух не переносил Монти, но часто бывал одурачен супругой, оплачивал его счета в течение всей жизни.

Между тем жизнь Агаты с безработным супругом стала настолько тягостной, что она решила переехать вместе с Розалинд в Эшфилд или в Эбни-Холл на время, пока Арчи справляется со своими проблемами. Постигшие его неудачи Арчи принимал близко к сердцу, и положение безработного было ему ненавистно. Если Агата веселыми разговорами пыталась отвлечь мужа от гнетущих переживаний, то в ответ слышала от него обвинения в непонимании безысходности их положения, а когда она молчала, он упрекал ее за то, что она не пытается его ободрить.

К ноябрю 1923 года Агата закончила роман «Мужчина в

коричневом костюме», динамичный, с закрученным сюжетом триллер, написанный под впечатлением от поездки в Южную Африку. Она наделила героиню романа, Энн Бэддингфельд, привлекательную и до чрезвычайности независимую особу, своим отношением к браку и опытом, накопленным в процессе собственной семейной жизни. Ее героиня убеждена, что лишь в том случае станет думать о браке с кем-либо, если будет влюблена в него до безумия: она верит, что ради любимого человека можно пойти на любые жертвы. По ее мнению, столь большое число несчастливых браков объясняется тем, что мужья либо постоянно уступают своим женам, либо в противном случае доводят жен до отчаяния своим явным эгоизмом. Она убеждена, что женщинам нравится, когда ими управляют, а вот недооценка их самопожертвования пробуждает в них ненависть к партнеру; что же касается мужчин, то они не ценят по-настоящему женщин, которые постоянно относятся к ним ласково и по-доброму. Суммируя свои наблюдения, она пришла к выводу, что большинство успешных браков базируется на том, что мужчине удается заставить свою жену делать именно то, что он хочет, а сам он при этом втихую потешается над ней до колик.

Словно осознавая, к чему может привести ее собственное раболепие, Агата вкладывает в уста героини демонстративно дерзкие слова о том, что когда она выйдет замуж, то большую часть времени будет дьяволом, лишь от случая к случаю удивляя супруга ангельским поведением. В ответ на замечание героя о том, что это будет жизнь кошки с собакой, она заверила его, что любовники постоянно дерутся, потому что не понимают друг друга, а вот поняв друг друга, они перестают быть любовниками. Герой спрашивает: ну, а если рассуждать от обратного, то выходит, что люди, которые все время дерутся друг с другом, любовники? Героиня растеряна и не знает, что ответить.

Такой обмен мнениями в приложении к ее собственной ситуации означал следующее: хотя у Агаты и были основания чувствовать прохладное отношение Арчи, она не считала разлад и непонимание помехами в семейной жизни, так как именно они свидетельствовали о взаимной любви супругов, а также о том, что страдание женщины — это основа более яркого и благородного проявления любви.

Между тем трудности Арчи с работой наконец-то закончились — его приняли в фирму, правда, с весьма ненадежной репутацией. Он понимал, что на новой работе необходимо проявлять осторожность и постоянно быть начеку, дабы не оказаться втянутым в какое-либо сомнительное дело, но, несмотря на это, улыбка вновь засияла на его лице. Агата не

могла нарадоваться этим переменам и с облегчением вздыхала, наблюдая, как ее семейная жизнь возвращается в спокойное русло.

К этому времени «Бодли Хед» осознало коммерческую ценность Агаты и предложило закрыть прежний контракт, заменив его новым, но также предусматривающим издание пяти книг, однако на более выгодных условиях. Агата отклонила предложение без объяснения причин.

У нее были веские основания считать свое решение правильным: Агата помнила благожелательный прием, оказанный читателями рассказам об Эркюле Пуаро, написанным для «Дейли скетч», а также и то, что ее принимали там как звезду. Первые серии рассказов, появившиеся с марта по май 1923 года, предварял портрет, на котором Агата была изображена с ниткой жемчуга на шее. К этому времени она уже подстригла свои длинные белокурые волосы, и теперь ее голова была покрыта стильными кудряшками, слегка тонированными красным. Вступительную статью написал публицист этой газеты, в которой упоминал «Загадочное происшествие в Стайлзе» и отзывался об Агате как об «авторе самого замечательного детектива нынешнего времени». В марте всю страницу газеты заняла фотография, снятая у Агаты дома фотографом Алфиери. И наконец, в апреле появился «Семейный портрет», сделанный в отличной студии Маркуса Адамса, однако отсутствие Арчи рядом с Агатой и Розалинд сразу бросалось в глаза. Вторая серия рассказов об Эркюле Пуаро появилась в период между сентябрем и декабрем того же года.

Публикации в «Дейли скетч» не вскружили Агате голову (никаких интервью для сопровождения фотографий она не давала), но теплый прием пробудил в ее сознании ощущение собственной ценности, которая прежде, из-за ее постоянно обостряющейся борьбы с издательством «Бодли Хед», как-то не замечалась. Если в начале карьеры Агаты Арчи подбивал ее писать ради денег, то сейчас оказываемое ей внимание стало его раздражать. Он постоянно обрывал ее попытки побеседовать с ним грубыми репликами: «Ты что, нанялась безостановочно болтать?»

Агату буквально трясло от такого отношения, но она старалась не подавать виду. Однако, когда он стал критиковать ее работы, она была попросту потрясена и в ответ стала проявлять высокомерие при обсуждении финансовых вопросов: деньги, которые она зарабатывает, ее, и только ее — об этом факте она никогда не переставала напоминать Арчи. Ее раздражение стало нарастать, когда до нее дошло, что жена ему нужна лишь как

любовница, но не как друг и соратник. В отместку за такое отношение она стала контролировать, как и на что муж тратит ее деньги. У Арчи на нервной почве обострилась диспепсия, и замаячила угроза лишиться из-за этого работы. Агата взамен ежегодного запроса о доходах получила от налоговой службы весьма неприятный сюрприз: налоговики сообщали, что ее заработки не могут больше считаться деньгами на карманные расходы. И она тут же нашла литературного агента — Эдмунда Корка, приятного молодого человека из фирмы «Хьюэс Мэсси»[18].

В ноябре 1923 года Агата засыпала издательство «Бодли Хед» письмами с просьбой поскорее опубликовать сборник рассказов об Эркюле Пуаро, пока из памяти читающей публики еще не стерлись воспоминания о второй серии, печатавшейся в «Дейли скетч». Она согласилась не включать этот сборник в число пяти книг, оговоренных действующим контрактом, но настаивала на том, что «Видение» будет считаться третьей книгой злополучного перечня. Если бы издательство согласилось с ее требованием, «Мужчина в коричневом костюме» был бы засчитан пятой книгой Агаты, и согласно условиям соглашения она освобождалась от обязанности впредь представлять издательству свои новые романы.

Но сейчас «Бодли Хед» нуждалось в Агате больше, чем Агата в издательстве, а «Видение» лишь осложнило ситуацию, став яблоком раздора в споре между писательницей и издательством. Позиции обоих сторон были в равной степени неустойчивыми, и ситуация легко могла стать патовой, но Агата сняла свое требование относительно «Видения», и «Человек в коричневом костюме» был засчитан четвертой книгой, а не пятой, на чем она первоначально настаивала.

Это была досадная неудача, смягченная, однако, тем, что лондонская «Ивнинг ньюс» предложила ей 500 долларов за серийную публикацию с ноября по январь 1924 года «Человека в коричневом костюме», правда, почему-то под каким-то вычурным названием: «Анна, любительница приключений». Машина «Моррис Каули»[19] (в то время половина автомобилей на дорогах Британии была именно этой модели) стоила 225 фунтов, и Агата сразу же купила себе четырехдверную модель. Агата, заплатив за машину своими деньгами, потом часто донимала Арчи напоминаниями о том, что это ее собственность.

Улучшились перспективы на будущее и у самого Арчи, когда один из его приятелей, Клайв Бейлли, вернувшийся из Австралии, предложил ему место в совете директоров фирмы «Острал Лимитед», расположившейся в лондонском Сити. Он снова стал прежним Арчи, хозяином самому себе, его способности оценили,

и теперь он сам мог вершить свою карьеру.

Одно дело — вершить карьеру, другое дело — иметь свободу. Ощущение ограничения свободы в условиях городской жизни, возникшее у него еще до поездки по странам Британской империи, продолжало донимать его после возвращения, и он недавно стал играть в гольф по уик-эндам в Восточном Кройдоне, решив таким образом снимать нервное напряжение. Агата, умевшая играть, но безразличная к спорту, показала ему основные приемы и свела его с партнерами, о чем быстро пожалела. Гольф оказался именно тем средством отвлечения от реальной жизни, о котором мечтал Арчи: будучи человеком действия, лишенным воображения, он стал буквально фанатиком спорта на свежем воздухе. Товарищеские отношения с партнерами, улучшение физической формы и совершенствование приемов игры буквально овладели им. То, что Агата поначалу воспринимала как легкое развлечение для нее и для Арчи, теперь попросту сделало его одержимым.

Считая, что они оба вступили наконец в полосу везения, Агата предприняла необдуманный шаг, касающийся их будущих отношений, предложив воплотить в жизнь их мечту — жить в загородном доме. Казалось, они преодолели трудности на своем пути, но не прошло и года, как воплощение мечты обернулось другой стороной.

4
Несовместимые желания

Одно дело — романтика жизни в загородном коттедже, но реальность — это совсем другое. Агате необходимо было ежедневно приезжать в Лондон. Арчи, недавно избранный членом Саннингдейлского гольф-клуба, желал жить вблизи этого города[20].

Саннингдейл находился на территории так называемого «пояса биржевых маклеров»[21], в двадцати шести милях от Лондона, на границе графств Суррей и Беркшир, и в январе 1924 года супруги переехали в съемную квартиру на верхнем этаже большого викторианского дома (местные жители называли его «Скотсвуд»), расположенного в Саннингхилле, старой части Саннингдейла. В первоначальных порывах радости от того, что они наконец-то покинули Лондон с его скученностью и толпами, супруги с легкостью отнеслись к постоянным проблемам с водо— и электроснабжением.

27 января 1924 года Агата подписала с издательством «Коллинз» контракт на три книги, предусматривающий щедрый аванс в размере 200 фунтов за каждую книгу и последующий солидный авторский гонорар, и это несмотря на то, что одну книгу она должна была представить издательству «Бодли Хед». Когда Эдмунд Корк, литературный агент Агаты, сообщил Джону Лейну об этом предложении, тот брюзгливым голосом ответил, что если кто-то горит желанием платить ей такие деньги за ее книги, то и флаг ему в руки.

К этому времени Агата стала известным автором, но вместе с успехом пришли и новые проблемы. Они с Арчи постоянно враждовали из-за денег, она наотрез отказалась делить с ним свои заработки. То, что Агата получала за книги и рассказы, публикуемые в газетах, в буквальном смысле вскружило ей голову, ведь впервые она держала в руках свои собственные деньги. И всякий раз, когда Арчи обращался к ней с просьбой о деньгах, она отвечала отказом, не осознавая, что этим создает отчуждение в их отношениях. Финансовая независимость Агаты дала ей возможность поселить мать в смежной квартире в Скотсвуде. На Арчи, которого всегда втайне раздражали отношения между женой и Клариссой, это переселение оказало непонятное воздействие: он внушил себе, что его роль в жизни Агаты стала еще менее значимой.

Кларисса была вне себя от счастья, ведь переезд дал ей

возможность быть рядом с внучкой. Пятилетняя Розалинд была умной девочкой, и бабушка, вспомнив былое, с удовольствием занималась ее обучением. Прилив жизненных сил, который чувствовала Кларисса, не оградил ее от неприятностей, поскольку она с такой же настороженностью относилась к отношениям своей дочери с Арчи, с какой он относился к отношениям между женой и тещей, и совершенно не собиралась менять свои взгляды. Впоследствии Агата признала, что жизнь рядом с матерью кого-то из супругов является одной из главных причин крушения большинства браков (правда, не понятно, кого она имела в виду: тещу или свекровь).

Еще после войны мать Арчи переехала в Доркинг, город с еженедельным базаром в графстве Суррей, расположенный всего в двадцати пяти милях от Саннингдейла. Его отчим, Уильям Хемзли, работал учителем в Рагби-школе{3}. Во время учебного семестра ему приходилось жить в школе, поскольку расстояние от дома до работы было равно 113 милям. Это давало Пег массу свободного времени, и Агата обнаружила, что понемногу их отношения налаживаются. Капризная свекровь Агаты с радостью рассказывала всем о жизни молодых, однако сама так никогда и не избавилась от мысли, что Агата недостаточно хороша для ее старшего сына. Отношения между Пег и Агатой несомненно стали бы более напряженными, если бы не тактичность и внешняя уступчивость последней.

Единственно, что объединяло Агату и Арчи, были поиски собственного дома, поскольку Скотсвуд надо было постоянно ремонтировать. Поиски дома всегда доставляли Агате большое удовольствие, и их затянувшаяся охота за подходящей недвижимостью способствовала их сближению. Но, как показали события, стабильность их союза была иллюзорной. Пег, постоянно сующая свой нос во все дела, оказалась, ко всеобщему удивлению, на редкость проницательной, объявив по секрету подругам, что ее сын и невестка начали вести раздельную жизнь.

После публикации в августе 1924 года «Человека в коричневом костюме» Агата погрузилась в мир лондонского театра. Как раз в это время ее сестра Мадж уже написала пьесу «Заявитель», которую в лондонском «Куинс Театре» поставил Базил Дин. Премьера «Заявителя» состоялась 11 сентября, и в течение пяти недель спектакль не сходил со сцены. Узнав о нарастающем успехе Мадж, Агата в письме матери написала о своих волнениях и добавила, что «не переживет», если Мадж опередит ее и в экранизации своих произведений.

В тот год Агата довольствовалась тем, что опубликовала за собственный счет под псевдонимом Джеффри Блез «Дорогу

мечтаний», подборку написанных ею мистических стихотворений, часть из которых была навеяна мифическими фигурками в стиле «Комедиа дель арте», фарфоровыми статуэтками, стоящими на каминной доске в доме матери и поражавшими ее воображение с самого раннего детства. Хотя Агата всегда была не более чем «поэтом-пешеходом»[22], опубликование этой подборки дало ей возможность подавить романтическую составляющую своего характера, которой она не смогла реализовать в браке. Она и Арчи все еще время от времени получали удовольствие от совместных дел (например, расслабление игрой в гольф), но он постоянно скрывал какие-то чувства, считая, что обсуждать переживания — это дурной тон. Его нежелание рассказывать об этом, поначалу удивлявшее и даже обижавшее Агату, побудило ее подавлять собственные чувства, а затем навело на мысль о том, что Арчи, возможно, любит ее сильнее, чем она любит его, а поэтому он и довольствуется не столь сильным выражением любви.

К марту 1925 года Агата ушла с головой в работу над «Убийством Роджера Экройда», не зная ничего о том, что Арчи на площадке для гольфа познакомился с черноволосой офисной машинисткой, работавшей в лондонской «Континентал Гэз Ассошиэйшн». Нэнси Нил была веселой, жизнерадостной, имела много свободного времени, что позволяло ей постоянно бывать на людях, однако в облаках она не витала; но самое важное заключалась в том, что ее страсть к гольфу была не меньшей, чем у Арчи. Их роман вступил в пору расцвета.

Агата, занятая работой, оставалась в полном неведении о похождениях Арчи. Если принять во внимание, что главным для нее была литература, а для Арчи — его спортивные занятия, Саннингхилл был явно не тем местом, где они могли оживить временные (как ей казалось) охлаждения в их супружеских отношениях. Для этого требовалось совсем другое место. По завершении работы над «Убийством Роджера Экройда» они летом 1925 года поехали за границу в Котре, во Французских Пиренеях. Трудно было подобрать более благоприятное время для отдыха: Арчи перестал встречаться с Нэнси, убедившись в том, что их связь наверняка не сделает его счастливым, а приведет лишь к семейным проблемам. Казалось, Агата и Арчи снова смогут жить по-настоящему вместе.

Решение поехать в Котре приняла Агата: из ее памяти еще не стерлись счастливые воспоминания детства о том, как они всей семьей отдыхали там. Поначалу супругов охватило разочарование. Однако вскоре их отдых стал подвижным, с пешими прогулками по горам, где они пили воду из сернистых

источников, которую в письмах к Клариссе называли «*la douche nasale*»[23]. Они ездили на экскурсии в шарабанах (Арчи в язвительной манере описывал Клариссе их спутников), играли в различные игры, в том числе и в боулинг, а затем переехали в Сан-Себастьян, где Агата с наслаждением предалась своему любимому занятию: купанию. Вечера они проводили в Курзале, и Агата с грустью заметила, что в поведении Арчи уже не было прежней непосредственности. Шоу в кабаре обычно начинались в половине одиннадцатого вечера, и Арчи, который дома привык рано ложиться спать, обычно уходил в первом антракте. Агата, которая так же, как и ее мать, получала удовольствие от собственной импульсивности и быстрой смены окружающей обстановки, с грустью отметила, что ее супруг делается скучным и нудным. Завершение отдыха настроило их на более беззаботный и легкомысленный лад: настрадавшись при поездке во Францию (в целях экономии они провели ночь, сидя на жесткой лавке купе второго класса), теперь супруги решили вернуться домой первым классом.

В то время Агате было невдомек, что грустное настроение Арчи во время отдыха было вызвано его смешанными чувствами к Нэнси, однако вскоре после возвращения домой она снова начала ощущать себя «овдовевшей из-за гольфа», и к этому были веские основания. Брошенная из-за гольфа жена сейчас была вдвойне брошенной, поскольку Арчи стал снова встречаться с Нэнси.

Он весь был поглощен заботами о своем дальнейшем карьерном продвижении, и для Агаты это означало обязательное присутствие на бесчисленных деловых обедах, каждая минута на которых была ей ненавистна. Придя с работы домой и поужинав, он, как правило, подолгу просиживал над книгами или деловыми бумагами. Напряженно работая всю неделю, Арчи со всей осторожностью и изобретательностью старался высвободить свои уик-энды для того, чтобы провести время с Нэнси.

Агата слишком сильно любила его, чтобы огорчать своими жалобами и сетованиями, и с нетерпеньем ждала уик-эндов, когда могла бы отвлечь его от работы. Но загородные прогулки и пикники, так нравившиеся Агате и Арчи прежде, в ранние времена их семейной жизни, остались в прошлом. Нервное напряжение Арчи, вызванное необходимостью вести двойную жизнь, заставило его поблекнуть, он выглядел усталым и апатичным, повседневная рутина жизни в Сити ослабила его — рабочий день часто начинался с того, что он появлялся на саннингдейлском вокзале с таким опозданием, что вынужден был перебегать пути перед приближающимся поездом и бежать к дальней платформе, чтобы успеть вскочить в него.

Постоянно крепнущим связующим звеном между супругами была их дочь. Розалинд было уже шесть лет. Индифферентность, проявляемая Арчи до рождения ребенка, сменилась горячей взаимной любовью, которой способствовали общность взглядов и присущее обоим чувство юмора. У Агаты часто рождалось ощущение, что эта пара существует как бы независимо от нее. Арчи разговаривал с Розалинд как со взрослой, рассчитывая на то, что и она будет общаться с ним на тот же манер. Когда он просил ее что-либо сделать, например вычистить его клюшки для гольфа, то рассчитывал, что она вычистит их как положено, и Розалинд выполнение таких заданий было более по душе, чем воображаемые игры, придумываемые матерью. Арчи стал образцовым отцом, он весь лучился счастьем, когда, играя на полу в монетки, развлекал Розалинд и восьмилетнюю дочь Нэн Юдифь. Обе девочки практически воспитывались вместе, и Юдифь, спокойный, часто замыкающийся в себе ребенок, просто души не чаяла в Арчи и утверждала, что у него «самые красивые на свете голубые глаза».

Чувства Агаты к дочери были не показными, в глубине души ее печалило то, что она не может установить с дочерью те же самые отношения, какие в детстве доставляли столько радости и ей, и Клариссе. Попытки Агаты играть с Розалинд в такие игры, где она могла вообразить себя кем-то, не воспринимались практичной натурой девочки и лишь усиливали разочарование тем, что Розалинд не разделяет ее энтузиазма к играм и волшебным сказкам, которые сама Агата так любила в детстве. Она подмечала в характере Розалинд ту же холодность и рассудительность, явно унаследованные от Арчи, и это подспудно внушало ей тревогу за ребенка.

В июне 1925 года была опубликована последняя, пятая, книга Агаты, написанная по контракту с «Бодли Хед». С посвящением Джеку Уоттсу, племяннику Агаты и Нэн, роман «Тайна замка Чимниз» был легкомысленно-веселым триллером с убийством принца в английском фешенебельном доме. Этот роман внес неразбериху в издательский план «Бодли Хед», поскольку один из его персонажей был заимствован из книги, написанной другим персонажем, и книга эта должна была быть распродана как минимум год назад, но издатель сидел на рукописях, как курица на яйцах.

Публикация «Тайны замка Чимниз» осталась в тени более значимого литературного события того года. Роман «Убийство Роджера Экройда», основная идея которого частично возникла на основе двух похожих советов, полученных от брата Нэн, Джимми Уотсса, и ее молодого почитателя, лорда Луиса Маунтбаттена,

впервые появился в лондонской «Ивнинг ньюс», в которой он печатался с июля по сентябрь под заглавием «Кто убил Экройда?».

Читатели, остававшиеся в неведении почти до последнего выпуска, были поражены тем, что киллером оказался тот, кто был вообще вне подозрений, и не важно, одобрял или нет конкретный читатель то, что сделала Агата, в любом случае для прочтения романа требовалось колоссальное физическое, а то и нервное напряжение. Агата, уже достигшая значительных художественных высот в своей карьере, чувствовала удовлетворение от осознания того, что может писать детективные романы и зарабатывать на этом деньги.

Но успехи Агаты на писательском поприще как бы оттесняли Арчи в тень. Финансовое неравенство супругов росло в течение всего 1925 года и делало их споры все более ожесточенными. Другим фактором, в значительной мере поспособствовавшим крушению их брака, была борьба Агаты с полнотой, начавшаяся сразу после рождения Розалинд. Арчи видел, как юная стройная девушка, на которой он женился, превращается в говорливую матрону, похожую на его мамашу, эмоциональную невоздержанность которой он предпочитал не замечать. Арчи постоянно просил Агату сбросить вес, но сделать этого она не могла, а потому ее фигура стала постоянной мишенью его язвительных и жестоких шуток.

Брак Агаты и Арчи становился все более шатким, и поначалу они в определенной степени соглашались, что причиной является их квартира на верхнем этаже в Скотсвуде. Агата надеялась, что, переехав подальше от города, оторвет его от гольфа и разлучит с саннингхиллскими партнерами по бриджу, однако идея купить большой дом в Саннингдейле, вблизи вокзала, пришла в голову Арчи. Он опасался, что переезд в более отдаленное от Лондона место затруднит его продолжающиеся тайные отношения с Нэнси Нил. Но эта скрываемая ото всех любовная связь на время стала для них чем-то вроде парного катанья по тонкому льду, который вот-вот треснет. Благодаря неожиданному повороту судьбы, Арчи оказался под одной крышей со своей женой и с любовницей. Произошло это в начале 1926 года, и все трое, оглядываясь назад, считают этот год наихудшим в своей жизни.

5
Перевоплощение человека с оружием

Местом действия драматического крушения брака Агаты и Арчи в 1926 году был Стайлес, большой, построенный в карикатурно-тюдоровском стиле дом, стоявший в десяти минутах ходьбы от саннингдейлского вокзала. Дом имел плохую репутацию, поскольку три предыдущих владельца претерпели там разного рода несчастья. Прежде Стайлес называли «Сан-Суси»[24], что совершенно не подходило этому месту.

Переезд в Стайлес в начале года был несчастливым. Саннингдейлская публика, которая придерживалась консервативных взглядов и придавала особое значение спорту и играм на воздухе (в особенности гольфу), стала казаться Агате ограниченной и наводила на нее смертную скуку. Розалинд уже посещала в это время частную школу в Оакфилде, но Агата считала невозможным для себя выйти из ассоциации гольфистов даже тогда, когда водила дочь на занятия танцами, потому что часто местом их проведения был Дормей-Хауз — пристройка к зданию, в котором располагался саннингдейлский гольф-клуб.

Агата все более и более чувствовала себя одинокой, а Арчи дулся и хандрил, когда она приглашала своих замужних подруг из Лондона, поскольку его обязанностью было развлекать мужей. Единственным местом, в котором он с удовольствием проводил бы свои уик-энды, была площадка для гольфа, ведь там он виделся со своей возлюбленной. Правда, одну супружескую пару Агата могла принять, не вызывая недовольного ворчания Арчи, — это были недавно разведенная Нэн Уоттс и ее второй муж. Джордж Кон был известным специалистом-онкологом, читал лекции в лондонском Имперском колледже и состоял в Королевском медицинском обществе. Он говорил на семи китайских диалектах, что явилось результатом его увлечения жуками, ради охоты на которых он много раз совершал экспедиции в Китай. Нэн и Джордж хорошо играли в гольф, однажды им даже довелось выиграть Кубок принца Монако в играх между двумя парами во французском Ле-Туке.

Нэн и Агата частенько сидели в кафе саннингдейлского гольф-клуба, потягивая свой любимый напиток, молоко со сливками, и наблюдая, как играют их дочери, Юдифь и Розалинд, терпеливо ожидая, когда их мужья закончат партию в гольф. Именно от Джорджа и Нэн Агата узнала о связи Арчи с Нэнси. Нэн еще раньше просила Джорджа «попытаться образумить их»,

но вместо этого Джордж обеспечивал алиби Арчи. Нэн же ничего не говорила подруге, не желая приносить ей столь сокрушительную новость.

Большинство друзей четы Кристи уже были в курсе этого романа, а Нэн даже начала тревожить чрезмерная увлеченность золовки написанием детективов, поскольку Агата, казалось, теряла контакт с реальностью, как этого требовала ее работа. Фотография, снятая Нэн в Сендвиче, в Кенте, запечатлела Джорджа, Арчи и Нэнси, и то, с каким смущением парочка смотрела в объектив, было явным предвестием грядущего обмана.

Пытаясь хоть как-то скрасить свое одиночество, не подозревающая ни о чем Агата сама пригласила Нэнси провести уик-энд в Стайлесе. Известие об этом повергло Арчи в ужас, когда он представил, что его жена и любовница окажутся вместе под одной крышей. А вот Нэнси показалось странным отказываться от такого приглашения. Ведь каждый уик-энд она приезжала из Лондона в Саннингдейл, чтобы поиграть в гольф, к тому же у них есть общие друзья — майор Белчер и его жена-австралийка, с которыми Нэнси в предшествующие годы отдыхала во Франции.

Напряженность обстановки в Стайлесе усугублялась еще и тем, что Агате искренне нравилась Нэнси. Она нравилась ей по тем же причинам, что и Арчи: веселая и зажигательная, она была хорошим собеседником, умела слушать рассказы, была даже способна поддерживать молчание в компании — качество, которое Арчи особенно ценил в женщинах. Нэнси изображала из себя поклонницу творчества Агаты, а когда Агата рассказывала ей о вспышках раздражения, которые допускал Белчер, взявший на себя роль руководителя делегации, направленной в страны Британской империи, ей вряд ли пришло в голову, что Агата проявляет дружеское расположение и оказывает гостеприимство той, что похитила любовь ее мужа.

В течение первой половины 1926 года Агата несколько раз приглашала Нэнси, и та без всяких колебаний принимала приглашения. Арчи чувствовал неловкость из-за того, что пребывание Нэнси в их доме портит ему игру в гольф. Когда они ходили на расположенную недалеко от дома танцплощадку, Нэнси, которой было двадцать семь лет, поблагодарила Агату за то, что та ведет себя с ней как дуэнья, поскольку ее родители, жившие в городке Кроксли-Грин, вблизи города Рикмансвот, были бы встревожены, пойди она в общественное место одна.

Примерно в это время Агата предложила Арчи завести второго ребенка, что повергло мужа в серьезные размышления. Он, потянув время, предложил Агате сначала поменять машину и стал обладателем подержанного «Деляжа»[25].

В ту весну Арчи отверг предложение Агаты отправиться в короткую поездку на Корсику, отговорившись тем, что его отсутствие на работе невозможно. Агата поехала с Мадж, абсолютно не представляя, какое удобство создает своим отъездом супругу и его любовнице. До поездки Агата приступила к роману «Тайна голубого поезда», ей необходимо было хоть на короткое время сделать перерыв в работе. Она чувствовала сильную усталость и опустошенность, и на то была причина — итоги ее литературного труда в предшествующие шесть лет были просто феноменальными. Сейчас она пользовалась более широкой известностью среди читателей журналов благодаря семидесяти с лишним рассказам, напечатанным в журналах, в противовес нескольким романам, выпущенным книжными издательствами. Агата давно уже позабыла совет, который дала ей мать перед поездкой по странам Британской империи: долг жены всегда быть рядом с мужем. И вот теперь, по возвращении домой, она встретила страдания.

Первое, что обрушилось на Агату, была болезнь Клариссы, которая через несколько недель слегла с бронхитом в Эшфилде. В своих мемуарах Агата вспоминает, что Мадж перевезла мать в Эбни-Холл, в Чидл, однако в действительности Мадж и Джимми жили тогда в Чидл-Холле рядом с церковью. Кларисса, которой было уже 72 года, казалось, пошла на поправку, однако внезапно ее состояние ухудшилось. Агате послали телеграмму, но прибыть вовремя в Чидл-Холл она не смогла. Пятого апреля Кларисса умерла на руках Мадж. В момент смерти матери на Агату, ехавшую на поезде в Манчестер, внезапно нахлынуло чувство глухого одиночества, она была почти уверена, что в этот момент умерла мать, что вскоре и подтвердилось.

На похоронах Клариссы Арчи рядом с Агатой не было — он был в Испании, улаживал там какие-то дела фирмы. Кларисса обрела вечный покой на Илингском кладбище, рядом со своим супругом. Тогда Арчи нужен был Агате больше, чем когда-либо, ведь утешить ее мог только он. Через неделю он вернулся в Стайлес, но не в том настроении, чтобы искать для жены подходящие слова утешения. Агате казалось, что почва ушла у нее из-под ног, ведь при жизни Клариссы она всегда чувствовала себя любимой, способной на все и на словах, и на деле, а уверенность в безусловной любви матери позволяла ей настроиться на то, чтобы быть чувственной и в то же время независимой женой, как того требовал от нее Арчи.

А он при встрече с Агатой проявил себя не лучшим образом. Арчи неуклюже пытался утешать жену, разыгрывая веселого, жизнерадостного бодрячка, но его радостное веселье произвело

противоположный эффект. Внезапная бессердечность мужа привела Агату в смятение, и их словесные перепалки возобновились. Не завершив дел в Испании, Арчи предложил Агате поехать туда вместе, но она, желая успокоиться и притерпеться к новым обстоятельствам, отвергла его предложение.

К его возвращению ее состояние не улучшилось, но она согласилась с его предложением: сдать на лето Стайлес и тем временем решить, как быть с Эшфилдом. Агате нужно было выплакаться по матери, и она понимала, что Арчи в это время будет тяжело быть рядом с ней. Он, таким образом, выскользнул из-под полога ее печали, проведя летние месяцы в своем лондонском клубе, а это облегчало его встречи с Нэнси, давало им возможность часто вместе ужинать и бывать в театрах.

По завещанию Клариссы Агата унаследовала Эшфилд, где она в то время жила с Розалинд. Шарлотта Фишер, секретарша и одновременно гувернантка, нанятая Агатой присматривать за Розалинд, не поехала с ними, поскольку ее срочно вызвали домой, в Шотландию, по причине предполагаемой серьезной болезни отца. Агата попросила сестру помочь убрать и привести в порядок Эшфилд, но Мадж была слишком занята. Будущее Эшфилда было неясным, и Агата стояла перед выбором: либо отремонтировать и обновить дом, чтобы затем сдавать в наем, либо продать.

Агата нашла письмо к матери, написанное ее отцом незадолго до смерти, он рассказывал, как сильно ее любил и какой интересной она сделала его жизнь. Агата сохранила письмо, все еще пребывая в уверенности, что ее брак будет таким же удачным и продолжительным, как брак ее родителей. Такие прогулки в прошлое заставляли ее задуматься о будущем. Сама она любила Арчи и Розалинд беспредельной любовью, но чувствовала, что ни муж, ни дочь не могут ответить ей такой любовью, на которую она надеялась. Арчи, не отличавшийся долговременными эмоциональными привязанностями, не мог стать для Агаты таким же близким человеком, каким была ее мать.

Агата ощущала духоту и непонимание окружающих, ее жизненный распорядок целиком зависел от повседневной работы Арчи, а ей хотелось путешествовать. Но она все еще чувствовала, что ее будущее связано с семьей.

Арчи сделал одиночество Агаты еще более несносным, когда объявил, что из-за чрезвычайной занятости на службе не сможет приезжать на уик-энды из Лондона в Торк. Еще одной причиной для того, чтобы не появляться дома, была всеобщая забастовка, во

время которой ему пришлось сесть за баранку грузовика и доставлять необходимые товары.

Повседневную работу по приведению в порядок Эшфилда скрасило известие о том, что последняя и наиболее успешная на то время книга Агаты «Убийство Роджера Экройда», которую она посвятила сестре, была опубликована в мае издательством «Коллинз». Однако семейные отношения обострились еще больше, когда Агата предложила Арчи поехать вдвоем в Алассио[26] после седьмого дня рождения Розалинд, 5 августа, оставив Арчи весь ворох практических проблем, связанных с поездкой.

Когда Арчи приезжал в Эшфилд, Агата буквально не находила себе места из-за того, что он казался ей чужим. Мысль о том, что у него припрятан камень за пазухой, не давала ей покоя. Агата расспрашивала его, пытаясь выяснить, в чем дело, но видела, что в своих ответах он переворачивает все с ног на голову. Арчи сказал, что не подготовил запланированный отъезд на отдых, и объяснил это тем, что часто виделся с Нэнси. Агата, словно не замечая очевидного, продолжала разговор. «Ну так что все-таки тебе помешало?» — спросила она. Он ответил, что полюбил Нэнси.

Агата, охваченная ужасом, застыла, когда Арчи добавил, что их роман длится уже полтора года. По его словам, желая уберечь репутацию Нэнси, он намеренно демонстрировал адюльтер, якобы совершаемый с неизвестным третьим лицом, ведь признание в измене считалось обычном поводом для бракоразводного процесса.

Прежде Агату восхищало сильное желание Арчи считаться респектабельным, но сейчас его стремление скрыть роль Нэнси в крушении их брака натолкнуло ее на мысль, что это не что иное, как волнения за собственную репутацию. Человек, которого она так сильно любила, человек, возведенный ею на пьедестал, внезапно превратился для нее в «человека с оружием».

Они, притворяясь и стараясь оставить Розалинд в неведении, отметили ее день рождения, после чего Арчи вернулся в свой лондонский клуб, а обезумевшая от горя Агата продолжала жить дальше. Мадж, приехавшую в Эшфидл на празднование дня рождения Розалинд, случившееся повергло в шок. Она пыталась успокоить сестру, уверяя, что Арчи вернется, но прошлая жизнь Агаты никак не подготовила ее к такому удару, а потому и утешить ее было невозможно.

Агата чувствовала себя совершенно одинокой. Единственно, за что она цеплялась, это надежда, что Арчи вернется; она убеждала себя, что его связь с Нэнси лишь мимолетный роман,

значение которого раздули по той причине, что в течение нескольких месяцев после смерти Клариссы Арчи практически не уделялось внимания. Агата приняла решение вернуться в Стайлес для того, чтобы спасти свой брак.

По дороге она остановила машину, решив отдохнуть. К ее ужасу, кучерявый терьер Питер выскочил на середину дороги и был непреднамеренно сбит машиной, водитель которой даже не остановился. Агата, решив, что терьер мертв, положила его на заднее сиденье и поспешно двинулась дальше. Она не заметила, что по прибытии в Стайлес Питер пришел в сознание. Агата вбежала в дом с плачем, крича, что Питер мертв. Когда Шарлотта Фишер, вернувшаяся к тому времени из Шотландии, возразила, сказав, что собака жива, Агата отказалась ей верить. И действительно, Питер полностью поправился и через несколько дней стал прежним псом. Впоследствии Агата использовала это происшествие с Питером в своих рассказах «На грани» и «Человек из моря», а также в романе «Роза и тис».

Через две недели после объявления о своей измене Арчи вернулся и нерешительно заявил о том, что, возможно, совершил ошибку и не должен рушить их брак, хотя бы ради дочери. Агата восприняла это как полученное из рук Господа решение об отсрочке казни. Этот шаг дался Арчи нелегко, но Агата, слушая его, думала не только о судьбе дочери, но и о своих собственных проблемах. Она размышляла о том, хватит ли у нее сил выдержать боль очередного предательства, если он нарушит свое обещание быть верным ей.

Она предложила прожить в браке еще год и посмотреть, что из этого получится, но супруг соглашался лишь на трехмесячное примирение. Единственным, кто мог заглянуть в глубь проблемы Агаты и понять ее суть, была ее секретарь Шарлотта, которая сказала: «Он с вами не останется». Розалинд с ее детской бескомпромиссной искренностью твердила матери: «Я знаю, папа меня любит, и он хочет быть со мной. А вот ты, кажется, не хочешь».

Агата предприняла отчаянные усилия к тому, чтобы в октябре она и Арчи смогли поехать в Гетари, небольшую деревушку с пляжем у подножия Французских Пиренеев, между Биаррицем и границей с Испанией. Арчи как бы нехотя согласился. В памяти Агаты Пиренеи были связаны с ее счастливым детством и идеальным браком ее любящих друг друга родителей, но эта, отнюдь не идиллическая поездка с Арчи в знакомое по прошлому году место должна была образумить ее, дав понять, что перевести часы назад невозможно.

Вдали от Стайлеса Агате было легче внушить себе, что

отношения между ними улучшаются, хотя супруги так и не смогли установить близость, объединявшую их на ранних порах семейной жизни. Они вели себя по отношению друг к другу как вежливые незнакомцы, но после недавнего обострения такая атмосфера, казалось, приносила облегчение. Фактически же это было затишьем перед штормом, которому предстояло навсегда разрушить их жизни.

6
Отчаянные усилия

Агата понимала, что подлинная проверка их с Арчи примирения начнется после возвращения в Стайлес в ноябре 1926 года, но отсутствие Арчи послужило непосредственным продолжением этой истории. Агата не могла выносить его молчания и видеть кислое выражение лица, поэтому безобразное противостояние между ними возобновилось.

Отказ Арчи от того, чтобы сделать выбор между окончательным возвращением в семью или полным разрывом с нею, сделал муки Агаты еще более невыносимыми. Агата предупредила, что не даст Арчи развода, если он попросит о нем, поскольку, по ее твердому убеждению, это причинило бы пожизненную травму дочери. Но то, что Агата во время ссор с Арчи бросала в него чем попало, лишь осложняло ситуацию.

Кроме того, враждующие супруги подвергались давлению со стороны. Ее издатель сэр Годфри Коллинз, пребывавший в восторге от приема, оказанного читателями «Убийству Роджера Экройда», постоянно интересовался, когда он может ожидать от нее следующей книги о похождениях Эркюля Пуаро. О популярности описываемого Агатой детектива-бельгийца можно судить по запросам газет «Ливерпул уикли пост» и «Рейнолдс иллюстрейтед ньюс» с серийными публикациями рассказов с участием этого персонажа. Агате, упорно работавшей над «Тайной голубого поезда», было ясно, что закончить роман в начале 1927 года она не сможет. Памятуя о ее литературной плодовитости при написании рассказов, сэр Годфри и ее литературный агент Эдмунд Корк упорно склоняли ее согласиться выпустить серии рассказов об Эркюле Пуаро под названием «Большая четверка».

Эти рассказы уже публиковались с марта 1924 года в форме непрерывного сериала в «Скетче» под названием «Человек под четвертым номером». Агата без особого энтузиазма уступила их желаниям, поскольку хорошо понимала, что такая подборка не оправдает ожиданий читателей. Эти рассказы считались как бы пародией на триллер Эдгара Уоллеса{4}, и, пока Агата не создала «Убийства Роджера Экройда», она и сама не могла решить, кто она — писатель триллеров или детективов.

В автобиографии Агата вспоминает, как эти двенадцать рассказов, составившие сборник «Большая четверка», были собраны воедино и приняли вид полномерной книги. Помогал ей в этом ее деверь, Кэмблл Кристи, поскольку из-за крушения

своего брака она не чувствовала в себе сил самостоятельно довести дело конца. Работа над переданной издательству «Коллинз» «Большой четверкой» началась еще до исчезновения Агаты, и все сделанные ею изменения можно считать не более чем мелкими редакторскими правками.

Кроме того, Агата объяснила своим читателям причину, не позволяющую ей писать после семейного разрыва: «У меня нет денег, и неоткуда ждать их поступления». Это была правда, но она не привела ни к чему. Завещание Клариссы, по которому все, чем она владела, переходило к Агате, было оглашено 29 июня 1926 года, и после удержания расходов, связанных с погребением, Агата стала обладателем суммы, равной 13 527 фунтам, 16 шиллингам и 8 пенни. Этой суммы было достаточно для жизни Агаты и Розалинд в течение нескольких лет, но, как сказано в мемуарах, она в то время прикидывалась очень бедной лишь для того, чтобы создать впечатление женщины, доведенной в 1926 году до душевного расстройства. Решение выпустить «Большую четверку» в начале следующего года, принятое ею еще до исчезновения, вытекает из ее желания выпускать ежегодно по одной книге.

Несмотря на свою вновь обретенную финансовую устойчивость, Агата в течение предшествующих исчезновению месяцев пребывала под сильным эмоциональным стрессом. Она всеми силами старалась не показывать этого, в чем ей помогали люди, с которыми она подружилась в Саннингдейле. Она с нетерпением ждала Рождества, когда могла бы избавиться от присутствия Арчи в Саннингдейле, отправив его и Розалинд в Эбни-Холл, где по традиции собиралась на праздник вся семья. К тому же в планах Агаты было вывезти Арчи на Новый год в Португалию в компании семейства да Сильва и нескольких друзей из Саннингдейла; она обольщала себя призрачной надеждой на то, что перемена обстановки поможет Арчи забыть Нэнси.

Кроме этого, Агата была занята поисками подходящей квартиры (или дома) в Лондоне, желая сократить мужу дорогу до работы. Будучи уверенной, что дочери необходимо сменить школу, она намеревалась продать Стайлес или сдать его в аренду — на любой срок. Но все это были слишком малые жертвы, чтобы удержать при себе отца Розалинд.

Сознавая, что приближается средний возраст, Агата могла оценить тщетность своих усилий привлечь внимание мужа и в рассказе «На грани» дала выход нарастающей ревности к своей юной сопернице. Этот рассказ не только подтверждает веру Агаты в святость брака, но и проливает свет на одно обстоятельство,

которое, возможно, позволило ей простить Нэнси за то, что она отняла у нее Арчи.

Неукротимые эмоции, пропитавшие «На грани», не имеют ничего общего с обычными элементами детектива, присутствующими в произведениях Агаты, что и делает этот рассказ одним из самых захватывающих. Занимательно то, что Агата отвела Нэнси роль «жены», а сама стала Клэр, «другой женщиной», которая всегда любила мужа своей соперницы, но которая не становилась препятствием на их счастливом пути. Поворотная точка в рассказе наступает, когда Клэр останавливается передохнуть в отдаленном отеле на обратном пути от ветеринара, к которому возила свою собаку, травмированную проехавшей мимо машиной. Взгляд, случайно брошенный на журнал регистрации постояльцев отеля, приводят Клэр к открытию: у ее соперницы роман. Это открытие — после долгих лет страданий и самопожертвования — возбуждает у Клэр неукротимую ревность и приводит к ожесточенной ссоре в холмах Даунс[27], во время которой она угрожает рассказать своему возлюбленному об измене жены. Воздействие Клэр на неверную жену (а это было не только презрением, написанным на лице) оказывается столь сильным, что та бросается с утеса навстречу своей смерти. Рассказ заканчивается тем, что Клэр под воздействием столь непредвиденных обстоятельств, инспирированных шантажом, лишается рассудка.

Смерть героини, наделенной чертами Нэнси Нил, явилась как бы приятной литературной прихотью для той, что по замыслу автора была Агатой, и в то же время сумасшествие Клэр, случившееся в результате всех перипетий, во многих отношениях символизирует отчаяние самой писательницы, вызванное реальными проблемами в ее собственной семейной жизни. Агата никогда не была неверной женой — это, должно быть, и было тем самым обстоятельством, которое помогло простить Нэнси.

Эта история закончилась незадолго до того, как Агата сделалась женщиной, о которой говорили больше, чем о ком-либо другом во всей стране. В те последние дни Агата проявляла настойчивость, и неуступчивость (также считавшаяся сильнейшим оружием в ее арсенале) довела ее до крайнего отчаяния. С особой тяжестью на сознание Агаты давило то, что эти одиннадцать лет жизни в браке Арчи перечеркнул с такой легкостью, и теперь не скрывал неприязни к ней. Агата из последних сил старалась держать себя в форме, дабы выглядеть пристойно в глазах прислуги и как можно меньше волновать Розалинд. Ее секретарь Шарлотта, оказавшаяся поистине бесценным помощником, на это время полностью взяла на себя все заботы по дому.

Юдифь вспоминала, что ее мать, Нэн, очень волновалась и переживала за Агату; приезжая в Стайлес, она всеми способами старалась смягчить напряженность между супругами Кристи. Однажды, незадолго до исчезновения Агаты, десятилетняя Юдифь и семилетняя Розалинд, играя в спальне, забрались на верхнюю полку платяного шкафа и закрыли его дверцы. Их матери, услышав сильный грохот, бросились наверх. Шкаф свалился, и обе девочки оказались закрытыми внутри. Нэн и Агата с облегчением вздохнули, когда, высвободив дочерей из шкафа, обнаружили, что обе девочки целы и невредимы.

Две недели, предшествующие исчезновению, Агата плохо спала и почти ничего не ела. Ей казалось, что если Арчи смог предать ее и все осталось таким же, каким и было, то никому, даже Богу, нельзя верить. Для нее Бог перестал существовать: ее неотступно преследовала мысль о том, что Арчи предал ее почти сразу после смерти матери. Она считала себя безвинной жертвой и не могла понять, что она могла сделать для того, чтобы разрушить их отношения. А между тем скандалы, которым, казалось, не будет конца, продолжались, потому что Арчи все еще не решил: расстаться с Агатой навсегда или нет? А она, не понимая его и окончательно утратив контроль над собой, однажды бросила в него чайник. Ничего более плохого Агата сделать не могла. По мнению Нэн, не запусти Агата тогда чайником в Арчи, возможно, она удержала бы его.

Агата затаилась в себе, горечь и страдания затуманили ее рассудок. Ее единственным утешением в это время был пес Питер, который был беззаветно предан ей и любил всем своим собачим сердцем. Супруги делали попытки начать снова жить нормальной жизнью, но атмосфера в доме все больше напитывалась злобой, и нервное состояние Агаты подвело ее вплотную к точке срыва.

Утром того дня, когда она исчезла, между супругами разгорелся самый ожесточенный с момента их разрыва скандал. Шарлотта, знавшая о разладе между мужем и женой, но видевшая в то утро Агату, весело и беззаботно игравшую с Розалинд, уехала пораньше на целый день в Лондон. Во время скандала Арчи дал ясно понять, что не намерен ехать с Агатой на уик-энд в Беверли[28], на что она рассчитывала. После чего объявил, что больше не может терпеть всех выходок, к которым она прибегает ради примирения.

Глубоко потрясенная его словами, она упрекала его в том, что он за ее спиной все-таки встречается с Нэнси. Он и не отрицал этого, добавив, что на уик-энд у него назначена встреча с любовницей и что он твердо и бесповоротно решил жениться на ней. Конец их спору положил поспешный уход Арчи на работу.

Агата едва не потеряла сознания от услышанного, и позже тем же утром она на своем «Моррисе Каули» уехала из Стайлеса, не сказав никому из прислуги ни слова о том, куда направляется. Когда она к обеду вернулась в Стайлес, то все еще выглядела подавленной, и спустя некоторое время вместе с Розалинд поехала к матери Арчи на вечерний чай.

У свекрови Агата, дожидаясь, пока закипит чайник, пела дочери песенки и шутила с нею. Все, что касалось Нэнси Нил, в присутствии девочки не обсуждалось. Агата сообщила свекрови, что собирается на уик-энд в Беверли. Пег была уверена в том, что смерть Клариссы, случившаяся восемь месяцев назад, была тяжелым ударом для Агаты, но в тот день, глядя на нее, отметила, как хорошо выглядит ее невестка. Агата согласилась с ней, подтвердив, что чувствует себя намного лучше. А через несколько минут она стала выглядеть очень подавленной. От Пег не скрылось, что на руке у нее не было обручального кольца, было лишь кольцо, надетое в день помолвки. Когда Пег спросила у невестки о причине, Агата просидела молча и неподвижно несколько минут, уставив взгляд в пространство, а затем истерически рассмеялась и, отвернувшись, погладила Розалинд по голове. Уже наступали сумерки, время приближалось к пяти, когда Агата и Розалинд попрощались и пустились в долгий обратный путь в Стайлес.

Уложив Розалинд спать и поужинав в одиночестве, Агата все ждала и ждала возвращения мужа. Когда Арчи так и не появился дома вечером в пятницу 3 декабря 1926 года, у Агаты уже не осталось никаких сомнений (как, впрочем, и у слуг) в том, что муж ушел навсегда.

Будучи не в силах выносить ситуацию, в которой оказалась, Агата в 9 часов 45 минут вечера надела меховое манто, велюровую шляпу, туфли на низком каблуке с пряжками и села в машину. В тот момент она понимала, что ее брак безвозвратно остался в прошлом и ничто не способно вернуть ей мужа. Удаляясь от Стайлеса, Агата обдумывала, чем отомстить Арчи за его неверность. Вся трагедия на тот момент заключалась в том, что она не понимала последствий своих действий, не понимала, что сейчас инициирует розыск пропавшего человека, о котором СМИ будут писать больше, чем о ком-либо другом. Последствия ее поступка, совершенного в ту ночь, будут куда более разрушительными, чем последствия любого из событий, описанных в ее произведениях, и будут вспоминаться в течение всей ее последующей жизни.

Часть II
Подозрение, размышление и нерешительность

7
Поиски в Молчаливом озере

В ту ночь, когда Агата исчезла из своего дома в Беркшире, никто не мог себе представить, какие беспрецедентные шаги предпримут власти по ее розыску и до какой степени раздует этот инцидент пресса, сделав его самой горячей новостью.

Отсутствие Агаты было впервые замечено в субботу 4 декабря 1926 года, когда брошенный ею «Моррис Каули» был обнаружен возле Ньюлендс-Корнера, красивого, популярного среди окрестных жителей места, часто посещаемого автолюбителями и туристами и расположенного в пяти милях от Гилдфорда в соседнем графстве Суррей. Автомобиль стоял на триста ярдов ниже плато Ньюлендс-Корнер на краю мелового провала возле Уотер-Лэйн, изрезанной колеями, извилистой, грязной проселочной дороги, проложенной по отлогому склону и ведущей в виднеющуюся внизу в долине деревню Албари. Ситуация напоминала сцену из одного, написанного Агатой детективного романа, а то, что в ближайшие полторы недели последовало за этой находкой, стало еще более странным по сравнению с тем, что когда-либо вышло из-под ее пера.

Первым, кто около семи часов утра увидел сквозь тусклые зимние сумерки свет фар брошенного четырехместного автомобиля, был скотник из Чилворта[29] Гарри Грин, но он спешил на ферму, а поэтому просто прошел мимо. Прошел почти час до того, как Джек Вест, мальчишка-цыганенок, помогавший на киносъемках, идя на работу, прошел мимо автомобиля и более подробно рассмотрел его. В начале девятого утра внимание властей к инциденту привлек Фредерик Дор, автомеханик из Темз-Диттон, который впоследствии вспоминал: «Когда я обнаружил автомобиль, он оказался снятым с тормозов, а рычаг коробки скоростей находился в нейтральном положении. Передняя часть машины по самые передние дверцы была скрыта кустами. Такое положение машины навело меня на мысль о том, что ее, должно быть, остановили на вершине холма и столкнули вниз. Я обнаружил, что аккумулятор окончательно сел, потому что ни фары, ни фонари не горели. Похоже, что лампы были включены и светили до тех пор, пока был ток. Если бы кто-то случайно съехал с дороги, автомобиль остановился бы ближе к ней. Никаких признаков торможения я не обнаружил, хотя тщательно осмотрел мягкую почву по трассе движения машины».

Девушка-цыганка рассказала Дору, что слышала около

полуночи шум автомобиля, едущего по дороге вниз в сторону от Гилдфорда. Невозможно было определить, участвовала ли в этом инциденте вторая машина, однако необычный, подмеченный Дором факт заставил его предпринять немедленные действия: «Я пошел к мистеру Алфреду Лаленду, владельцу придорожного кафе, и попросил его последить за этой машиной, а сам отправился в Мерроу с намерением проинформировать дежурного полицейского». Дор позвонил в полицию из отеля «Ньюлендс-Корнер», находящегося в пятистах ярдах по Клендон-роуд.

Первое известие об исчезновении Агаты дошло до Арчи после того, как ее секретарь Шарлотта позвонила хозяевам дома, где он в то время находился — Сэму и Мадж Джеймсам, — в Хартмор-Коттадж вблизи Годелминга, чтобы сообщить ему об утреннем визите в Стайлес полицейского, заявившего, что миссис Кристи исчезла. Арчи не сильно обрадовался тому, что его уик-энд с Нэнси сорвался. Но едва он успел повесить трубку, объявив, что должен ехать, поскольку его мать почувствовала себя плохо, как полицейский офицер переступил порог дома и тут же стал говорить со слугами Джеймсов.

Арчи препроводили обратно в Стайлес. Он заверял, что не может сообщить что-либо относительно места нахождения Агаты, потому что в последний раз видел ее утром в пятницу перед уходом на работу. У него был вид человека, окончательно сбитого с толку, хотя перед этим он прочел письмо, оставленное для него на столе Агатой прошлым вечером, и сжег его, не сообщив полиции ни о самом письме, ни о его содержании. Шарлотту, бывшую в курсе дела, он умолил молчать, сказав ей, что письмо было написано еще до того, как Агата поменяла свои планы относительно поездки в Беверли на уик-энд.

Известие об обнаружении брошенной машины было передано в Управление полиции графства Суррей, находившегося в Гилдфорде на Вудбридж-роуд, но, поскольку сведения поступили после двадцати трех часов, заниматься этим делом пришлось заместителю начальника управления Кенуарду. Этот пятидесятилетний кавалер Королевской полицейской медали[30] за два года до этого участвовал в расследовании, завершимся судебным разбирательством и осуждением француза Жана Вакира, известного под именем Бифлитского убийцы. Внимание прессы было приковано к этой истории, репортеры буквально круглосуточно висели на хвосте детективов и часто брали интервью у важных свидетелей еще до прибытия полиции. Заместителю начальника управления полиции Кенуарду лучше было бы не знать того, что этой новой историей пресса будет

захвачена еще сильнее.

Он с самого начала с неодобрением отнесся к происшествию: «Автомобиль был обнаружен в таком положении, которое свидетельствует о том, что имели место какие-то необычные действия, он был найден стоящим посредине поросшего травой склона на значительном расстоянии от главной дороги; капот автомобиля был скрыт в кустарнике, как будто машина была неуправляемой. В салоне автомобиля было обнаружено меховое манто, чемодан с различными предметами дамской одежды и водительское удостоверение на имя владелицы миссис Агаты Кристи из Саннингдейла, графство Беркшир».

Несколько вопросов требовали немедленных ответов. Как, почему и когда автомобиль Агаты был брошен? И почему ее сумочки, известной своей модной застежкой-молнией, не оказалось в машине?

Еще одним интригующим фактом была погода. В ночь исчезновения женщины температура воздуха в шесть часов была 41 градусов по Фаренгейту[31], четвертую часть неба закрыла облачность, дул весьма ощутимый западный бриз. К полуночи температура снизилась до 36 градусов[32], небо почти полностью очистилось, ветер поменял направление и задул на северо-восток. Так почему меховое манто Агаты осталось на заднем сиденье машины?

Озадаченность заместителя начальника полиции Кенуарда разделяли его офицеры, в том числе и Том Робертс, 21-летний стажер, описавший таинственное происшествие в Ньюлендс-Корнер как «самое сенсационное событие, случившееся во время моего пребывания в управлении… Кусты были смяты ударом машины, но они предотвратили ее падение в меловой провал».

Странно, но на машине были отмечены лишь незначительные повреждения, она устойчиво стояла на всех четырех колесах, ветровое стекло было целым. Более того, убирающаяся парусиновая крыша была в поднятом положении, пластиковые боковые экраны стояли на своих местах, хотя капот был слегка помят, кабель спидометра оборван, а одно крыло немного деформировано. Дверцы машины были закрыты, оба тормоза отключены, рычаг коробки скоростей стоял в нейтральном положении. Запасная канистра с бензином, закрепляемая на боковой подножке, оказалась сбитой при столкновении автомобиля с кустами, и ее нашли лежащей в траве. К тому времени, когда заместитель начальника полиции Кенуард прибыл на место происшествия, аккумулятор окончательно разрядился, что подтверждает сообщения Фредерика Дора.

Последующие расследования, предпринятые офицером

полиции, оказались практически безрезультатными: «Я сразу же приступил к расследованию и выяснил, что исчезнувшая леди выехала накануне поздно вечером из своего дома в Саннингдейле на автомобиле при весьма странных обстоятельствах. Кроме этого, я выяснил, что миссис Кристи была в очень подавленном состоянии и что перед тем, как уехать на автомобиле, она поднялась наверх и поцеловала свою дочь, которая спала в своей кроватке».

Стайлес, казалось, окутала пелена неизвестности и замешательства. Полиция медленно собирала воедино все становившиеся известными подробности из жизни Агаты в прошедшую неделю, в надежде найти ключ к разгадке ее местопребывания.

Постепенно эти подробности ложились на свои места, как при складывании пазла, однако заместитель начальника полиции Кенуард видел, что некоторых элементов составной картинки-загадки не хватает. Выяснили, что в понедельник Агата играла в гольф со своей приятельницей миссис да Силва. В среду они поехали в Лондон за покупками, и Агата осталась ночевать в своем клубе «Форум», поскольку утром в четверг у нее была назначена встреча с литературным агентом, на которой предполагалось обсудить предстоящую публикацию «Большой четверки», а также сложности, возникшие у нее при завершении последнего романа «Тайна голубого поезда». Кроме этого, по контракту она должна была написать шесть рассказов для одного из журналов США и еще два рассказа закончить. Агата вернулась в Стайлес во второй половине дня в четверг, а вечером того же дня отправилась с Шарлоттой, своим секретарем, на танцы в Аскот. Шарлотта, видевшая свою хозяйку в последний раз в пятницу, 3-го числа, сказала, что Агата была в очень радостном настроении и весело играла с Розалинд. Поэтому Шарлотта и согласилась с предложением хозяйки устроить себе выходной и поехать на весь день в Лондон.

Но куда в то утро Агата ездила на машине и откуда вернулась в Стайлес к обеду? Задумайся тогда полиция над этим вопросом, ответ на него помог бы в поисках пропавшей писательницы. Но об этом не задумались. Ведь в деле и без этого вопроса была целая куча загадочных обстоятельств, а также и весьма обещающих версий, на которые, как выяснилось впоследствии, понапрасну тратили время.

Шарлотта в последний раз говорила с Арчи в день исчезновения ее хозяйки, когда он вечером, в самом начале седьмого, позвонил и попросил к телефону Агату, чтобы узнать, все ли у нее в порядке. Несмотря на недавний скандал, Агата

говорила с ним по телефону нормальным тоном, а после разговора с мужем пожелала Шарлотте хорошо провести время и попросила вернуться последним вечерним поездом.

Таким образом, полиции необходимо было задуматься: имело ли настроение писательницы какое-либо особое значение или она попросту решила остаться наедине со своими проблемами?

Шарлотта, сойдя с поезда на саннингдейлском вокзале и дойдя за десять минут до Стайлеса, была дома в одиннадцать часов. Она сообщила полиции, что ее уже ждали горничная и повар, встревоженные тем, что в 9.45 вечера Агата уехала из дома, причем вела она себя самым необычным образом. Выйдя из спальни Розалинд и сойдя вниз, Агата поцеловала и приласкала своего песика Питера, уложила его на ковер в вестибюле, после чего уехала, не сказав прислуге ни слова о том, куда направляется.

Выяснилось, что Агата оставила письмо для Шарлотты, которое прислуга передала ей сразу по ее возвращении домой. Агата просила секретаря отказаться от комнат в Беверли, забронированных ею на уик-энд. Она неявно намекала, что у нее серьезные неприятности и обещала связаться с Шарлоттой на следующий день, чтобы сообщить о своих планах. Секретарь призналась, что это письмо (особенно фраза «У меня буквально раскалывается голова. Я не могу оставаться в этом доме») встревожило ее, и она уже в тот вечер хотела обратиться в полицию, но не осмелилась сделать этого, опасаясь навредить своей хозяйке. Рано утром в субботу, еще до того как известие о брошенной машине достигло Стайлеса, Шарлотта связалась по телефону с почтовым отделением в Аскоте, для того чтобы послать телеграмму в гостиницу в Беверли: «Сожалеем приехать не сможем. Кристи».

Исчезновение Агаты вызвало растущие опасения в семье и среди друзей. Буквально все не знали, что и подумать, гадая, куда она пропала. Днем в субботу полиция привезла Шарлотту и Арчи в Ньюлендс-Корнер, где уже собрались многочисленные зеваки, желающие узнать о намерениях полиции. После осмотра машины секретарь Агаты и ее муж-полковник сказали, что у них нет никаких объяснений случившегося.

То, что поначалу выглядело обычной ночной поездкой, на деле оказалось чем-то тревожным и необъяснимым. Когда полиции стало известно о разладе между супругами, они поняли, как важно найти место пребывания писательницы, поскольку ее жизнь может быть в опасности. Уилфред Мортон, один из занятых в расследовании стажеров-полицейских, рассказывал мне о полученных им указаниях: «Найти миссис Агату Кристи как

можно скорее».

В результате расследований, проведенных под руководством заместителя начальника полиции Кенуарда, выяснилось, что Агата не исполнила своего намерения поехать на север, в гостиницу в Беверли. По сведениям полиции, ее последней поездкой в день исчезновения был визит в дом свекрови в Доркинге, куда она приехала к вечернему чаепитию. Сообщили, что Агата заходила в гардеробную и осматривала зеленый вязаный джемпер, в котором в тот вечер она и уехала. Пег рассказала полиции: единственное, о чем упоминала невестка, была поездка в Беверли на этот уик-энд.

Полицейское расследование осложнялось тем, что невозможно было установить, поехала ли Агата прямо в Ньюлендс-Корнер. Сколько горючего было в бензобаке в начале поездки, также не было известно. Около двух галлонов еще оставалось в бензобаке, и запасная канистра с двумя галлонами была полной. В радиаторе было достаточно воды, и когда в субботу, 4-го числа, полиция переместила автомобиль на главную дорогу, он сразу и без труда завелся. И хотя ни в салоне, ни вокруг автомобиля не было найдено следов крови, его поставили на ночь в гараж города Гилдфорда на Ипсомроуд.

По одной из наименее тревожных версий, рассматриваемых полицейским руководством на начальных этапах расследования, предполагалось, что Агата, выйдя из машины и отойдя от нее, попросту заблудилась в густом подлеске. Во второй половине дня в субботу заместитель начальника полиции Кенуард в сопровождении семи или восьми офицеров полиции и нескольких специальных констеблей начали поиск в прилегающей местности. Специальные констебли представляли собой группу специально обученных людей, живущих на всей территории графства Суррей, к их добровольной помощи прибегают в экстренных случаях. Сейчас они были переданы в непосредственное подчинение полицейского управления графства Суррей, а командовали ими капитан Такуэлл и его заместитель полковник Бетолл.

Интерес, проявленный заместителем начальника полиции Кенуарда к Молчаливому озеру, лежащему в четверти мили от Ньюлендс-Корнера, у подножия холма по левую руку от Доркинг-роуд А-25, распалил воображение многих, ведь всем было известно, что уже два человека нашли здесь свою смерть при трагических обстоятельствах. Согласно легенде, дошедшей из Средневековья, за купавшейся в озере обнаженной молодой женщиной тайно наблюдал король Джон и она, пытаясь спастись от приставаний похотливого короля, заплыла на самое глубокое место. Брат женщины, пытаясь спасти ее, утонул, и их тела так и

не нашли. (В наше время рядом с дорогой А-25 возле мелководного водоема, называемого Шерноборский пруд, была построена автопарковка. Иногда этот пруд ошибочно принимают за Молчаливое озеро, которое находится выше по склону и скрыто молодой рощицей, а в ней построена хижина для любителей понаблюдать за жизнью птиц в естественных условиях.)

По мере распространения известия об исчезновении Агаты, добровольцы из числа местных жителей спешили предложить свою помощь полиции. Заявление о том, что Агату видели проезжающей через Шер, деревню, расположенную в двух милях от Ньюлендс-Корнера, было вскоре опровергнуто, когда якобы видевший ее пастух, прогонявший стадо коров, был допрошен вторично и сказал, что у машины, которую он видел, был квадратный радиатор. Принадлежавший Агате «Моррис Каули», как все более ранние модели этой фирмы, имел закругленный радиатор, а квадратные радиаторы впервые начали устанавливаться на автомобилях лишь в 1926 году.

К вечеру субботы Арчи буквально не находил себе места, волнение нарастало — возможные последствия исчезновения Агаты приводили его в ужас. Незначительное дорожное происшествие, из-за которого она, живая и невредимая, бросила свою машину, казалось полковнику все менее вероятным. Его охватила тревога: возможно, он довел ее до самоубийства своими словами о том, что попытка примирения исчерпала себя. Те два письма, оставленные Агатой в Стайлесе, не давали ни малейшего намека на ее намерения, и Арчи успокоил дочь, сказав, что Агата поехала в Эшфилд поработать над своими книгами. Однако, по сведениям полиции Торка, Эшфилд оказался пустым. Наибольшее беспокойство полковника вызывал тот факт, что чем дольше Агата считалась пропавшей, тем более явными становились его отношения с Нэнси.

Воскресенье, 5-е число, заместитель начальника полиции Кенуард объявил днем поиска в окрестностях Ньюлендс-Корнера. В тот момент он еще не знал о существовании третьего письма, написанного Агатой до выезда из Стайлеса вечером в пятницу и привезенного в Лондон, а затем доставленного почтой на служебный адрес брата Арчи, Кэмблла Кристи, преподавателя Королевской военной академии в Вулидже. Письмо было отправлено из Лондона в то утро, когда была обнаружена ее брошенная машина. Кэмблл не спешил делиться полученной информацией, поскольку до него еще не дошло известие об исчезновении его невестки.

Одним из местных добровольных помощников в розыске,

состоявшемся в субботу, был восемнадцатилетний Джек Боксалл, садовник из Гилдфорда. Он отлично запомнил чувство единения, охватившее всех жителей в округе, под воздействием которого он вместе с отцом и нескольким друзьями прошел несколько миль от своего дома до Ньюлендс-Корнера. Он рассказал мне, что поисковые наряды полиции работали в направлении Молчаливого озера и деревни Шер на юго-востоке, а их группа в это время прочесывала местность на северо-западе между Ньюлендс-Корнером и Мирроу, которую местные жители называли Бурьянами[33]. В этой местности отлично ориентировался его отец, работавший маляром, а в свободное время игравший в гольф на открытых площадках в Бурьянах. Они вовсю старались найти Агату, однако не обнаружили никаких следов пропавшей женщины. Наступили сумерки, и группа вынуждена была прекратить бесполезные поиски. Джек Боксалл вспоминает, что это не послужило примером для поисковых групп, составленных из офицеров полиции, — они продолжали поиски при свете ручных фонарей.

В воскресенье вечером полиция прибыла в деревню Албари, получив сообщение из отеля: там видели женщину, похожую по приметам на исчезнувшую писательницу. Полицейские прочесали лес за деревней, но ничего не обнаружили. Позже в тот же вечер описание пропавшей было разослано на пятьдесят полицейских участков, расположенных вокруг этой деревни:

«Ушла из своего дома в Стайлесе, город Саннингдейл, графство Беркшир, миссис Агата Мэри Кларисса Кристи, 35 лет [в действительности ей было уже 36 лет]; рост 5 футов 7 дюймов; волосы рыжие, коротко стриженные, с проседью; черты лица тонкие; фигура стройная; одета в серую трикотажную юбку, зеленый джемпер, темно-серую кофту на пуговицах и небольшую велюровую шляпку; на пальце платиновое кольцо с жемчужиной, обручального кольца нет; при себе имеет черную сумку с кошельком, в котором от 5 до 10 фунтов. Уехала из дому на машине в 9 часов 45 минут в пятницу, оставив записку о том, что поехала покататься».

Неудача, постигшая полицию в попытках обнаружить местонахождение Агаты, и то, что к концу недели от нее не было никаких известий, вынудили полицейских чинов отказаться от щепетильности в отношении личных дел пропавшей. То, что должно было оставаться личным делом женщины, не допускающей никакого вмешательства в свою частную жизнь, в данном случае моментально попало под резкий, ослепительно

яркий свет прожекторов в руках прессы.

8
Область поисков расширяется

Куда делась Агата после исчезновения из Стайлеса в пятницу 3 декабря? На этом вопросе сосредоточились первые новостные репортажи газет, вышедших 6-го числа, в понедельник. Новость о ее исчезновении достигла даже Соединенных Штатов, где газета «Нью-Йорк таймс» вышла с заголовком во всю первую полосу: «Миссис Агата Кристи, писатель-романист, исчезла таинственным образом из своего дома в Англии». А тем временем дома… Поиски, проводившиеся в уик-энд, преподнесли заместителю начальника управления полиции графства Суррей, Кенуарду, руководившему расследованием, больше вопросов, чем ответов.

Он старался понять, имел ли какое-либо значение тот факт, что машина была брошена в шести милях от места свидания полковника и Нэнси Нил, а также упорно размышлял над тем, если Агата вдруг случайно съехала с дороги, почему тогда она не попыталась затормозить во время довольно долгого движения машины под уклон. Если она решила свести счеты с жизнью, то надо ли было для этого отъезжать от дома на четырнадцать миль? Тот факт, что Агата в тот вечер не взяла с собой своего песика Питера, как она обычно делала, мог поддержать версию самоубийства.

Однако то, что сумка на молнии и кошелек, принадлежавшие писательнице, не были обнаружены в автомобиле, делали версию самоубийства маловероятной; вместе с тем, продолжающееся отсутствие Агаты навело полицию Суррея на мысль, что ее поездка прервалась в Ньюлендс-Корнере неожиданно и для нее самой, и для других.

В понедельник та же самая проблема, а именно: где вести поиски? — вновь встала перед полицией Суррея. Местность вокруг Ньюлендс-Корнера была неоднородной — леса, ручьи озера, перелески и поля с растительностью по колено, — поэтому заместителю начальника полиции Кенуарду предстояло решить такую задачу, труднее которой невозможно было и вообразить.

Розыск Агаты проводился основательно и тщательно. Уилфрид Мортон, служивший в то время в Уокинге[34], хорошо это помнит: «Первым делом мне без объяснения причин было приказано прибыть рано утром в полицейский участок. Я должен был быть одет в гражданскую одежду и иметь при себе тросточку. В то время я был полицейским-стажером, поэтому и жил в этом городе. Я не мог понять, в чем дело, до тех пор, пока не оказался

перед зданием участка в строю среди примерно тридцати человек. Подъехал автофургон, мы сели в него, и он поехал. Когда мы немного отъехали, кто-то, кто уже что-то пронюхал, сказал: "Нас везут в Ньюлендс-Корнер, вот куда". Но зачем везут, этого никто не знал».

Когда они прибыли на место, было уже совсем светло. Люди выстроились в цепь на расстоянии шести футов друг от друга; фланговыми были офицеры. Раздалась команда взяться за руки, и цепь двинулась вперед. Им не сообщили, что следует искать, но приказали сообщать обо всех найденных необычных вещах.

Уилфрид Мортон вспоминает: «Мы шли напрямик через кусты, а не обходили их, а если подходили к большому дереву, то должны были обойти его и при этом смотреть вверх на ветки в поисках каких-либо необычных предметов. При этом не допускалось никакой спешки. Нам было приказано не торопиться и не нарушать цепь. Наконец, примерно после часа поиска, мы снова вышли на открытое место. Нам разрешили собраться в кружок и немного передохнуть, затем сказали, что предстоит еще бросок, и мы, выйдя на следующий участок, снова углубились в поиски. Конечно, кое-что мы находили — старую одежду и разные брошенные вещи — при каждой находке вся цепь останавливалась, и мы ждали, пока старший офицер осмотрит находку, а затем двигались тем же порядком дальше. Когда мы снова вышли на открытое место, был уже полдень, мы устали, проголодались и хотели пить. Здесь мы отдохнули и подкрепились. К этому времени мы, разумеется, знали, в чем мы участвуем. Кто-то сумел раздобыть газету и прочитать заголовки об этом исчезновении».

Между тем Арчи со своим поверенным и секретарем жены тем же утром поехал в Скотленд-Ярд, где старший полицейский чин объяснил ему, что Главное управление полиции не может вмешиваться в расследование, пока Суррей или Беркшир не обратятся к ним за помощью. Все, что мог сделать Скотленд-Ярд, это поместить описание внешности и примет Агаты в бюллетенях «Конфиденциальная информация» и «Полицейская газета» и таким образом известить все полицейские участки Англии об ее исчезновении. Арчи ничего не оставалось делать, как покинуть Лондон и, пребывая в тревоге, ждать новостей. Стараясь заслужить расположение Шарлотты (и надеясь по возможности скрыть от полиции и прессы подробности своей личной жизни), он предложил пригласить ее сестру, Мэри Фишер, погостить в Стайлесе. Мэри согласилась и оставалась с Шарлоттой весь период поисков, что принесло Арчи некоторое облегчение.

Его беспокойство усиливалась еще и тем, что Саннингдейл

располагался на границе графств Беркшир и Суррей. Он, пытаясь усыпить бдительность полицейских служб обоих графств, старательно внушал им, что семейные проблемы между ним и Агатой не более чем сплетни неблагодарной прислуги. Однако уже в понедельник его рассказы о безоблачной супружеской жизни были поставлены под сомнение, когда горничная из Стайлеса призналась следователям, что утром того дня, когда миссис Кристи исчезла, между нею и полковником произошла крупная ссора.

Суперинтенданту[35] Чарлзу Годдарду, возглавлявшему более двадцати лет Уокингхемское отделение, было поручено руководить расследованием, проводимым полицией графства Беркшир. Его заместителем был назначен Сидней Френк Батлер, заслуженный офицер из полицейского управления Аскота[36], поднаторевший в общении с представителями общественных структур.

В отличие от своих суррейских партнеров, оба офицера полагали, что Агата еще жива. У них быстро сформировалось мнение о ней как о человеке в некотором роде инфантильном, желающем воплотить сюжеты своих произведений в реальную жизнь. Они признавали заслуживающим внимания тот факт, что она упорно называла свою секретаршу Карлоттой, поскольку такое имя казалось ей более экзотичным, хотя, вне всякого сомнения, саму Шарлотту это ничуть не заботило. Арчи они воспринимали как серьезного, практичного человека, но не считали его вполне подходящим супругом для такой, как им казалось, сверхвпечатлительной жены. По их твердому убеждению, писательница, убитая горем в результате скандала с мужем, захотела обострить ситуацию и для этого создать впечатление своего исчезновения на день или на два, а за это время обдумать произошедшее. Но она намеренно не сообщила никому, куда направляется. Когда же она по каким-то причинам не смогла вернуться или установить контакт с домашними, то некоторые люди, запаниковав (неизбежное явление в подобных ситуациях), решили, что она попыталась покончить с собой, дабы этим шагом отчаяния пробудить к себе сочувствие. Беркширские полицейские были склонны полагать, что Агата, возможно, и до этого пользовалась подобной драматической тактикой, добиваясь своего или привлекая к себе внимание Арчи. Полковник был обязан сообщить в полицейский участок в Аскоте, инспектору Батлеру, об исчезновении жены, однако его привело в явное негодование то, что его вынудили признать ситуацию такой, какой она виделась полиции.

После телефонного разговора с братом Кэмбллом, который

позвонил Арчи в понедельник сразу после полудня, его надежда на то, что Агата жива, сильно окрепла. Почтовая марка на конверте, в котором Кэмблл получил письмо, была погашена в 9 часов 45 минут 4 декабря лондонским почтовым отделением SW1. По мнению Кэмблла, письмо должно было быть отправлено из Лондона в тот самый день, когда нашли пустую машину Агаты, а из этого следовало, что его невестка, вероятнее всего, еще жива.

Предположение о том, что письмо могло быть опущено в ящик Шарлоттой, находившейся в Лондоне в тот вечер, когда ее хозяйка исчезла, почти сразу было отброшено. «Это правда, что я была в Лондоне в пятницу вечером, но никаких писем миссис Кристи я не отправляла, — сказала она. — И вообще в течение нескольких дней, предшествующих ее исчезновению, я не посылала никаких почтовых отправлений». Последующее расследование выявило, что письмо, почтовая марка на котором была погашена в указанное время, могло быть опущено в период между тремя часами ночи и восьмью часами утра в субботу, 4 декабря. То есть спустя, как минимум, четыре часа *после того*, как секретарь вернулась в Стайлес, а это было примерно в одиннадцать часов предшествующего вечера.

Из письма Агаты Кэмбллу, которое, кстати, было без даты, а в качестве обратного адреса был указан Стайлес, явствовало, что она собирается провести уик-энд в каком-то (не названном ею) спа-отеле в Йоркшире. Письмо, адресованное в Королевскую военную академию в Вулидже, было доставлено туда в воскресенье, 5 декабря; в тот же день Кэмблл нашел его на своем столе. В письме ничего не указывало на то, что его невестка страдает от какого-либо нервного перенапряжения или намеревается предпринять что-то необычное. Прочитав письмо, он отложил его в сторону и забыл о нем. Арчи он объяснил, что только в понедельник утром услышал об исчезновении Агаты и стал спешно искать письмо — но оно, как и написавшая его невестка, тоже куда-то пропало. Возможно, он его либо выбросил, либо разорвал заодно с другими ненужными бумагами. Кэмблл считал крайне маловероятным, что это письмо было отправлено кем-то по просьбе Агаты. По его мнению, она, сочиняя его вечером в пятницу перед ее отъездом из Стайлеса, пребывала в совершенно нормальном душевном состоянии. Конверт с почтовой маркой каким-то образом сохранился, и Кемблл сразу же передал его Арчи. Для полиции самым интригующим был вопрос: почему конверт был адресован на служебный, а не на домашний адрес деверя Агаты?

А пресса между тем пожинала обильные плоды, рожденные необычной новостью. В ту эпоху простых коммуникационных

систем эта история распространялась с поразительной скоростью: все выглядело так, словно кто-то нажал на кнопку и открыл беспрепятственный ход лавине гласности. Появилось огромное количество предположений и догадок.

Газетные репортеры особо не тратили время на то, чтобы отделить предположения от фактов. Они лихорадочно находили свидетелей, одним можно было верить, другим — нет. В попытках собрать хоть какие-то крохи информации проверяли любые потенциальные версии и устраивали неусыпную слежка за полицией. Самым наглядным примером подобного «журналистского расследования» мог служить брошенный автомобиль. Некоторые газеты не смогли точно установить, в какой последовательности видели его разные люди утром в субботу, и это привело к противоречиям среди репортеров: одни утверждали, что фары и фонари горели в момент обнаружения автомобиля, другие настаивали на том, что не горели. Хотя в сообщении полиции было сказано, что обнаруженный на середине идущего под уклон участка дороги автомобиль оказался снятым с тормозов, Алфред Лаленд, владелец придорожного кафе в Ньюлендс-Корнере, с горячностью убеждал готовых слушать его журналистов: «Тормоза были включены, и в этом я почти уверен».

Несколько газет напечатали карты Ньюлендс-Корнера с указанием места, где была найдена машина. Некоторые из них были настолько неточными, что читатели заподозрили составителей, в том что те рисовали карты по описаниям, продиктованным репортерами по телефону.

Реакция прессы на это исчезновение была неожиданной и в то же время на удивление необычной. В понедельник 6 декабря газета «Дейли мейл», уже взявшая горячий след, потчевала своих читателей новостями об обнаружении автомобиля в Ньюлендс-Корнере и подробностями из жизни писательницы. В первой публикации Агату еще не называли по имени, о чем свидетельствует заголовок: «Исчезла женщина-писательница». Ввиду отсутствия каких-либо сведений о месте нахождения Агаты, «Дейли скетч» с беззаботной веселостью дала волю фантастическим предположениям: «Миссис Кристи сама заставила одну из своих героинь утопиться в Молчаливом озере. Согласно местному поверью, это озеро обладает непреодолимым воздействием на тех, кто тем или иным способом контактирует с ним, как это случилось с миссис Кристи. Все имеющиеся на данный момент сведения наводят на мысль о том, что миссис Кристи не контролировала себя».

В понедельник вечером дорожный рабочий Эдвард Макалистер из Холшурста, Меррау, пришел в полицию с

заявлением о том, что произошло с ним в субботу, 4 декабря; свидетелей, способных подтвердить его показания, не было. Он утверждал, что ехал на работу на велосипеде вдоль Меррауских холмов и в 6 часов 20 минут утра, когда он съехал на Троддс-Лейн, его остановила женщина с непокрытой головой и попросила завести ее машину. После того как он заводной ручкой запустил двигатель, она уехала в направлении Гилдфорда. Хотя указанное рабочим направление было противоположным тому, где был до этого обнаружен автомобиль Агаты, пресса уделила большое внимание его показаниям, правда, не все газетные публикации отличались достаточной точностью. В одном случае заявитель почему-то был назван Эрнестом Кроссом из Гомсхолла, в другом место встречи было перенесено на плато в Ньюлендс-Корнере. В одной из публикаций утверждалось, что волосы женщины-водителя «были покрыты инеем», а радиатор ее машины был «настолько горячим, что обжигал пальцы». Если этой женщиной и вправду была миссис Кристи, то куда подевалась ее велюровая шляпка, в которой она выехала из дома? Более странными выглядели различные объяснения того, что женщина уехала в совершенно ином направлении, к развилке дорог, одна из которых ведет в Сландон и Меррау, другая — в сторону деревни Шер. Пресса предпочла сосредоточить внимание на второй дороге, ведущей к зловещему Молчаливому озеру.

Ко вторнику, 7 декабря, пресса раскрутилась на всю катушку. Лучшие репортеры Флит-стрит[37], в том числе Стэнли Бишоп из «Дейли экспресс» и Джим Барнес из «Дейли ньюс», включились в работу, наблюдая за развитием ситуации из Стайлеса, который они считали своим главным командным пунктом. Их менее опытные молодые коллеги, такие как Тревор Ален из «Вестминстер газетт» и Ритчи Колдер из «Дейли ньюс», обосновались в Гилдфорде, чтобы участвовать в розыскных мероприятиях в Суррейских холмах.

Версии сыпались словно из рога изобилия. Согласно одному предположению (его поддержали многие, но так ничем и не подтвердили), Агата остановилась отдохнуть на плато в Ньюлендс-Корнере, а потом, трогаясь с места, неправильно переключила шестерни в коробке передач и случайно съехала с плато. «Вестминстер газетт» описывала Ньюлендс-Корнер как «темное, гнетущее, наводящее тоску место… последнее на свете место, куда нормальная женщина решится поехать одна». Такое устрашающее описание ландшафта придавало дополнительную обоснованность циркулирующим в обществе подозрениям о том, что у Агаты был нервный срыв из-за «литературной перегрузки», да и сам Арчи довольно активно подогревал зарождение и

распространение этого слуха. Поскольку труп не был найден, на начальном этапе расследования «потеря памяти» была почти единогласно объявлена всеми газетами причиной исчезновения писательницы. Пресса терялась в догадках: планировала ли Агата встретиться с кем-то в Ньюлендс-Корнере, чтобы поменяться машинами? А может, она попала в засаду и впоследствии от ее тела благополучно избавились?

После того как 7 декабря «Дейли ньюс» объявила о вознаграждении в 100 фунтов за «первую информацию о месте нахождения миссис Кристи, если она еще жива», газеты писали о бесчисленном количестве сообщений от людей, заявлявших об опознании Агаты по опубликованным ранее фотографиям.

Один из них, Ралф Браун из Баттерси, утверждал, что видел Агату в 11 часов 45 минут утра в субботу 4 декабря, когда проезжал Олбери Хит, деревню в графстве Суррей. «Она, казалось, была в таком состоянии, когда не обращаешь внимание на то, что происходит вокруг. Я предложил подвезти ее, но она сказала: "Я не иду в какое-нибудь конкретное место. Спасибо вам за предложение, но я лучше останусь там, где нахожусь сейчас"». Его рассказ еще больше подогрел интерес читателей, поскольку неподалеку от Агаты он встретил еще и точильщика ножей, цыгана.

Некая миссис Китчингс из Малого Лондона, деревушки, расположенной вблизи Ньюлендс-Корнера, выступила с заявлением о том, что видела какую-то женщину, шедшую по дорожке возле ее дома в тот самый день около полудня. Миссис Китчингс буквально поразил отсутствующий взгляд этой женщины.

Шофер мэра Годалминга[38], мистер Линдсей, клятвенно уверял, что Агата заходила к нему в дом в районе 9 часов вечера в субботу. Женщина поужинала вместе с мистером Линдсеем и его женой, а после ужина супруги видели, как она пошла в сторону Милфорда.

Вокзальный носильщик, мистер Фьюэтт, уверял, что утром 5 декабря на вокзале в Милфорде к нему подошла растерянная дама в шляпе и спросила, как добраться до Портсмута и Питерсфилда[39]. Его рассказ частично подтвердил милфордский возчик, мистер Уорнер. В последний раз эту женщину видели идущей в направлении Хемблдона[40].

Мистер Б. Дэниелс, живший на Викарадж-роуд в Пламстеде[41], сообщил о «темноволосой» женщине, похожей на писательницу, постучавшую во входную дверь его дома в 10 часов 50 минут вечера в понедельник, 6 декабря, с просьбой разменять фунтовую банкноту. Помочь он ей не мог, но уверял, что эта

незнакомка выглядела в точности как Агата на фотографии, которую он видел в «Дейли ньюс».

По сообщениям репортеров, некий мистер Кларк с лондонской Нью-Брод-стрит утверждал, что женщина, похожая на пропавшую писательницу, вечером в понедельник ехала на поезде, отправляющемся в 5 часов 8 минут от Кеннон-стрит. Она выглядела усталой и измученной, и это навело его на мысль о ее умственном нездоровье; к тому же она, изредка отрывая пристальный взгляд от окна, что-то записывала в отрывном блок ноте.

Репортеры так и не смогли пролить хоть какой-либо свет на это таинственное происшествие, а во вторник, 7 декабря, полиция возобновила поиски, в которых, кроме людей из отделений Уокинга, были задействованы сотрудники из Чертси[42] и Доркинга. На мельничном пруду Олбури-Милл-Понд поперек шлюза была установлена огромная сеть, после чего открыли створ, через который хлынул мощнейший поток воды, отчего река обмелела настолько, что почти обнажилось дно, но в сети ничего не оказалось. Еще один мельничный пруд Постфорд-Милл-Понд осушили подобным образом. Предполагали, что Агата могла бродить вдоль берега по прилегающей к воде низине и, возможно, захотела вблизи рассмотреть мельничные огни, и, подойдя к краю, она могла поскользнуться и упасть в пруд. Ее крики о помощи могли потонуть в шуме мельницы, работавшей непрерывно, и днем и ночью.

Гадания и размышления прессы о судьбе Агаты делались все более мрачными и неутешительными, в то время как полиция, несмотря на трудность поставленной перед нею задачи, сохраняла чувство меры. Одним из молодых офицеров, прибывших в фургоне в Ньюлендс-Корнер, был Эрик Боужер, сын суперинтенданта Боужера, руководителя отделения полиции в Уокинге. Эрик Боужер, которому в то время было девятнадцать лет, рассказал мне, что их группе, в отличие от прежних поисковых групп, перед началом операции было объявлено, что они будут искать миссис Агату Кристи. Их работа прошла без всяких неожиданностей, если не считать забавной встречи с неким бродягой. Полицейские, разыгрывая его, предположили, что, возможно, только он и может пролить хоть какой-то свет на судьбу миссис Кристи. Бродяга, поддерживая шутку, высыпал содержимое своего мешка, и офицеры вволю посмеялись, глядя на огромное количество разнообразных жестяных банок из-под консервов, лежавших перед ними на траве.

Вечером во вторник, 7 декабря, настроение прессы стало более приподнятым: журналисты прознали про письмо, которое

Агата написала своему деверю. Газетчики решили, что наиболее вероятным местом пребывания Агаты в Йоркшире может быть Харрогит, но репортеры из «Дейли кроникл» и «Дейли экспресс», побывавшие во всех тамошних отелях, ни в одном не обнаружили регистрации гостя под ее именем.

Несмотря на прокол с Йоркширом, пресса с неиссякаемой энергией продолжала собирать информацию. Вопреки нежеланию Арчи рассказать журналистам о том, где он провел пятничный вечер, «Дейли ньюс» и «Дейли экспресс» все-таки раскопали, что он был в гостях у некого мистера Джеймса из Хартмор-Коттаджа недалеко от Годалминга. «Дейли ньюс» стал известен тот факт, что в Стайлесе обнаружили паспорт Агаты, и эта находка сразу положила конец слухам о том, будто она уехала из Англии в Швейцарию в обществе пожилого джентльмена, предположительно лорда. Кто-то прознал о том, что Агата недавно заходила к своему аптекарю, Чарльзу Гиллингу, за приготовленным для нее снотворным средством, и в беседе они коснулись способов совершения самоубийства. Писательница, как утверждают, сказала: «Я никогда не совершу самоубийства жестоким способом, раз существует такое средство, как гиосцин».

В среду, 8 декабря, официальные поиски не проводились. Однако заместитель начальника полиции Кенуард обоснованно полагал, что многочисленные штатские участники прежних поисковых мероприятий не захотят отдыхать, и поэтому обеспечил постоянное поступление информации о том, как идут у них дела, от полицейских, находившихся в Ньюлендс-Корнере. В дополнение к этому по его приказу полицейские участки в Гилдфорде и Шер-Биглс выделили пятнадцать парных патрулей, которые с помощью многочисленных добровольных наблюдателей также следили за ходом поисков. Главная новость этого дня поступила примерно в 13.30, когда двое мальчишек, Стэнли Лэйн и Фредерик Джонс, нашли записку, засунутую в жестянку из-под консервов и спрятанную под кустом в двадцати ярдах от места, где нашли брошенный автомобиль. В записке (скорее всего, это был просто розыгрыш) было накарябано: «Спроси Кендла Ланча. Он знает о Молчаливом озере больше, чем…»

На фотографии, которую публика увидела в первые дни поисков, была красивая, интеллигентного вида писательница, счастливая супруга отважного красавца, героя войны. Но сейчас это была уже как бы выдуманная картина, обреченная судьбой на то, чтобы рассыпаться в прах, — в данный момент и полиция, и пресса наперебой старались снова объединить их в супружескую пару и рассматривали случившиеся как следствие их отношений.

9
Непрерывное наблюдение

Затянувшееся отсутствие Агаты обернулось для Арчи тем, что за всеми его передвижениями наблюдали: внутри Стайлеса — полиция за его пределами — пресса. Но самым несносным для него было то, что все его друзья поневоле оказались втянутыми в эту историю: прислуга в доме Джеймсов охарактеризовала пятничный вечер 3 декабря как «прием по случаю неофициальной помолвки» Арчи и Нэнси. Наиболее щекотливым обстоятельством, связанным с этим приемом и выявленным полицией, было то, что Сэм и Мадж Джеймсы были практически уверены, будто полковник либо пребывает в серьезной размолвке с женой, либо они вообще живут раздельно.

Нэнси, которую связь с Арчи выставила в далеко не респектабельном свете, полиция воспринимала как наивную молодую дамочку, сбитую с пути мужчиной более старшего возраста. В то время как сама она оставалась целиком и полностью преданной Арчи, ее родители, скрывавшиеся от любопытных глаз в своем доме в Кроксли-Грин рядом с Риксманвортом[43], создавали ей дополнительную головную боль. Чарльз и Мейбел Нил, узнав о романе своей дочери и аморальной вечеринке в тот самый уик-энд, пришли в ужас и повели интенсивную атаку на Нэнси, поскольку сам полковник оказался для них недосягаемым.

Сэм Джеймс, принимавший эту пару у себя в тот самый вечер, когда исчезла Агата, предпринял все возможное для защиты Арчи: он утверждал, что единственный автомобиль в Хартмор-Коттадже был в тот вечер заперт в гараже, к тому же любой выход из дома был бы замечен прислугой, встревоженной лаем домашней собаки.

Заместитель начальника полиции Кенуард не разделял его уверенности. Если предположить, что Арчи убил свою жену, то он мог условиться с ней о встрече на Ньюлендс-Корнере после того, как вся прислуга Джейсов уйдет из их дома на ночь. Хотя на плато и не было найдено прямых подтверждений физического столкновения между мужем и женой, возможность убийства нельзя было исключать из рассмотрения. При расспросах о его личной жизни и передвижениях в ночь исчезновения Агаты Арчи выглядел, по словам проводившего допрос офицера, «взволнованно-рассеянным и готовым к защите», что в значительной степени укрепило подозрения полиции.

Угроза публичного скандала поставила Арчи на грань, за которой его ожидала полная потеря всего: деловой репутации, общественного положения и женщины, которую он любил. Лично он уже отбросил всякие иллюзии насчет смерти Агаты — после известия о ее письме к его брату Арчи был убежден, что она жива и попросту разыгрывает его.

То, что Кэмблл объявил о письме, полученном от невестки, не ослабило пристального внимания к личной жизни Арчи, проявляемого и полицией, и прессой, поскольку еще не была опровергнута такая версия: кто-то мог отправить письмо по просьбе Агаты или она сама, отправив его, снова вернулась в Ньюлендс-Корнер.

Пытаясь хоть как-то ограничить проникновение в свою личную жизнь, Арчи убедил полицию Беркшира выпустить постер с описанием разыскиваемой особы и ради ускорения дела объявил о своей готовности оплатить связанные с этим расходы.

Себастьян Эрл, работавший в офисе рядом с кабинетом Арчи, несколько лет назад, прервав свое почти пожизненное молчание, рассказал об эпизоде того времени, когда Агата считалась пропавшей. Они с Арчи вдвоем оказались в кабине лифта, поднимаясь на шестой этаж здания «Рио Тинто Кампании» в Лондоне, где размещалась компания «Острал Лимитед»:

«Он был в чрезвычайно нервном состоянии и сказал мне, что заметил полицейскую слежку за собой на Бродстрит, они вели его до самого офиса и сейчас дежурят снаружи. "Они думают, это я убил свою жену", — сказал он. С этими словами он вошел в свой кабинет, и хотя мы виделись с ним несколько раз на той неделе — а с каждым разом он выглядел все хуже и хуже, — он никогда не касался этой темы, а уж я тем более».

К среде, 8 декабря, пресса была в полной уверенности, что полиция подозревает Арчи в совершении убийства, в результате чего в газетах появилось огромное количество предположений и домыслов, особенно интересовала газетчиков причина, побудившая Агату уехать из Стайлеса вечером в пятницу, 3 декабря.

Джим Барнес из «Дейли ньюс» был убежден в том, что первую информацию о планах Арчи провести уикэнд с Нэнси сообщила Агате Шарлотта, позвонив ей сразу после шести часов в тот вечер, когда она пропала. Но журналист был не в курсе того, что Агата уже утром знала о планах Арчи. Барнес ошибался и тогда, когда полагал, что Шарлотта позвонила Арчи, находившемуся в доме Джейсов, вблизи Годалминга, в тот вечер, дабы предупредить его о скорой встрече с Агатой, которая находилась уже на пути к нему. Это, в свою очередь, заставило коллегу Барнеса, Ритчи

Колдера, задуматься о том, мог ли Арчи, пробормотав свои невнятные извинения и покинув дом Джеймсов, поехать в Ньюлендс-Корнер, укрыться там в засаде и заставить свою жену замолчать. Тот факт, что и Арчи, и полиция отвергали этот притянутый за уши сценарий, настроил прессу на еще более подозрительный лад. Не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что полиция считала его главным подозреваемым, допуская версию: Арчи все-таки мог покинуть дом после того, как все улеглись спать.

Стэнли Бишоп, ведущий репортер «Дейли экспресс», был настолько убежден в причастности Арчи к исчезновению Агаты, что постоянно уговаривал заместителя начальника полиции Кенуарда обратиться в Скотленд-Ярд за помощью в прочесывании района Суррейских холмов. Но этот полицейский чин, уверенно считая Арчи убийцей, не мог сам принять решения по этому вопросу, а его шеф, начальник полиции, капитан Сент, был категорическим противником этой идеи.

И парадная дверь, и дверь, ведущая на задний двор дома в Стайлесе, находились под постоянным наблюдением полицейских, предотвращавших атаки репортеров на Арчи и других обитателей, но когда он находился вне дома, полиция была не в состоянии оградить его от их назойливых приставаний. У полковника начали сдавать нервы, и вечером в среду, 8 декабря, он, пытаясь протиснуться сквозь строй журналистов, сделал несколько опрометчивых заявлений, которые на следующий же день появились в лондонской «Ивнинг ньюс»:

«Я не могу дать никаких рациональных объяснений по поводу ее исчезновения, кроме того что нервы ее были полностью расшатаны и что она ушла без всякой на то причины.

Я уехал из дому в пятницу, намереваясь провести уик-энд с друзьями. Я не готов сейчас назвать место, где я был. Я назвал его полиции. Я не хочу втягивать моих друзей в эту историю. Дело касается только меня. Меня преследуют и травят, как преступника, а я хочу лишь одного — чтобы меня оставили в покое. Мой телефон звонит без передышки. Всякого рода люди спрашивают меня о жене. Вы знаете, мне звонят даже ясновидящие и уверяют, что у меня есть единственная надежда найти ее, а для этого мне надо прийти к ним на спиритический сеанс.

Я смертельно устал. Как только я услышал об ее исчезновении, то сразу поехал в Ньюлендс-Корнер, где, как мне сказали, была обнаружена ее машина. Это было в субботу, и с тех пор я здесь.

Моя жена собиралась провести тот уик-энд вне дома. И я обычно провожу свои уик-энды не дома».

В четверг, 9 декабря, «Дейли экспресс» оказалась одной из нескольких газет, выступивших с критикой управлений полиции Беркшира и Суррея за их отказ обратиться в Скотленд-Ярд. Репортеры подозревали о существовании между этими управлениями некого соперничества, и их подозрения подкреплялись тем фактом, что полиция Беркшира не оказывала помощи в проведении поисковых работ в районе Суррейских холмов. Но журналистам было невдомек, что Скотленд-Ярд уже активно участвует в расследовании, разбирая многочисленные заявления людей, которым казалось, что они видели Агату.

Сообщение о том, что Агату якобы видели в одном из лондонских омнибусов, не принесло облегчения Арчи. Некая мисс Бишоп обратилась в Уокингемское отделение полиции в графстве Беркшир с заявлением, что разыскиваемая женщина была одета в пальто из тюленьей кожи с забавными пятнами. Прослушав женщину, суперинтендент Годдард заключил: «Боюсь, ее заявление не содержит большого количества важной информации, но вот лично я думаю, что миссис Агата Кристи еще жива».

Два отчетливо различимых направления в расследовании появились в четверг, 9 декабря. Беркширская полиция распространила постер с описанием пропавшей дамы; на нем была смонтированная фотохудожником фотография Агаты в полный рост и в одежде, которая была на ней в тот вечер, когда она пропала. Заместитель начальника полиции графства Суррей, Кенуард, со своей стороны, призывал к возобновлению поисков в районе Суррейских холмов. В прессе было высказано предположение о причине инициативы последнего: накануне кто-то нашел туфлю на склоне одного из холмов вблизи деревни Олбери. Однако в рапорте Министерству внутренних дел указывалась иная мотивировка: «Разыскиваемая дама исчезла при таких обстоятельствах, которые при их анализе порождают многочисленные и разноплановые версии; она могла сбиться с дороги и вследствие потери памяти заблудиться на обширных и отрытых местах вокруг Ньюлендс-Корнера; она могла упасть в одну из разбросанных повсюду и скрытых кустарником многочисленных ям, образовавшихся после выемки песка и гравия, и лежать там в агонии и без надежды на помощь; кроме перечисленного, она — эта версия, по мнению полиции, считается наиболее вероятной — могла стать жертвой серьезного преступления».

В ходе интенсивных поисковых мероприятий, более широкомасштабных по сравнению с теми, что проводились ранее, одна группа прочесывала районы к северу от Ньюлендс-Корнера, другая действовала в направлении Олбери и Чилворта, третья обследовала наиболее удаленные места вблизи Пислэйк[44]. В середине дня главный подозреваемый взял с собой собачку жены и в сопровождении заместителя начальника полиции Кенуарда три часа ездил вокруг Ньюлендс-Корнера, но безрезультатно. Раздражение Арчи становилось все сильнее буквально с каждым часом: то, чего он постоянно боялся, в конце концов стало реальностью: имя Нэнси как друга семьи Джеймсов появилось в утренних газетах.

В четверг вечером Арчи окончательно перестал контролировать себя. Он дал эксклюзивное интервью любимой газете своей жены, из которого, вопреки его намерениям, вытекало заключение, что их брак уже распался, а это дало повод для домыслов и кривотолков еще более интенсивных, чем прежде.

10
Тревога в ожидании неизвестного — это ужасно

Интервью, которое Арчи дал «Дейли мейл» для пятничного выпуска 10 декабря, произвело серьезное воздействие на отношение публики к его браку. Уверения, что у него все еще не иссякла надежда на то, что его жена срежиссировала собственное исчезновение, отнюдь не пробудили к нему сочувствия, а лишь послужили дополнительным подтверждением существования раздора между супругами.

Эта история заняла значительную часть газетной полосы под заголовком «Пять сотен полицейских заняты поисками миссис Кристи. Заявление супруга газете "Дейли мейл". Убеждение в том, что исчезновение было спланировано заранее», и в ней Арчи весьма недальновидно и малоубедительно изложил с вою позицию:

«Совершенно верно, что моя жена обсуждала возможность исчезновения по своей воле. Некоторое время назад она сказала сестре: "Я могу исчезнуть, если захочу, и при этом обставить это событие наилучшим образом". Они, как я думаю, обсуждали то, как отреагируют газеты. Это говорит о следующем: техническая сторона исчезновения прорабатывалась в ее голове, и, возможно, Агата намеревалась использовать это в своей литературной работе. Лично я чувствую, что дело обстоит именно так. По крайней мере, уверенность в этом придает мне силы».

Стремясь избегнуть каких-либо предположений убийства, Арчи продолжал:

«Поймите, существуют три возможных объяснения ее исчезновения: добровольное, вследствие потери памяти и самоубийство. Я склоняюсь к первому, хотя, конечно, возможна и потеря памяти в результате сильного нервного перенапряжения. Я не верю в возможность самоубийства. Она никогда не угрожала самоубийством, но если бы Агата вдруг задумалась об этом, я уверен, она выбрала бы яд, ведь в большинстве своих рассказов она для этой цели использует именно его. Я в разговорах с ней возражал против такого способа смерти, но она всегда склонялась именно к нему. Захоти она отравиться, я уверен, она смогла бы сделать это. Она проявляла большой ум и изобретательность, когда хотела добиться своего. Но, отвергая версию самоубийства,

необходимо помнить следующее: если человек намерен покончить с жизнью, он перед этим не станет утруждать себя тем, чтобы отъехать на много миль от дома, затем снять с себя тяжелое меховое манто и пойти куда-то, чтобы бесследно исчезнуть. Это одна из причин, объясняющих, почему я не считаю мою жену добровольно ушедшей из жизни. Перед тем как выйти из машины, она сняла свое меховое манто и положила его на заднее сиденье; потом, я думаю, она, вероятно, пошла вниз по склону и пропала… бог знает куда. Я считаю, что она пошла вниз по склону, потому что всегда ненавидела подниматься в гору».

В туманных фразах Арчи описал, что происходило на утро после исчезновения:

«Я, как обычно, уехал из дома в 9.15 утра — это было время, когда я в последний раз видел свою жену. Я знал, что на уик-энд у нее запланирована поездка в Йоркшир. Потом я понял, что утром она ездила куда-то на машине, потом пообедала одна, а во второй половине дня поехала в Доркинг повидаться с моей матерью. Домой она вернулась к ужину и ужинала одна. Что было после этого, я не знаю; знаю лишь то, что она была в таком состоянии, в котором не могла ни спокойно сидеть, ни читать, ни работать. Я и сам часто оказывался в таком состоянии и в такие минуты просто выходил прогуляться без всякой цели. Так же, как я думаю, поступила и моя жена, но вместо пешей прогулки села в свой четырехместный автомобиль и поехала кататься. Вероятно, она упаковала кое-что в маленький чемоданчик и перед отъездом взяла его с собой. Его, насколько вам известно, нашли со всем содержимым в автомобиле».

Когда его необычные отношения с женой, описанные в свете его сенсационной теории, были поставлены под сомнения, Арчи прибегнул ко лжи:

«Совершенно неверно полагать, что в ссоре или размолвке между мной и моей женой в то пятничное утро было что-то из рук вон выходящее. Она чувствовала себя отлично — иначе говоря, так же отлично, как и во все предшествующие месяцы. Она знала, что я собираюсь уехать на уик-энд; она знала, кто будет присутствовать на этой скромной вечеринке в доме, куда я собирался, но ни в то утро, ни вообще никогда она не высказывала ни малейших возражений. Я категорически протестую против использования различного рода слухов в нашем деле. Это не поможет мне найти жену, а именно это я и

хочу сделать. Моя жена никогда не имела никаких претензий ни к одному из моих друзей, а она знала их всех».

Возвращаясь к собственной версии о том, как его жена инсценировала собственное исчезновение, Арчи со всей искренностью заявил, что не имеет понятия о том, сколько денег имеет при себе Агата.

«Если она спланировала это исчезновение, то вполне возможно, что она могла тайно скопить значительную сумму денег. Я понятия не имею о том, что творится на двух ее банковских счетах — один в Саннингдейле, на нем деньги для хозяйственных расходов, а второй в Доркинге, для личных нужд, снимала ли она с них деньги после своего исчезновения или не снимала. Кстати, обе ее чековые книжки дома… Это все, что я знаю, и едва ли мне нужно говорить вам, что тревога в ожидании неизвестного — это ужасно».

Не сказав всю правду и утаив истинные причины недавних душевных страданий Агаты, Арчи сделал поистине губительный для себя ход в попытке рассеять подозрения и вызвать сочувствие к себе.

В это время «Дейли мейл» напечатала интервью с владельцем магазина на Албемарл-стрит в Уэст-Энде, который рассказал о том, что Агата побывала в его магазине в понедельник на той неделе, когда она исчезла, и купила изящную ночную рубашку из белого сатина с кружевной отделкой, объяснив, что рубашка предназначена для предстоящего уик-энда.

В пятницу, 10 декабря, Арчи ожидал новый неприятный сюрприз: он был приглашен в полицейские управления Беркшира и Суррея, которые в конце концов узнали о том, что он уничтожил адресованное ему письмо жены, и попросили его объяснить, по какой причине он скрыл от них этот факт. Его настойчивые заверения о том, что письмо содержало лишь сведения исключительно личного характера, которые он отказывается обсуждать, и они к тому же не имеют никакого отношения к событиям, были восприняты офицерами полиции с нескрываемым недоверием. Его заявление о том, что он сжег это письмо после телефонного звонка, последующего возвращения в Стайлес в субботу, 4 декабря, и получения известия об обнаружении брошенного Агатой автомобиля, совершенно не подходит человеку, которому нечего скрывать и который одержим идеей найти пропавшую жену.

Вскоре в полицейском участке в Бегште состоялось затянувшееся надолго совещание сотрудников полиции обеих

графств, задействованных в расследовании. На нем присутствовали заместитель начальника полиции Кенуард и инспектор Батлер; суперинтендент полиции Беркшира Годдард в этом совещании не участвовал, поскольку в течение всего периода расследования упорно настаивал на том, что «она объявится, как только решит свою пустячную проблему».

В тот же день газета «Дейли мейл» слегка утерла нос своим соперникам, опубликовав материал, подготовленный писательницей детективных романов Дороти Ли Сэйерс[45], излагавший ее мнение об этом исчезновении:

«Любая проблема подобного рода имеет четыре возможных объяснения: потеря памяти, преступление, самоубийство или намеренное исчезновение.

Первое — потеря памяти — ставит перед нами сложную и практически неразрешимую проблему, поскольку предполагает полное отсутствие мотивации, а аксиома расследования гласит: есть мотив — значит, есть ключ. Однако намеренное исчезновение также может быть организовано настолько хитро, что окажется при расследовании бесконечным клубком хитросплетений и загадок, особенно если (а это именно тот случай) мы имеем дело с искусным мастером создания детективов, чей ум уже натренирован в выдумывании способов и средств создания запутанных ситуаций».

Она высказала предостережение, указав, что газетные публикации, являвшиеся для публики единственным источником информации, содержали, как правило, «очень много неясностей», к тому же «никто не может задать все вопросы, которые сразу задал бы идеальный, по ее мнению, детектив». Она считала, что многие вопросы все еще ждут ответа. Достаточно ли хорошо светили фары автомобиля, когда Агата выезжала из дома, или их свет был таким тусклым, что она могла случайно съехать с дороги? Применялось ли торможение, когда автомобиль съехал с дороги в Ньюлендс-Корнере? Сколько времени автомобиль простоял в кустах, до того как его заметили? Была Агата опытным или рисковым водителем? Знала ли семья о ее намерении поехать в Беверли? Знали ли писательницу в пансионате? В заключении Дороти Ли Сэйерс писала:

«Это лишь некоторые вопросы, ответы на которые необходимо знать до того, как начинать вырабатывать версию… Мы лишь можем надеяться, что объяснение не выведет нас на трагедию, и желаем реальным детективам, занятым в этом

расследовании, скорого успеха».

Вечером в пятницу, 10 декабря, репортерам стало известно о письме, оставленном Агатой для Арчи в Стайлесе, и на следующий день они поспешили сообщить читателям о том, что он уничтожил это письмо и отказался раскрыть его содержание. После этого читатели почти не сомневались в том, что общение Агаты с Шарлоттой вечером перед ее исчезновением ограничивалось не только «запиской о том, что она отправляется покататься на машине», как было сказано в официальном сообщении полиции.

Под пристальное внимание прессы попала не только прислуга дома Кристи. В одном из интервью газете «Дейли мейл» Сэм Джонс, уволивший своих слуг за попавшие в прессу сплетни о связи Арчи с Нэнси, категорически отрицал какую-либо причастность своего друга к исчезновению писательницы:

«На этой вечеринке были моя жена, некая мисс Нэнси, полковник и я. Существуют различные предположения, в частности, что полковнику, когда он был у нас, звонила жена; или что он выходил из нашего дома, чтобы встретить жену, или что она приехала к нам, чтобы встретиться с ним. Ничего подобного не случилось. Я уверен, что миссис Кристи, вернувшись домой и узнав, что полковник проводит уик-энд с нами, раздосадованная, уехала кататься на машине».

Версия, представлявшая Агату обманутой женой, а Арчи неверным мужем, волокитой и искателем удовольствий на стороне, воспринималась публикой как все более и более правдоподобная. А тот факт, что «Ливерпул уикли пост» с субботы, 4 декабря, начала трехмесячную публикацию романа «Убийство Роджера Экройда» под истинным именем автора, посеял в головах читателей мысль о том, что писательница, возможно, намеренно исчезла и что это исчезновение не более чем рекламный трюк. Ведь ее литературная карьера была единственным, чем она обладала, поскольку почти ни у кого не оставалось сомнений в том, что ее брак рассыпался в прах.

Эдгар Уоллис, пьеса которого «Звонарь» с аншлагом шла в театре «Уиндхем», своей публикацией в «Дейли мейл» еще сильнее раздул костер разнотолков. Хотя его версия исчезновения Агаты оказалась несостоятельной ввиду неверно указанного места, где находилась яма, в которую почти свалился ее автомобиль (по его словам, это было между Ньюлендс-Корнером и Гилдфордом, а не между Ньюлендс-Корнером и Олбури), он

оказался прав в своих рассуждениях относительно имевшегося у Агаты мотива, а также и в обосновании того, что «гипотеза амнезии» выглядела совершенно несостоятельной:

«Это исчезновение, мне кажется, является типичным случаем "психической расправы" над тем, кто причинил ей зло. Попросту говоря, ее изначальным намерением было досадить какому-то неизвестному человеку, которому ее исчезновение причинит страдание и боль. То, что она не намеревалась совершать самоубийства, доказывает тот факт, что она преднамеренно создала видимость самоубийства, картинно бросив свою машину. Потеря памяти, иными словами, помешательство легко могло стать следствием этого, но человек с таким недугом не остался бы незамеченным. Мы должны исключить из рассмотрения возможность пребывания ее в каком-то медицинском учреждении или под надзором и опекой кого-то, кто нашел ее в этом состоянии. Широкая публичная огласка, сопутствующая ее исчезновению, делает такую ситуацию невозможной».

Любой скудоумный мог легко и безошибочно предположить, что именно Арчи и был тем самым человеком, которому хотела досадить Агата. Эдгар Уоллис полагал, что она была удивлена чрезмерной шумихой, раздутой по поводу ее исчезновения, и находила затруднительным объявиться вновь. Подводя итог сказанному, он заключил:

«Если Агата Кристи не умерла от удара и последующего воздействия на нее в районе, ограниченном небольшим радиусом от места, где была найдена ее машина, она должна быть жива и, находясь в полном рассудке, пребывает, по всей вероятности, в Лондоне. Невозможно, потеряв память, найти дорогу в конкретное место».

Ничуть не смущаясь тем, что он в свое время не смог указать место нахождения Агаты, Эдгар Уоллис в декабре 1927 года создал один из своих наиболее сенсационных рассказов, напечатав его в журнале «Пэлл мэлл». В этом рассказе, действие которого происходит в Беркшире, обнаружение пятен крови в бунгало и вокруг него приводят полицию этого графства к необходимости обратить самое серьезное внимание на пропажу жившей здесь миссис Грей, которая на своей машине принимала участие в таинственном суровом испытании на вершине холма в соседнем графстве Сассекс. Этот рассказ назывался «Убийца из Саннингдейла».

Пег, донельзя расстроенная неблагоразумным интервью, которое Арчи дал «Дейли мейл», встала на защиту сына и сама дала интервью, проинформировав читателей о том, что Арчи и Агата были «преданной парой» и что, по ее мнению, невестка еще окончательно не пришла в себя после смерти матери, случившейся в этом году. Пег предположила, что Агата, бросив машину, прошла значительное расстояние перед тем, как встретить свой конец:

«По-моему, ее не отыскали под водой только потому, что она хорошо плавала, и внезапность любого погружения, я уверена, моментально вернула бы ее в чувства. Хочу отметить: полковник Кристи думает, что она исчезла по собственной инициативе, но я не могу согласиться с моим сыном».

Позже, в субботу, 11 декабря, в вечерних выпусках газет было напечатано обращение полиции графства Суррей, призывающее добровольцев оказать помощь в розыскных работах в районе Суррейских холмов, намеченных на следующий день. Это было продуманное мероприятие, проводимое с привлечением населения и объединенных людских ресурсов полиции и прессы; его целью было выяснить раз и навсегда, в чем кроется загадка этого исчезновения.

11
Большие ожидания

Начало Великой воскресной охоты, как называли эти поиски, было связано с дурным предзнаменованием — до семи часов утра лил дождь. Люди, прибывшие из округа Олбури графа Нортумберлендского[46], считались наиболее умелыми и опытными из всех, прибывших на подмогу. Ежедневно в течение всего периода исчезновения Агаты этот округ направлял на ее поиски тридцать человек, среди которых были Фред Бейкер, Бен Мерит, Эрн Тисо и Френк Туйлип. Ньюлендс-Корнер и всю местность на много миль вокруг они знали так, как собственные ладони, и эта их глубокая осведомленность внушала уверенность, что намеченная поисковая операция будет проведена с особой тщательностью. По мнению рабочих, прибывших из округа, Агата совершила самоубийство, и они почитали для себя делом чести найти ее раньше других. В тот день, однако, соревнование было более ожесточенным, чем в прошлый уик-энд, поскольку участниками поиска были те, кто откликнулись на обращение полиции, переданное по радио и напечатанное в прессе.

«Санди экспресс» пошла с козырной карты, напечатав статью бывшего главного инспектора Уолтера Дью, того самого инспектора, который арестовал убийцу собственной жены доктора Криппена, когда тот пересек Атлантику на лайнере «Монтроз» вместе со своей любовницей Этель Ле-Нев. (Недавний анализ ДНК отмел все сомнения в виновности Криппена{5}). Этот отставной полицейский офицер утверждал, что исчезновение Агаты не имеет ничего общего с историей жены Криппена, Белл Элмор. Дью был уверен, что ни один толковый писатель уровня Агаты не поверит, что станет более успешным в работе, если опозорит себя «на потребу публики». Он с готовностью поддерживал версии потери памяти или истерии в качестве наиболее приемлемых причин исчезновения Агаты:

«Если сознание миссис Кристи было поражено истерией, она может странствовать по всей стране, не задерживаясь ни в одном месте, с неиссякаемой энергией, свойственной слабоумным, до тех пор, пока не задержится в какой-то точке, находящейся на расстоянии многих миль от места, где ее сейчас ищут».

Утром в воскресенье, 12 декабря, количество новостей, публикуемых прессой об исчезнувшей писательнице, показало,

что она является женщиной, о которой говорят больше всех в стране. Людям, прибывающим в Ньюлендс-Корнер, сразу же бросалась в глаза афиша, напечатанная газетой «Рейнолдс иллюстрэйтед ньюс» и рекламирующая трехмесячный сериал «Убийство на поле для гольфа»: «Лучший сериал, созданный пропавшей писательницей, начинаем печатать сегодня». Два места вызывали особенный интерес участников поиска: яма, оставшаяся после выемки мела, в которую едва не свалилась машина Агаты, и Молчаливое озеро, расположенное в четверти мили от нее.

Среди тех, кто оказался в тот день возле Молчаливого озера, наиболее известной персоной была Дороти Ли Сэйерс. Постояв недолго, она огляделась вокруг, а потом своим трубным, решительным голосом объявила: «Нет, она не здесь». Впоследствии она описала некоторые детали ее присутствия на месте предполагаемого исчезновения в своем третьем детективном романе «Неестественная смерть», вышедшем в следующем году. В этом романе не одна, а целых две женщины исчезли из брошенного автомобиля в низине, которую Ли Сэйерс расположила на Южном побережье. Видимо, шутки ради номерной знак брошенного автомобиля соответствовал номерному знаку ее собственного Нера-Кара[47], а некоторые эпизоды книги напоминают публикации в воскресных (12 декабря) выпусках газет. «Репортеры роились над Краунс-Бич, как саранча, — холмистая местность возле Шелли-Хед походила на рынок автомобилей, мотоциклов, велосипедов, все пространство между которыми было заполнено группами людей, жаждущих провести этот счастливый для них уик-энд в атмосфере, пропитанной таинственностью и кровью».

Желание людей найти Агату подтвердил тот факт, что большая группа помощников появилась на Ньюлендс-Корнере еще до официально объявленного начала поиска, то есть до 9.30 утра. Под предводительством заместителя начальника полиции Кенуарда пятьдесят три поисковые группы, каждая численностью от тридцати до пятидесяти человек и во главе с офицером полиции, выстроились возле Ньюлендс-Корнера. Перед тем как группы двинулись вперед, Кенуард обратился к ним с призывом проявлять максимальную тщательность и аккуратность в течение всего периода поиска и быть предельно внимательными, поскольку он был уверен, что Агата будет обнаружена где-то в этом районе.

После того как группы, сформированные из ранее прибывших, приступили к поиску, на автомобилях, омнибусах, мотоциклах и велосипедах нагрянуло еще большее количество

добровольцев. Члены Автомобильной ассоциации и Королевского автомобильного клуба оказывали помощь регулировщикам; наиболее ответственным добровольцам было поручено возглавить новые группы, ведущие поиски на плато. Специально нанятые омнибусы в Гилдфорде и других окрестных городах также доставили большое количество людей, отчего толпы, собравшиеся на вершинах холмов, разбухли еще сильнее.

Среди ранее прибывших был хорошо известный заводчик собак и организатор выставок бладхаундов[48], прихвативший с собой трех своих псов. Никто не ждал, что они учуют запах пропавшей писательницы, ведь прошло уже столько дней, но предполагалось, что, если Агата обессилела и упала от истощения, собаки смогут найти ее. По решению заместителя начальника полиции Кенуарда их сначала пустили по старой, мощенной меловым камнем дороге, ведущей в Доркинг, после чего они обследовали дорожку, плутающую в окрестностях Молчаливого озера.

Вскоре после полудня среди людей распространились первые волнующие известия: по слухам, в глухом месте недалеко от разбитой дороги возле Шира нашли несколько предметов, в том числе черную сумочку и портфель-дипломат, которые на машине сразу же доставили в Ньюлендс-Корнер. Вскоре выяснилось, что найденные вещи совсем не связаны с объектом поиска. Подобные выяснения делались и дальше до самого конца дня, что едва ли могло кого-либо удивить, поскольку Ньюлендс-Корнер, славившийся красотой ландшафтов, был излюбленным местом для пикников, а кроме того, пользовался дурной репутацией — там вовсю воровали вещи, оставленные в припаркованных автомобилях. Это было обычным приемом воров: красть содержимое сумочек, после чего зашвыривать их в кусты.

Одним из неприятных аспектов поиска было то, что к середине дня многие наблюдатели — из праздного любопытства и не желая больше участвовать в мероприятии — поднялись на вершины холмов, где их присутствие только мешало добросовестным волонтерам. Атмосфера была более приподнятой, чем в предыдущий уик-энд: предчувствия, возбуждение, хорошее настроение, веселье и легкомысленные шутки — все это в равной степени сочеталось с решимостью найти пропавшую женщину. В основном размышления участников поисков касались двух тем: найдется ли тело пропавшей писательницы и присоединиться ли ее муж к поискам? Хотя газета «Рейнолдс иллюстрейтед ньюс» напомнила доморощенным сыщикам о том, что «Убийство на площадке для гольфа» Агата опубликовала с посвящением: «Моему мужу, подлинному

энтузиасту детективов, у которого я в долгу за серьезную помощь, советы и критику», Арчи в тот день демонстративно отсутствовал.

Придорожное кафе Алфреда Лаленда и отель «Ньюлендс-Корнер» сделали в тот день ошеломляющую выручку. Насколько массовым и широкомасштабным мероприятием были поиски Агаты, можно судить хотя бы по тому, что инструкции удаленным фланговым группам доставлялись на лошадях. Алберт Рейвн, четырнадцатилетний подмастерье автослесаря, принимавший участие поисках в качестве конного посыльного, вспоминал: «Кругом были огромные скопления людей, повсюду сновали представители прессы, в тот день это было событием номер один».

Во время проведения операции поисковые группы, направляемые полицией, вышли еще из трех дополнительно назначенных точек сбора: Кол-Китчен-Лэйн вблизи Шира; Кландон-Уотер-Уокс, расположенной на главной дороге, соединяющей Литерхед[49] и Гилдфорд; и Уан-Трее-Хилл среди холмов Пьюли-Даунс на западной окраине Гилдфорда. Бесчисленные констебли для спецпоручений помогали в организации операции. Многие добровольцы, полагаясь на собственную интуицию, отправились на поиски самостоятельно. Маршрут одной группы проходил вдоль холмистой гряды, начиная от Доркинга; его протяженность составила девять миль, проходя которые добровольцы прочесывали леса и кустовые заросли по обеим сторонам полузаброшенной дороги. Другая группа, решившая проверить общественный выгон и лес вокруг часовни Святой Марты, столкнулась с тем, что заросли папоротника во многих местах были выше человеческого роста.

Примерно в это время сэр Артур Конан Дойл, создатель Шерлока Холмса и обладатель перчатки Агаты, передал вещь спиритическому медиуму по имени Хорас Лиф:

«Я спросил его, кому принадлежит эта вещь, не дав ему ни малейшего намека относительно ее владелицы, — вспоминал позднее Конан Дойл. — Он никогда не видел ее до того самого момента, пока я, придя к нему за консультацией, не положил ее перед ним на стол; при этом ничего не указывало на какую-либо связь этой перчатки или меня самого с делом Агаты Кристи…Он сразу назвал имя Агаты. "С этой вещью связано несчастье, — сказал он. — Ее владелица действует сейчас наполовину бессознательно и в то же время наполовину преднамеренно. Она не умерла, как думают многие. Она жива. Вы услышите о ней, как я полагаю, в следующую среду"».

Поиски в Ньюлендс-Корнере закончились вечером, когда опустился туман, и участникам поисков, сбившимся с дороги, пришлось давать ориентиры с помощью световых сигналов. Сотрудники полиции отправились на поиски заблудившихся, а в это время разочарованный и обессиленный заместитель начальника полиции Кенуард делал заявление для прессы, в котором просил журналистов поблагодарить граждан за помощь и сотрудничество. В другом заявлении, сделанном на несколько часов раньше, он выразил свою точку зрения, особо подчеркнув, что те, кто считает исчезновение Агаты делом ее рук, проявляют к ней величайшую несправедливость.

Около одиннадцати часов вечера того дня в Харрогите, великолепном курортном городе, расположенном на северном побережье, на полпути между Лондоном и Эдинбургом, два музыканта, играющих в одном из местных оркестров, пришли в полицию сделать заявление о том, что женщина, похожая на пропавшую писательницу, проживает в отеле, где регулярно играет их оркестр. Им показался подозрительным тот факт, что постояльцы отеля в течение нескольких дней (несмотря на то, что бдительная горничная и пыталась привлечь их внимание к этой особе) не предпринимали ничего до тех пор, пока интереса к этому делу не проявили их жены.

Хотя столь позднее время считалось в харрогитской полиции неподходящим для немедленного проведения расследования, к тому же женщина, подозрительно похожая на Агату, уже ушла в свою комнату, эти два музыканта дали толчок целой череде событий, которые в последующие два дня окончательно разрешили вопрос, ответ на который искала вся страна.

12
Призыв к водолазам

В понедельник, 13 декабря, во всех новостных сводках сообщалось о том, что Великая воскресная охота закончилась безрезультатно. По оценкам прессы, в ней приняло участие от 2 до 15 тысяч человек.

В выходные дни газета «Дейли мейл» проверила сообщение о подозрительном событии, произошедшем в тот вечер, когда исчезла Агата, на узкой дороге возле Пирфорда[50], в семи милях северо-восточнее Гилдфорда. Некий мистер Ричардс видел автомобиль, такой же как у Агаты, «явно движущийся в направлении Ньюлендс-Корнера», за которым шла темно-красная четырехместная машина. На следующий день ту же самую темно-красную машину с сидящими в ней мужчиной и женщиной видели на той же дороге. Хотя сенсационное сообщение «Дейли мейл» породило версию о том, что Агата, возможно, уехала с каким-то мужчиной и провела субботу, спрятавшись где-то возле дороги, никто из проницательных мыслителей не посчитал эту версию заслуживающей внимания, поскольку нашелся еще один свидетель, мистер Фоулд, который, описывая эту женщину, указал, что «у нее были весьма короткие волосы» и на ней было «стильное голубое пальто». К тому же то, что замеченная машина была той же модели, что и машина Агаты, не посчиталось многообещающим обстоятельством, поскольку в 1920-х годах половина машин на дорогах страны были «Моррис Каули».

«Дейли скетч» объявила, что хорошо известная спиритическая дама-медиум из Гилдфорда и ее дух-наставник[51] Мэйзи, «двенадцатилетняя африканская девочка из неизвестного племени», попросили дать что-нибудь из вещей Агаты для определения ее местонахождения. Газета оповестила читателей о том, что на эту просьбу откликнулся некий неназванный по имени «лондонский журналист» (фактически это был один из репортеров «Дейли скетч»), передавший медиуму использованную подушечку для нанесения пудры, которой, по его словам, пользовалась Агата.

Подушечка для пудры работала как талисман. Как только медиум вошла в транс, «Мэйзи» приняла командование на себя… Медиум высказала сенсационные требования, а потом описала судьбу миссис Кристи как трагедию, о которой страшно говорить, и настоятельно велела протралить сетью Черный пруд.

Описывая эту историю и особо подчеркивая то, что подушечка для нанесения пудры никогда не принадлежала миссис Кристи, более того, миссис Кристи никогда ее в глаза не видела, «Дейли скетч» виртуозно доказывала, что это был «розыгрыш с единственной целью предостеречь публику от неправильных действий, которые может вызвать готовность поверить в сверхъестественные возможности медиумов».

Несколько лет назад бывший репортер «Дейли ньюс» Ритчи Колдер ошибочно утверждал в своих воспоминаниях, что ясновидящий, консультировавший «Дейли скетч», утверждал, что тело будет найдено в бревенчатом доме. Тем не менее он в свое время рассказывал веселую историю, в которой кроме него участвовал еще и Тревор Ален из «Вестминстер газетт», историю о том, как однажды в Клендонском лесу было найдено летнее пристанище и как эта находка помогла показать, что такое неистовое воображение журналистов:

«Мы посмотрели в окошки на фасадной стене и в свете, проникающем из окошек в противоположной стене, увидели силуэт тела, лежавшего на чем-то, похожем на детский матрас. В действительности это оказались постельные принадлежности в скатке. Хотя хижина, вероятнее всего, закрывалась на зиму, сейчас в ней кто-то уже обосновался. Тревор Ален, не отрывая от окна любопытных глаз, разглядел "бутылку опиума". В действительности в бутылке были ипекакуана[52] и опиум, смешанные в надлежащей пропорции и используемые для лечения диареи, то есть поноса. Признав, что мы зазря протаскались по лесу, мы пошли назад в Гилдфорд и рассказали нашим коллегам о том, каким забавным оказалось наше приключение. Они без промедления кинулись всей толпой выяснять подробности. Один из них, газетный иллюстратор, взял с собой девушку, прислуживающую в баре. Обсыпав дверной порог пудрой, он попросил девушку наступить на него. На следующий день в печати появился отпечаток подошвы с подписью: "А это не след ли миссис Кристи?" Его коллега использовал опиум, но без ипекакуаны».

В понедельник, 13 декабря, многие таблоиды выдали свою наиболее фантастическую версию за действительное: Агата, возможно, живет в Лондоне, маскируясь под мужчину. Хотя то, что пресса может выдвинуть столь смехотворную версию, и казалось невероятным, однако читающая публика не была настроена попросту отмахнуться от нее. Ведь, если вспомнить,

Этель Ле-Нев ведь тоже была одета в мужское платье, когда главный инспектор Скотленд-Ярда Уолтер Дью арестовал ее и доктора Криппена.

Желая в открытую поддержать эту странную версию, вечерний выпуск «Вестминстер газетт» известил читателей о том, что инспектор Батлер из управления полиции графства Беркшир утром того дня выехал из Аскота в Лондон для выяснения некоторых обстоятельств. Он и в самом деле поехал в тот день в Лондон, и целью его визита было посещение Скотленд-Ярда для установления связей с тамошними сотрудниками и не имело ничего общего с теми мелодраматическими выдумками, которые смаковала пресса.

Между тем Стэнли Бишоп из «Дейли экспресс» (который допекал заместителя начальника управления полиции Кенуарда требованиями протралить все водоемы в районе холмов) убедил лондонскую фирму «Сейб, Горман и Компания», занимающуюся водолазными работами, принять на добровольных началах участие в разыскных мероприятиях (взамен рекламных интервью и фотографий в прессе). Его инициатива в результате привела к тому, что управление полиции графства Суррей несправедливо обвинили в перерасходе средств, потраченных якобы на водолазные работы. Давая впоследствии объяснения в Министерстве внутренних дел, заместитель начальника управления полиции Кенуард дал понять одному из чиновников министерства, Артуру Диксону, что все разговоры о водолазах, аэропланах и прочих технических штучках не более чем выдумки прессы, однако это всего лишь часть истории. Стэнли Бишоп все-таки обеспечил прибытие водолазов, и они смеялись над ним до колик: все водоемы оказались настолько мелкими, что водолазам пришлось бы обследовать их, стоя на четвереньках.

Лондонская «Ивнинг ньюс» была одной из нескольких газет, сообщивших об исчезновении Агаты одновременно с исчезновением другой женщины, Уны Кроу, пропавшей из своего лондонского дома в субботу, 11 декабря; ее нашли утонувшей в воскресенье, 19 декабря. Хотя между этими двумя исчезновениями и не было ничего общего, такой редакционный трюк как помещение этих сообщений рядом, выдвинуло их на первые строчки новостей, что, в свою очередь, заставило некоторых читателей задуматься, а не связаны ли эти события между собой.

Не оповещая прессу, а стало быть, и читателей полиция Уэст-Райдинга[53] в течение понедельника занималась расследованием заявления, сделанного двумя харрогитскими музыкантами, Бобом Теппиным и Бобом Лимингом; был опрошен штат

расположенного в городе отеля, в котором остановилась дама, похожая на пропавшую писательницу.

Вдова Боба Теппина, Нора, недавно рассказала о том, как она подбивала этих двух Бобов пойти в полицию в воскресенье, 12 декабря, чтобы заявить о своих подозрениях: «Мы с Бобом и Боб Лиминг со своей женой, Беатрис, засиделись допоздна в тот вечер. Оба парня разглагольствовали о той женщине, которую они принимали за миссис Кристи, а я без всяких экивоков сказала им в открытую: "Если вы не пойдете в полицию, туда пойду я"».

Рози Эшер, та самая горничная, которая первой поделилась с двумя музыкантами своими подозрениями, рассказав им, что она впервые обратила внимание на эту таинственную гостью из-за ее необычных туфель с большими пряжками и необычной черной сумочки с застежкой-молнией, привлекшей всеобщее внимание на последней выставке аксессуаров. До этого Рози видела сумочки с застежками-молниями только в лондонских журналах. После своего ухода на пенсию с работы в «Харрогит-Гидро» в середине 1970-х Рози объяснила, почему она сама не пошла в тогда полицию:

«Я тогда не осмелилась раскрыть этот секрет. Наверняка я была одной из первых, кто узнал об этом (о том, что это была Агата Кристи), но в мои обязанности не входило вмешиваться в подобные дела. Я просто делала то, что мне было положено. У нее был с собой только маленький чемоданчик, но она сказала, что ее багаж прибудет позже. Мне это показалось немного странным. Когда я клала ей на стол газеты, то рассмотрела в них несколько фотографий этой дамы. Я сразу же заметила, что на ней необычного вида туфли и сумочка. Я подумала: а ведь я все это видела где-то раньше. Тут-то мне все и открылось».

Вот каким было последнее, оставшееся в ее памяти впечатление от Агаты тех лет:

«А я ведь помню, как она любила танцевать. Она часто бывала в бальном зале и выглядела там самой привлекательной женщиной».

После скрытного наблюдения за таинственной гостьей в понедельник, 13 декабря, полицейские Уэст-Райдинга подтвердили, что это была именно та женщина, поисками которой занималась вся страна, и в тот же вечер связались с заместителем начальника полиции Кенуардом. Он, не поверив правдивости их сообщения, не стал доводить полученную

информацию ни до сведения полиции графства Беркшир, ни до обитателей Стайлеса. Вместо этого он засел за составление плана расширения района поиска до сорока квадратных миль вокруг Ньюлендс-Корнера, реализация которого должна была начаться в среду. Не менее восьмидесяти членов Олдершотского[54] клуба мотоциклистов предложили помощь в розыске.

Утром во вторник, 14 декабря, полиция Уэст-Райдинга снова связалась с заместителем начальника полиции Кенуардом, прося его помощи в решении вопроса: является ли проживающая в отеле дама разыскиваемой писательницей? Результатом этого был звонок полицейского начальника в Стайлес в районе полудня: он попросил Шарлотту поехать на север страны для идентификации женщины, которую принимают за ее работодательницу. Секретарь Агаты отклонила это предложение, сославшись на то, что ей необходимо забрать Розалинд из школы, и позвонила Арчи в Лондон. Информация, которую она ему сообщила, на тот момент еще скудная, убедила их обоих в том, что его жена, вероятнее всего, нашлась, и Арчи заторопился на поезд, уходящий в час сорок с вокзала «Кинг-Кросс».

В результате утечки информации огромный контингент репортеров с Флит-стрит уже вечером в понедельник, 13 декабря, двинулся на поезде в Харрогит. Среди них был Сидней Кемпион, репортер ночных новостей «Дейли ньюс». Особо интригующей новостью было то, что остановившаяся в отеле дама, оказавшаяся в действительности Агатой, зарегистрировалась как миссис Нил, то есть под той же фамилией, что носила любовница Арчи, Нэнси.

По мнению прессы такое совпадение было слишком странным, чтобы не обратить на него внимания. Но где точно находилась подозреваемая женщина? По данным разных источников, она остановилась либо в «Кейм-Гидро», либо в «Харрогит-Гидро». Негласное полицейское наблюдение, установленное во вторник, 14 декабря, подтвердило, что в Харрогит-Гидро, но журналистская братия не была в этом уверена. Полиция, не в пример прошлому, держала язык за зубами и отказалась объяснять причину, по которой репортерам все еще не сообщили о том, что произошло и почему полицейские все еще не вступили в контакт с этой женщиной. А происходило что-то непонятное, и пресса быстро учуяла напряженность.

Не дожидаясь сообщений полиции, лондонская «Ивнинг стандард» решила сама дернуть за свисток. Она обеспечила себе возможность первой на Флит-стрит опубликовать сенсационную новость недели, собрав точную информацию о предполагаемых местах нахождения Агаты и опубликовав их в своем выпуске, вышедшим из типографии в 2.30 дня, когда уже стало известно,

что некая женщина находится в неназванном отеле в Харрогите и дожидается опознания полковником Кристи, который примерно через четыре часа приедет на поезде.

13
Официальный протокол

Вскоре после 7.30 вечера во вторник, 14 декабря, с Арчи было снято подозрение в убийстве своей жены, после того как он формально опознал ее в йоркширском отеле «Харрогит-Гидро». Офицером полиции Уэси-Ридинга, ответственным за организацию процедуры опознания, был назначен суперинтендант Гилберт Макдауалл из полицейского участка в Кларо. Принятый им план предусматривал деликатное обращение с участниками процедуры, поскольку этот курортный город целиком зависел от привлечения высокопоставленных и богатых визитеров, пребывание которых в здешних краях часто требовало величайшей осторожности и осмотрительности.

Кроме слежки за женщиной, в которой подозревали писательницу, порученной сержанту Болдуину из полицейского участка в Кларо и суперинтенденту Хеллеуэллу из харрогитской полиции, было решено не предпринимать никаких действий до тех пор, пока не прибудет супруг. Начальство подготовилось к намеченному действу заблаговременно; если провести процедуру плохо, то в результате может ждать фиаско на фоне конфузного положения, в противном же случае — счастливое разрешение затянувшейся таинственной истории, буквально гипнотизировавшей всю нацию в течение одиннадцати дней.

Больше всего организаторов процедуры озадачило и заинтриговало следующее (раз подозрение сменилось уверенностью в том, что идентификация установит подлинную личность таинственной дамы): как эта женщина, о которой в стране говорили больше, чем о ком-либо, могла так долго оставаться неузнанной, проживая в одном из самых лучших отелей в самом престижном курортном городе Англии? Ведь Агата не только ежедневно читала газеты, но и в открытую общалась с другими постояльцами и обслуживающим персоналом. Почему столько времени никто не обращал внимания на сходство фотографий, покрывавших первые полосы газет, и этой дамы?

В условиях жесткой классовой структуры британского общества того времени успешность и процветание Харрогита как курортного города зависели от гарантированного комфорта, безупречного обслуживания и полной свободы приезжающих сюда богатых и влиятельных гостей. Для местных жителей считалось неслыханным делом подойти на людях к известной персоне с

просьбой дать автограф или сфотографироваться вместе на память. Статус Харрогиту как наиболее выдающемуся водолечебному европейскому центру создали восемьдесят семь типов минеральной воды и первоклассный сервис в отелях и магазинах. Стандарты обслуживания и свободы, предоставляемые гостям, были столь высокими, что владельцы харрогитских магазинов доставляли товары по заказам постояльцев отелей, поэтому ходить в магазины было необязательно, ну разве что ради прогулки. Королева Мария, часто навещавшая свою дочь принцессу Марию и зятя виконта Ласселлса, живших неподалеку, в Голдсборо-Холле, любила побродить со своими придворными дамами по антикварным магазинам Харрогита. Этот спа-курорт был столь же популярен у иностранных знаменитостей и аристократов. Многие гости, включая членов русской царской семьи, часто жили здесь инкогнито, что является одной из причин того, почему идентификация Агаты затянулась на столь долгое время.

Другими причинами, по которым она оставалась вне контактов с живущими в отеле, можно считать правдоподобную новую идентификацию, созданную ею для себя, и ее нежелание участвовать в дискуссиях с прислугой и другими проживающими в отеле о знаменитой писательнице детективных романов. Впоследствии выяснилось, что многие из жителей Харрогита подозревали, что Агата проживала там, но ничего не могли предпринять в связи с этим. «Конечно, мы знали, что это была она, — вспоминала Мэри Топем, дочь одного из членов городского совета, — но мы все молчали». Репутация Харрогита как города абсолютной свободы была сохранена. В то время как обнаружение исчезнувшей писательницы явилось сенсацией для всей страны, в харрогитском обществе это посчитали едва заметным событием. Когда в журнале «Акриллс ньюс» был опубликован официальный ретроспективный отчет о событиях общественного характера, случившихся в истекшем году, эта история не заслужила того, чтобы быть упомянутой на его страницах.

Харрогит-спа отель, более известный, как «Харрогит-Гидро», был одним из самых больших и самых комфортабельных мест отдыха и развлечений в городе. Он размещался среди декоративных садов на площади в пять акров, где находились теннисные корты, лужайки для игры в боулинг, тренировочные площадки для гольфа и охраняемый гараж на двадцать шесть машин. Во всех номерах была холодная и горячая вода, все помещения отеля круглосуточно освещались электрическим светом, на каждом этаже к услугам гостей были бани, в здании

был установлен лифт американской модели, имелось множество помещений для проведения встреч, приемов и прочих публичных мероприятий, и все это в дополнение к широкому набору различного рода бань: турецких, с электроподогревом воды, с игольчатым душем и лекарственными ваннами, омовение в которых при желании гостя сочеталось с массажными сеансами любой частоты, вплоть до ежедневных, которые делали специально обученные врачи.

Все произошло в танцевальном зале зимнего сада, где в тот вечер играл танцевальный оркестр Гарри Кодда, который был известен в городе как «Счастливчики из Гидро». Музыканты почти шепотом рассуждали между собой о том, является ли привлекательная дама, которая часто танцует, а иногда молча сидит в стороне с газетой, отгадывая кроссворд, писательницей, разыскиваемой по всей стране. Кроме Гарри Кодда, единственного профессионального музыканта-скрипача, в составе оркестра были: Френк Браун, ударник; Рег Шофилд, пианист; Алберт Уайтли, банджист; и еще два музыканта, которые и обратились в полицию, — Боб Лиминг, саксофонист, и Боб Теппин, игравший на барабанах и банджо (он к тому же еще и щеголял с моноклем, полагая, что этим он привлекает слушателей и возбуждает интерес к себе). С оркестром постоянно выступала солистка, некая мисс Корбетт.

Арчи в сопровождении суперинтендента Макдауалла из полиции Уэст Райдинга прибыл в «Харрогит-Гидро» в 6 часов 50 минут вечера во вторник, 14 декабря. Их проводили в офис, где их ожидала взволнованная и напуганная миссис Тейлор, сообщившая Арчи, что женщина, являющаяся, по предположениям, его супругой, в настоящее время играет на бильярде. К тому времени руководство отеля и сама мисс Тейлор уже составили солидное досье на таинственную гостью, и Арчи, сгоравший от нетерпения поскорее увидеть женщину, выдававшую себя за миссис Нил, вынужден был слушать их долгие объяснения.

Полиция выяснила, что женщина, являющаяся, по предположениям, писательницей, прибыла в отель на такси почти в семь часов вечера в субботу, 4 декабря, приехав, по всей вероятности из Лондона на поезде, прибывающем в Харрогит в 6 часов 40 минут. Работники отеля и гости воспринимали ее как миссис Терезу Нил из Кейптауна, Южная Африка, впервые приехавшую в Англию. По ее словам, она провела в этой стране три недели, побывав в Торке. Обслуживающий персонал сообщил полиции, что свой основной багаж она либо оставила у друзей, либо сдала на хранение. Когда миссис Нил регистрировалась в

отеле, при ней были только сумочка и новый портфель-дипломат. Полицейское руководство Уэст Райдинга считало, что портфель-дипломат Агата оставила в машине. Так откуда тогда взялся этот новый дипломат? Мисс Корбетт, солистка, выступавшая с оркестром, сообщила полиции, что в тот вечер, когда мисс Нил поселилась в отеле, она появилась в танцевальном зале в зеленом вязаном джемпере, таком, как позже описывали газеты в сообщениях о пропавшей писательнице. Певица полагала, что дама без сопровождения должна приходить в танцевальный зал только в вечернем платье, однако вновь прибывшая гостья станцевала чарльстон, когда оркестр заиграл «Да, у нас нет бананов»[55].

Полиция узнала, что в понедельник, 6 декабря, миссис Нил была в библиотеке господ У. Х. Смитов на Парламент-стрит, где взяла несколько книг: семейную сагу «Пути и методы» Ноэл Форрест, роман о жизни современной американской семьи «Вечный холостяк» Энн Периш, томик романтических стихов «Летящие листья» Чарльза Кеверли, краткую историю, включающую в себя четырнадцать тайн, «Двойной аккорд большим пальцем» Френсиса Г. Гриерсона, детектив «Поезд-призрак» Дагласа Тиминса и приключенческий триллер Патрика Уинтона «Третий посланец». Мисс Кауи, библиотекарь, впоследствии вспоминала: «Она ничем не отличалась от обычного посетителя, но по отобранным ею книгам я поняла, что у нее склонность к чувственным произведениям и детективам. Она без колебаний подписала согласие с условиями пользования библиотекой, формуляр и бланк регистрации, после чего быстро отобрала нужные ей книги».

Миссис Нил доверительно сообщила солистке танцевального оркестра, мисс Корбетт, о желании разместить рекламу в «Таймс», а полиция подтвердила, что действительно объявление миссис Нил появилось в газете 11 декабря. «Друзей и родственников Терезы Нил, скончавшейся в Южной Африке, прошу связаться со мной. Пишите на адрес: Box K 702, The Times, E. C. 4». Плата за размещение этого объявления в газете составила пятнадцать шиллингов и поначалу внушила полиции, что миссис Нил, возможно, и является той, за кого себя выдает.

Полиции стало также известно, что в воскресенье, 12 февраля, в день Великой охоты, миссис Нил попросила мисс Корбетт достать для нее вчерашние газеты, поскольку она волнуется, напечатали ли в них ее объявление. В течение прошедшей недели, когда миссис Нил заметила, что люди из отеля уезжают (за то время, что она жила в нем, число проживающих уменьшилось до пятидесяти, потому что

приближалось Рождество), она обратилась к мисс Корбетт с полушутливым вопросом типа: «Ты не покинешь меня, верно?»

Полицейские рассказали Арчи о том, что накануне, когда миссис Нил отсутствовала, они осмотрели ее комнату и нашли кучу библиотечных книг, перечисленных мисс Кауи. В комнате была найдена купленная в аптеке Торка бутылочка с наклейкой «яд» с лауданом[56], используемом при лечении неврита. Самой интересной находкой была маленькая фотография девочки на прикроватном столике, которая оказалась дочерью Агаты, Розалинд.

Горничная Рози Эшер подробно отвечала на вопросы полиции. Поскольку она практически каждое утро приносила миссис Нил завтрак, она могла предоставить допрашивавшим ее офицером следующий дневник, в котором были зафиксированы ежедневные перемещения Агаты за время ее проживания в отеле.

Суббота, 4 декабря. Прибытие вечером на такси; очень мелкий багаж.

В номере не появилось ничего, кроме расчески, новой грелки и маленькой фотографии маленького мальчика, на которой наискось было написано «Тедди».

Воскресенье, 5 декабря. Спала до 10 часов утра, завтракала в постели, а затем ушла из номера.

Понедельник, 6 декабря. Вместе с завтраком подала в постель лондонские газеты. Новые шляпа, пальто, вечерние туфли, книги и журналы, карандаш, фрукты и различные туалетные принадлежности заказаны в местном магазине и доставлены оттуда в номер.

Вторник, 7 декабря. Завтракала в обеденном зале; появилась в нем во всем блеске.

Среда, 8 декабря. Завтракала в постели, читая газету.

Четверг, 9 декабря. Очень веселая и радостная; утром, как обычно, читала газету, затем сошла вниз с романом.

Пятница, 10 декабря. Показалась мне довольно странной на минуту, может быть на две, когда я подавала ей завтрак в постель, сошла вниз рано, а затем уехала в Лидс за покупками и не возвращалась до 10 часов вечера.

Суббота, 11 декабря. Завтракала в постели и казалась взволнованной, когда читала газету.

Воскресенье, 12 декабря. Газет вместе с завтраком не приносила. Ничего необычного в поведении. Вышла к обеду в платье, очень похожем на одно из тех, в котором она изображена на газетных фотографиях. Бутылочка с наклейкой «яд» в ящике, а также бумажный пакет из лондонского магазина.

Понедельник, 13 декабря. Внизу объявились детективы; рассказала все, что знала. Интересующая их леди пришла в свою комнату и я заметила, что лицо ее покраснело, а сама она была взволнованной.

Рози Эшер, ошибочно принявшая изображенного на фотографии ребенка за мальчика, заявила, что через три дня после прибытия гостьи из одного лондонского магазина прибыл заказной почтой мелкий пакет, в котором, по словам мисс Нил, было кольцо, потерянное ею при совершении покупок в этом магазине. Она потом несколько раз надевала это кольцо с бриллиантом, но никогда не надевала обручального кольца. Салли Поттс, другая горничная с этого этажа, так и не поверила до конца в то, что эта женщина и есть пропавшая писательница, но вспоминала миссис Нил, как очень спокойную особу, «проводившую большую часть времени за чтением».

Перед тем как супруги Кристи встретились, менеджер отеля, миссис Тейлор, описала Арчи необычную сумочку и одежду миссис Нил, но супруг мог с уверенностью сказать лишь то, что его жена взяла с собой из машины только сумочку и кошелек, в котором было от пяти до десяти фунтов. Миссис Тейлор с максимальной осторожностью добыла из разговоров с другими постояльцами отеля еще кое-какую информация об этой женщине. Миссис Нил прозрачно намекнула некоторым постояльцам, в том числе и некой миссис Робсон из Харрогита, на недавно понесенную ею тяжелую утрату, смерть ребенка, и дала им понять, что вследствие этой психической травмы страдает временной потерей памяти.

Если не считать этого, то во всем остальном миссис Нил была абсолютно обычной женщиной. Она обновила свой гардероб, купив одежду в магазинах Харрогита и Лидса. Однажды вечером она появилась на публике в новой шали, с которой по ошибке не сняла этикетку с ценой в семьдесят пять фунтов, заметив которую один из постояльцев поинтересовался, оценивает ли она себя именно в эту сумму. Из всех газет она явно предпочитала «Дейли

миррор», а когда другой постоялец заметил, что она уж очень похожа на пропавшую писательницу, миссис Нил недвусмысленно и, не проявив никакого интереса к обсуждению этой темы, ответила: «Эта миссис Кристи очень слабая женщина, будь я на месте ее родных, то не стала бы горевать о подобной потере». Почти каждый день в 3.30 у нее были сеансы массажа, после которых она пила полезную для здоровья воду из серного источника, называемую «Целебная». Живя в отеле, миссис Нил вела спокойную, размеренную жизнь, при этом ни у кого не возникало мысли о ее возможных денежных затруднениях.

И полиция, и руководство отеля проявляли нервозность, поскольку, согласно имеющейся у них информации, эта таинственная особа была светской и к тому же состоятельной дамой, которая с удовольствием пошла бы на то, чтобы ее по ошибке приняли за пропавшую писательницу. Но что касалось Арчи, то два обстоятельства не оставляли у него никаких сомнений в исходе дела: запись, оставленная гостьей в регистрационном журнале отеля, была сделана рукой его жены; а когда он узнал, что на фотографии ребенка, стоящей на столике в комнате миссис Нил, имеется косая надпись «Тедди» (так супруги между собой называли свою дочь), у него не осталось никаких сомнений в том, что Агата нашлась.

Выходя из офиса миссис Тейлор, Арчи сгорал от нетерпения поскорее увидеть миссис Нил, но эта дама уже покинула бильярдную и поднялась в свою комнату. Арчи попросили пока оставаться в холле, поскольку ни суперинтендент Макдауалл, ни миссис Тейлор не разрешили ему пройти в комнату к его жене. Они были уверены, что скоро она сама, как обычно, спустится вниз к ужину.

Арчи, растянувшись в кресле, прикрылся газетой, а суперинтендент Макдауалл со своими людьми находился сбоку от главной лестницы, по которой должна была сойти вниз дама, которую они ждали. За стенами отеля в холодном вечернем воздухе роились представители прессы, страстно желая узнать, что происходит внутри.

Когда Агата наконец появилась, всем, наблюдающим за ней, стало ясно, что она страдает амнезией или психическим расстройством не больше, чем Арчи. И когда она сошла вниз, в стильном, жоржетовом[57] вечернем платье оранжево-розового цвета, ни у кого не осталось ни малейшего сомнения в том, что это именно та женщина, которую ищет вся страна.

В последний раз Арчи видел Агату в пятницу, 3 декабря, когда они ругались из-за его отказа ехать с ней в Йоркшир и признания в его намерении провести уикэнд со своей любовницей

Нэнси Нил. Учитывая жгучее озлобление, существовавшее между отвергнутой женой и дважды обманувшим ее мужем, сцена, которая должна была произойти в холле отеля «Харрогит-Гидро», обещала быть более драматической и горькой, чем все, что до этого произошло между ними.

14
Страсти улеглись в последнюю минуту

Итак, Агата нашлась, но начались реальные проблемы. Предшествующие измышления Арчи, в которых он упирал на то, что между Агатой и некоторыми членами ее семьи существовал тайный сговор, были, по сути, опровергнуты его заявлением, сделанным во время ее поисков, а именно: Агата еще раньше обсуждала возможность своего исчезновения ради того, чтобы проверить на практике воплощение сюжета новой книги. Всякая симпатия, которую могло бы пробудить их драматическое воссоединение, была уже перечеркнута сделанными в горячке замечаниями Арчи.

В напряженной до предела атмосфере женщина, снова ставшая известной писательницей, но прежде, в течение полутора недель, отзывавшаяся на имя «миссис Тереза Нил», вошла в холл отеля и взяла со стола газету с напечатанным в ней репортажем о поисках и собственной фотографией. Закрывшийся газетой Арчи подал суперинтенданту Макдауаллу условный сигнал, подтверждающий, что эта женщина его жена.

По мимолетному взгляду Агаты стало понятно, что она узнала Арчи. Она не произнесла ни слова, дабы не выдавать себя. Все обошлось без суеты и мелодрамы. У Арчи буквально гора с плеч свалилась, когда он осознал, что наконец-то нашел ее. Он еще не знал, какую роль сыграла золовка Агаты, Нэн Уоттс, в организации этого исчезновения, однако с самого начала подозревал, что Агата жива и разыгрывает его. Ответив с деланым бесстрастием на его поклон, Агата согласилась присесть возле камина, но через несколько минут ее заметил знакомый постоялец, мистер Петтлисон, виноторговец из Лондона, только что вернувшийся в отель. Агата, указав кивком головы на Арчи, спокойным голосом сообщила мистеру Петтлисону, что это ее неожиданно прибывший брат.

Арчи, сидевший напротив, смутился настолько, что буквально онемел, и только молча смотрел на огонь. Мистер Петтлисон присоединился к ним, совершенно не подозревая, какого рода объяснение он прервал своим появлением. Хотя он и читал в газете об этом таинственном исчезновении, но сейчас ему и в голову не пришло, что пара, с которой он только что говорил, и есть те самые знаменитые Кристи. Все почувствовали неловкость, и, как потом он признавал, у него мелькнула мысль: «брат с сестрой», возможно, ссорились, поскольку сидели на

большом расстоянии друг от друга. Но спустя несколько минут, когда Арчи неуклюже предложил Агате вместе пойти на ужин, она приняла его предложение спокойно и без возражений.

Агата заранее договорилась с другой дамой, проживающей в отеле, миссис Робсон, пойти этим вечером потанцевать в «Проспект-отель», и по пути на ужин она отменила свое согласие под предлогом того, что приехал ее брат. Пока писательница и ее супруг шли в обеденный зал, Агата, так чтобы слышали полицейские и наблюдатели, рассказывала Арчи о том, что произошло с дочерью миссис Робсон: «Здесь отдыхает одна леди, у ее дочери есть ребенок (в том же возрасте, что и моя дочь), и у нее были провалы в памяти. Но пойми, со мной все будет в порядке, эта леди говорит, что у ее дочери было то же самое после рождения ребенка, а потом все восстановилось».

Когда полиция, прервав разговор супругов, спросила Агату, знает ли она, кем в действительности является и что она делает в отеле «Харрогит-Гидро», Агата ответила, что, оставляя дом, она пребывала в некотором замешательстве и в состоянии потери памяти, которая только сейчас восстановилась. Агата и Арчи расположились за стоящим в углу столиком. Полицейские и отельное начальство, скептически восприняв требование Агаты, все-таки оставили их наедине, и в течение всего ужина супруги чувствовали, как на них давят эти необычные обстоятельства, в которые поставили их многочисленные домашние неприятности. Реплики, которыми они обменялись во время ужина, последовавшего за безрадостным воссоединением, были слишком унылыми, и у Арчи не осталось никаких сомнений в отношении недооцененных им обстоятельств, которые привели Агату в Харрогит. На протяжении ужина унылая, подавленная Агата не делала никаких попыток скрыть от Арчи тот факт, что она преднамеренно инсценировала свое исчезновение: ясно понимая, что ее брак безвозвратно разрушен, она хотела досадить мужу. Она рассказала, что в ночь своего исчезновения была у Нэн. Арчи был потрясен, ведь Нэн всем своим видом показывала, как расстроило ее, да и всех членов семьи, это необъяснимое исчезновение Агаты.

У Агаты не было нужды напоминать Арчи, насколько бесчисленные семейные ссоры (результатом которых были слезы, потеря сна и аппетита) расшатали ее нервную систему, практически доведя до точки срыва. Не будучи в силах примириться с потерей мужа, она нашла способ покарать его таким способом, который был известен только ей одной: задействовав интриги, тайну и месть. Она не скрывала и того, что воплощение замысла причинило ей намного больше

беспокойства, чем она ожидала, поскольку она не предвидела, что пресса, вовлеченная в эту историю, раздует ее в сенсацию.

Агата рассказала ему, что после скандала в то утро, 3 декабря, она поехала в Лондон поговорить о своих проблемах с одним человеком, который, насколько она знала, поймет ее. Родители Нэн, Джеймс-старший и Энн, умерли (он — в июне, она — в ноябре того года), и Нэн от души сопереживала Агате, потерявшей Клариссу. К тому же ее первый муж, Хьюго Полок, бросил ее без каких-либо объяснений, и она интуитивно понимала боль, которую Арчи причинял Агате.

Нэн уже переехала на Челси-Парк-Гарденс, 78, и Агата, прибывшая туда утром в пятницу, была в ужасном состоянии. Попытка примирения с Арчи закончилась ничем, отчего она чувствовала себя дважды преданной и призналась Нэн, что она в отчаянии и обдумывает, как отомстить мужу, если он не откажется от своих намерений бросить ее ради Нэнси. Агата не скрывала, что посвятила Нэн в свой план бросить машину в Ньюлендс-Корнере, ведь от этого места до Хартмор-Коттаджа всего несколько миль. Машину скоро найдут, а это испортит Арчи и Нэнси уик-энд и приведет к тому, что три или четыре дня ему придется терпеть нудные допросы в полиции, которая, как надеялась Агата, заподозрит его в убийстве собственной жены.

Нэн, находя поведение Арчи мерзким и вызывающим, согласилась оставить Агату на ночь в своем доме (если та не откажется от задуманного), к тому же второй муж Нэн, Джордж Кон, был в отъезде. Женщины решили, что Агате, когда ее найдут, следует все списать на амнезию, которая освободит ее от затруднительных объяснений.

Вернувшись в Саннингдейл, Агата пообедала, а затем, взяв с собой Розалинд и Питера, поехала в Доркинг, к матери Арчи на чаепитие. Когда они все вернулись в Стайлес, Агата, не найдя в доме никаких признаков присутствия своего мужа и поняв, что он так и не возвращался с работы домой вечером в пятницу, 3 декабря, получила подтверждение тому, что ее брак рухнул. Шарлотта, догадывавшаяся о мучительных переживаниях Агаты, но не посвященная в ее планы отомстить Арчи, позвонила своей хозяйке в конце дня из Лондона, дабы удостовериться, что с нею все в порядке. Агата с притворной веселостью успокоила ее и настоятельно напомнила Шарлотте о договоренности вернуться домой на последнем поезде. Агата не хотела, чтобы та присутствовала при ее сборах и отъезде.

Без четверти десять вечера Агата написала письмо Шарлотте с просьбой отменить ее поездку в Беверли, а потом написала письмо Арчи с упреками и обвинениями в порочной связи с

Нэнси. Покончив с письмами, Агата поехала прямо в Ньюлендс-Корнер, где, выйдя из машины, оставила ее на пологом спуске с плато с выключенным ручным тормозом и рычагом коробки скоростей в нейтральном положении. Она намеренно, для привлечения внимания к машине, не выключила фары; свое меховое манто, чемоданчик-дипломат с одеждой и водительское удостоверение оставила в салоне, чтобы у тех, кто обнаружит машину, возникло предположение о каком-то непредвиденном происшествии.

Взяв сумочку из машины и посмотрев, как она катилась по наклонному спуску и остановилась у края провала, Агата пошла на станцию Уэст-Кландон и села в поезд, идущий в Лондон. Когда она добралась до Челси-Парк-Гарденс, 78, была уже глубокая ночь. Нэн ждала ее, а известие о том, что Арчи не отступил от своих намерений провести уик-энд с Нэнси, ее не удивило. Десятилетняя дочь Нэн, Юдифь, была в пансионе, поэтому женщины провели всю ночь за разговорами, обсуждая подробности плана Агаты. Ни у одной из них не возникло ни малейшего предположения о том, что замысел Агаты заставить Арчи страдать в течение трех или четырех дней приведет в итоге к таким бедственным последствиям.

Агата не скрыла от мужа того, что утром в субботу, 4 декабря, опустила письмо своему деверю Кемблу, в котором делилась планами побывать на курорте в Йоркшире. Она намеренно послала это письмо на рабочий адрес, зная, что в этом случае оно дойдет до него немного позднее. Ее решение поехать на отдых и лечение в Харрогит было продиктовано их с Нэн уверенностью в том, что власти будут просто обязаны заглянуть туда (главным образом из-за ее письма Кемблу), к тому же Харрогит был самым известным спа-отелем в Йоркшире. Перед отъездом Агаты из Лондона, обе женщины побывали в Универмаге армии и военно-морского флота у вокзала «Виктория», где Нэн ссудила Агату деньгами для покупки кое-какой одежды, разных мелочей и небольшого чемоданчика, чтобы сложить в него все купленные для отдыха в Харрогите вещи, поскольку вся одежда вместе с портфелем-дипломатом остались в брошенной машине. Они позвонили в два или три наиболее известных отеля в Харрогите, выясняя, есть ли свободные места, и, когда им объяснили, что места есть практически во всех отелях (приближалось Рождество), они решили, что Агате следует остановиться в «Харрогит-Гидро», поскольку он, как им казалось, наиболее подходит для тех, кто страдает амнезией.

Агата рассказала Арчи, что в то утро оставила в «Харродзе»[58] свое кольцо с бриллиантом, поскольку уже давно

хотела его починить. После выполнения работы, универмаг обязался переслать ей кольцо в Харрогит, в отель «Харрогит-Гидро» на имя миссис Нил.

После совместного обеда Нэн дала Агате еще денег, а затем на вокзале «Кинг-Кросс» в 1.40 дня Агата села в поезд, прибывающий в Харрогит в 6.40 вечера. На харрогитском вокзале она взяла такси и в семь часов с минутами была поселена в номер 105 отеля «Харрогит-Гидро» под именем миссис Терезы Нил из Кейптауна, Южная Африка. Фамилию она выбрала умышленно, а имя в честь почитаемой ею святой Терезы Авильской[59].

Агата призналась, что была удивлена тем фактом, что ее письмо Кемблу не привело к немедленному обнаружению ее местонахождения, а то, как сильно пресса вцепилась в историю ее исчезновения, было для нее вообще необъяснимо. Она полагала, что эта новость сойдет с газетных страниц с такой же быстротой, с какой прошло шоковое состояние Нэн. Агата, будучи уверенной, что ее след обнаружится очень скоро, решила вести себя тихо и ничем не выдавать своего присутствия. Но розыски все тянулись и тянулись. Ни она сама, ни Нэн не могли представить себе того, что Арчи, сломленный полицейским следствием, расскажет «Дэйли мейл» о том, как Агата обсуждала с сестрой возможность своего преднамеренного исчезновения. А свое объявление в «Таймс» Агата разместила потому, что не могла придумать ничего лучшего в подтверждение наличия у нее амнезии.

Перепуганная событиями, она вела очень тихую жизнь, стараясь не выделяться из среды постояльцев отеля. Отчасти сознание того, что ее муж испытывает страдания, доставляло ей удовольствие. Она проводила время за чтением газет и книг, а также много писала, стараясь отвлечься от ситуации. Кроме этого, она вязала, проводила время в игровых залах, играя в бридж и на бильярде; пила минеральные воды в отеле, а вечера проводила в танцевальных залах, танцуя или сидя за столом над кроссвордами.

Трапеза Агаты и Арчи проходила в унылой, подавленной атмосфере, вызванной полным осознанием того, какую горькую роль каждый из них сыграл в произошедшем. Хотя Арчи старался сдерживать себя, по нему было видно, насколько сильно взбесило его участие во всем этом Нэн. Супруги ясно понимали, что их брак не подлежит реставрации. Видя гнев Арчи по поводу произошедшего и сдержанность в обращении с мучительно переживающей женой, можно было растрогаться… но только не в этом случае, ведь единственной его заботой была защита репутации любовницы, ради того чтобы жениться на ней сразу, как только пресса утратит интерес к этой истории.

В прошлом несчастья объединяли Агату и Арчи, вот и сейчас им надо было выступать единым фронтом в ближайшие шестнадцать часов. Никто из них не хотел снова изливать все подробности личной жизни на газетные полосы.

Оставив Агату в ее гостиничном номере, Арчи позвонил в Стайлес и сообщил Шарлотте, что его жена нашлась и что она страдает от амнезии. Секретарь, уже получившая сообщение от суррейской полиции, всем своим видом показала, что приняла ложь, выдуманную Агатой, за чистую монету. Она почувствовала безмерное облегчение и радость, оттого что Агата нашлась, и по просьбе Арчи договорилась с местным гаражом в Саннингдейле о перегоне на следующий день в Лондон его «Деляжа», на котором Агата и Арчи, прибыв на вокзал «Кинг-Кросс», смогут доехать до Стайлеса.

Однако этой поездке не суждено было свершиться. Хотя Арчи все это время прятал Агату от прессы, репортеры проникли в отель, в помещения общего пользования. На фоне массы нестыковок и противоречий в деле новость о том, что Агата страдает амнезией, была воспринята с нескрываемым недоверием.

Безжалостные журналисты, отлично сознающие, что Агата пустилась во все тяжкие, чтобы скрыть от них роман своего мужа с Нэнси, спрашивали себя (причем вполне обоснованно): а может быть, объяснения полковника тоже лживые? И Арчи очень быстро сообразил, что если привести в действие новую дымовую завесу, то ему самому потребуется дополнительная помощь.

15
Выступления на публике и застывшее безмолвие

Весь вечер во вторник, 14 декабря, газетчики старались изо всех сил заставить Арчи выступить с заявлением об обнаружении пропавшей Агаты. Газета «Йоркшир пост» первой объявила об обнаружении писательницы, поместив в вечернем выпуске экстренное сообщение под притягивающим взгляд и в то же время не совсем убедительным заголовком: «Агата Кристи найдена», и Арчи, прислушавшись к рекомендации суперинтендента полиции Уэст Райдинга, Макдауалла, скрепя сердце согласился на беседу с репортером этой газеты Арчи Кеньоном. На интервью он не согласился, а выступил с тщательно выверенным заявлением, которое Кеньон передал своим коллегам для печати:

«В отношении ее идентификации все совершенно ясно. Это моя жена. Она страдает полной потерей памяти и персональной идентичности. Она не знает, кто она такая. Она не знает, кто я, и не знает, как оказалась в Харрогите. Я рассчитываю завтра утром увести ее в Лондон, показать врачу и специалисту, и надеюсь, что отдых и покой восстановят ее психическое состояние. Я очень благодарен полиции за проявленные неутомимые усилия в этом деле и за квалифицированное расследование, в результате которого моя жена была найдена».

Репортерам было хорошо известно, что о своих намерениях побывать на спа-курорте в Йоркшире Агата сообщила Кемблу в письме, отправленном из Лондона сразу после своего исчезновения, а поскольку именно так она и поступила, то пресса считала ее пребывание здесь заранее спланированным. Не слишком разумно со стороны Арчи было откровенничать с Арчи Кеньоном о том, что в целом он высоко ценит прессу за то внимание, которое она уделяла исчезновению его супруги, однако, по его мнению, некоторые газеты сделали из этого события пошлый рекламный трюк. Журналисты все еще пребывали в состоянии подлинной эйфории, вызванной той публичностью, которую придали этому событию и которая привела к обнаружению пропавшей писательницы, однако бестактные слова, сказанные ее супругом, раздули их подозрения. И по мере того как они более подробно вникали в обстоятельства ее прибытия в отель и проживания в нем, число вопросов,

возникавших у них, многократно увеличивалось.

Прежде всего, как объяснить следующее: даже если писательница и страдала от амнезии, то почему она не узнавала свои фотографии, напечатанные в газетах? Или: как она могла преодолеть расстояние в две сотни миль от Ньюлендс-Корнера, чтобы поселиться в роскошном отеле? Существует более пяти вариантов английского написания фамилии Нил, так неужели полковник и впрямь надеется, что они поверят тому, что его жена, записываясь в журнал регистрации пребывающих в отель, по чистой случайности выбрала именно тот вариант написания фамилии, который носит его любовница? Почему она назвалась Терезой? Анаграмма слова «задира»[60]? Где она провела первую ночь своего исчезновения?

Почему ее машина вместе с меховым манто и другими личными вещами была преднамеренно оставлена на краю плато в Ньюлендс-Корнере и как потом она сумела добраться оттуда до Харрогита? Если принять во внимание помутнение ее сознания, о чем говорит супруг, то как она в таком состоянии приехала в Харрогит на поезде, а до этого сумела сориентироваться в Лондоне, переезжая с южного вокзала на северный и пересекая при этом весь город, ведь ей необходимо было выбрать и купить нужные билеты, сесть в определенные поезда и выйти на нужных станциях…

Имел ли какое-либо значение тот факт, что в одной из ее книг, «Тайный противник», героиня Джейн Финн симулировала амнезию, чтобы избежать опасной ситуации? Журналисты также углядели опасное совпадение в том, что Агата поместила объявление в «Таймс», потому что именно так решили поступить два персонажа ее романа.

Пресса находила странным и то, что такие имена, как миссис Агата Кристи, полковник Арчибальд Кристи, Розалинд, мисс Шарлотта Фишер, миссис Хемзли, капитан Кемблл Кристи, Стайлес, Саннингдейл и прочие, которые вместе с фотографиями полторы недели не сходили с первых полос газет, не высекли и малейшей искры в памяти Агаты за все время ее пребывания в отеле.

Более того, в декабрьском выпуске журнала «Флиннс уикли», в последнем из написанных Агатой рассказов мистера Куина, описывается вызывающая раздумья и едва ли правдоподобная история о некой страдавшей амнезией женщине, к которой через сорок лет вернулась память, после чего она свершила страшную месть в отношении той, которая разорила ее дом и все, чем она владела. Пресса сгорала от любопытства, желая узнать, какого рода игру затеяла создательница этой истории.

В интервью представителю «Пресс Ассосиэшн», мистер Тейлор, менеджер отеля (который уже перестал стесняться, ведь вопрос идентификации человека, проживающего в его отеле разрешился), назвал воссоединение жены и мужа «патетическим». «Дейли мейл», зафрахтовавшая специальный поезд для того, чтобы отвезти Агату в Лондон, предложила Арчи 500 фунтов за предоставление газете эксклюзивного отчета о ее приключениях. Специально зафрахтованный поезд был подготовлен и 14 декабря, во вторник, в 19.55, подан на харрогитский вокзал, но Арчи категорически отказался воспользоваться предложением газеты, и «Дейли мейл» пришлось солидно раскошелиться за эту невостребованную услугу.

После бесед журналистов с некоторыми из постояльцев отеля, охарактеризовавших поведение миссис Нил во время ее проживания в «Харрогит-Гидро» как абсолютно нормальное, объяснения по поводу амнезии показались прессе не внушающими доверия. Репортеры из «Дейли скетч» и «Ньюс оф уорлд» сфотографировали подпись Агаты в регистрационном журнале. Многие журналисты сами остановились в этом отеле, среди них был и редактор «Дейли мейл» по северным графствам, который намеревался воспрепятствовать любым попыткам супругов Кристи ускользнуть из отеля ночью.

Между тем печатные машины типографии журнала «Акриллс ньюс» не спешили раскручиваться на выпуск журнала, а печатали выходящий в среду, 15 декабря, еженедельник «Харрогит геральд и лист оф визиторс», в котором история драматического обнаружения Агаты была озаглавлена «Миссис Кристи нашли в Харрогите. Ее опознал супруг».

Неуверенность, сопутствовавшая официальной идентификации, явилась причиной чрезвычайной осторожности со стороны типографской компании, опасавшейся подпортить репутацию газеты и, как следствие, сократить объем продаж, если информация о предполагаемом месте нахождения Агаты не будет первоначально подтверждена полицией. Хотя работники типографии были уверены, что основная часть всей этой истории развернулась в их городе, им строго-настрого запрещалось говорить на эту тему. Даже Алберт Уайтли, игравший по вечерам в отеле в составе танцевального оркестра Гарри Кодда, не был готов сказать хоть что-нибудь до того момента, пока полиция Уэст Райдинга не подтвердила идентификацию Агаты: «Мы же не смели. Мы же не были уверены». Хотя в будущем он нарушил молчание, предавшись воспоминаниям о женщине, приключения которой увлекли и покорили всю страну:

«Я не был профессиональным музыкантом. Днем я был печатником, работал в механическом цехе типографии местной газеты. Я прибегал домой, время у меня было только на то, чтобы переодеться в шутовской наряд и домчаться до отеля к началу вечерних танцев в бальном зале. Поначалу я и не предполагал, что в этой "миссис Нил" было что-то особенное. Газеты раздували сенсации из таинственного исчезновения Агаты Кристи, и ежедневно первые полосы были заполнены ее фотографиями, но техника репродуктивной печати в то время была весьма некачественной. А потом одна из газет предложила 100 фунтов за информацию о ее местонахождении и поместила фотографию вполне нормального качества. В тот вечер, когда играл весь оркестр, саксофонист и ударник спросили меня, не кажется ли мне что дама, танцующая сейчас в зале, и есть Агата Кристи. Я согласился, сказав, что такое возможно. Руководитель оркестра не желал ничего слышать об этом, поскольку, если окажется, что мы ошиблись, он лишится работы. Надо сказать, что отель был хлебным местом. Играя там, я зарабатывал четыре шиллинга за вечер, а в то время это были очень хорошие деньги, и у меня был мотоцикл, который требовал расходов. В общем, дело кончилось тем, что два музыканта из оркестра, посоветовавшись со своими женами, пошли в полицию и сообщили, что они нашли Агату. Впоследствии они постоянно корили себя за то, что не пошли в газету и не получили обещанного вознаграждения в 100 фунтов».

Вечером во вторник, 14 декабря, работники прессы наперебой старались первыми получить интервью у любого, кто имел хоть какое-то отношение к писательнице. Пег была ошеломлена, узнав от сына об обстоятельствах обнаружения Агаты, но, быстро оправившись от первоначального шока, объявила, что в голове ее невестки все пошло наперекосяк, как это случилось с одним из героев ее книг. А Шарлотта, которая услышала новость об Агате от заместителя начальника полиции Кенуарда, сразу обзвонила всех членов семьи и друзей, до кого смогла дозвониться. Она прилагала все силы, чтобы избегать вопросов репортеров, касавшихся личной жизни ее хозяйки, постоянно подчеркивая в разговорах с ними, что Агата очень сильно переживала смерть матери, случившуюся за восемь месяцев до этого. Сэр Годфри Коллинз, который не имел ни малейшего представления о том, где находится писательница наиболее продаваемых книг, почувствовал облегчение, узнав, что она жива, и азартно потирал руки в предчувствии увеличения продаж ее нового романа «Большая четверка», который должен был вскоре выйти в свет.

В своем кратком заявлении Арчи дал ясно понять, что

намерен вместе с женой вернуться в Саннингдейл через Лондон. Позднее тем же вечером он позвонил по телефону ее сестре Мадж и Джимми. Эта супружеская пара перебралась в Эбни-Холл после смерти матери Джимми и Нэн (Энн Уоттс умерла в прошлом месяце в результате длительной болезни). После долгих обсуждений Мадж и Джимми согласились приехать в Харрогит и помочь Арчи справиться с прессой. Они несказанно обрадовались тому, что Агата нашлась, и их раздражение из-за вмешательства Нэн, о котором они узнали от Арчи, уступило место заботам о том, как защитить Агату от последствий ее безрассудных действий и доставить ее в Эбни-Холл. Супруги Уоттс были людьми слова и прибыли в Харрогит утром следующего дня.

В это время начальник полиции графства Суррей, капитан Сант, тоже вершил важные дела: он подписал приказы, запрещающие кому-либо из его подчиненных обсуждать с журналистами финансовые затраты на проведение поисковых работ в районе Ньюлендс-Корнера, а также давать какие-либо пояснения о том, почему полиция Суррея так упорно настаивала на прочесывании этой холмистой местности после того, как полиция графства Беркшир решила, что Агата, по всей вероятности, жива. Репортеры, звонившие в главное управление полиции на Вудбридж-роуд в Гилдфорде и домой заместителю начальника полиции Кенуарду (его дом стоял рядом со зданием полицейского участка), столкнулись с тем, что он был столь же неуловим, как та женщина, на безрезультатные поиски которой он потратил так много времени.

После получения информации от полиции Уэст Райдинга суперинтендант Годдард и инспектор Батлер из главного управления полиции графства Беркшир не изменили своего крайне скептического отношения к утверждениям о том, что Агата страдала амнезией. Суперинтендант Годдард выступил с заявлением для прессы, в котором разъяснил причины своей изначальной уверенности в том, что Агата жива:

«Честно говоря, мне нечем поделиться с вами, кроме своих умозаключений, основанных на известных мне фактах. Но я могу оперировать ими. Мне было известно, что, когда она вышла из дома, ее намерением было просто немного покататься, и она каталась до тех пор, пока в ее голове не созрела мысль о том, что делать дальше. Важным фактором, по моему мнению, было то, что в брошенной машине нашли ее меховое манто. Женщина, решившаяся совершить самоубийство, возражал я, не станет выходить из машины, снимать манто и удаляться на значительное расстояние. Она, если уж решилась на самоубийство, то,

вероятнее всего, расстанется с жизнью там, где остановилась.

Другим фактором в моих рассуждениях была одежда миссис Кристи. В меховом манто ей было бы комфортно разъезжать в автомобиле хоть всю ночь, но когда она решила бросить машину, то оставила в ней манто, которое было слишком тяжелым для пешей прогулки. Под это меховое манто она надела теплую одежду, в которой женщины обычно выходят на загородные прогулки.

Из этих факторов можно заключить, что она, выйдя из машины, села в поезд, имея в голове четко выбранный маршрут. Поэтому я и занялся постерами, которыми снабдили все полицейские участки. Я никогда не верил в версию самоубийства. Я никогда не верил в то, что миссис Кристи стала жертвой преступления. Я очень рад, что ее нашли и что розыск наконец-то прекращен. Это время было волнующим для всех».

Единственное, что не пришло в голову суперинтенденту Годдарду, было то, что Агата еще до того, как вышла в тот вечер из дома, уже имела четкий план действий. На день своего исчезновения она уже знала, сколько времени ей потребуется на поездку из Саннингдейла до Ньюлендс-Корнера, поскольку вычислила его при поездке на чаепитие к свекрови в Доркинг и обратно. Тем не менее его довольно резкие, но существенные замечания были преданы широкой огласке в «Дейли мейл», «Дейли ньюс» и «Бьюллетен энд скотс пикториел». Письмо, написанное Агатой секретарю, изъятое беркширской полицией во время розыска, вернули Шарлотте. Одним из полицейских, который невольно приблизился слишком близко к пониманию правды, был Том Робертс, 21-летний стажер. В своей биографии «Друзья и злодеи», вышедшей в 1987 году, Робертс вспоминал: «Казалось, что миссис Кристи намеренно выбрала это место, поскольку могла оставить здесь машину и после этого исчезнуть, дойдя пешком до станции Уэст-Кландон на железнодорожной линии, соединяющей Гилдфорд с лондонским вокзалом Ватерлоо».

В среду, 15 декабря, у утренних газет случилось что-то вроде праздника — они могли объявить, что писательница нашлась. Уолтер Дью, бывший главный инспектор, в газете «Дейли экспресс» без обиняков подверг сомнению данные Арчи объяснения произошедшего: «Вполне вероятно, что, когда миссис Кристи исчезла, невообразимое внимание, которое СМИ стали уделять этому событию, намного превзошло все то, чего она ожидала. Ну, а если это так, то нам немного легче понять, почему она столько времени не подавала о себе никаких сигналов».

Арчи снял для себя номер рядом с номером Агаты, и каждый, завтракая в одиночку в своем номере, готовился к суровым испытаниям, которые готовили им пресса и общество. Агата с радостью согласилась поехать в Эбни-Холл отчасти потому, что в Стайлесе ее ожидало множество грустных напоминаний. Арчи был донельзя разозлен неутихающей реакцией общества, а Агата пребывала в таком смущении и тревоге, что всем своим видом демонстрировала какое-то почти неестественное спокойствие. Прибывшие в отель Мадж и Джимми выполняли роль промежуточного буфера между супругами, поскольку Агата и Арчи не разговаривали друг с другом.

За несколько минут до их отъезда ряженные под них мужчина и женщина на глазах у всех вышли из парадного входа отеля «Харрогит-Гидро» и быстро сели в «аудиллетт». Репортеры в бешенстве, расталкивая друг друга, прилипли к крыльям автомобиля, снимая пару, покидающую отель, — они верили, что снимают на пленку писательницу и ее мужа. Агата и Арчи спустились по главной лестнице отеля в 9 часов 15 минут утра, готовые отправиться в поездку, которой предстояло изучаться с величайшей тщательностью на всем протяжении их жизней.

«Дейли мейл» заблаговременно поставила одинокого фотографа возле входа в отель. Когда Арчи с Агатой шли по коридору к выходу, за ними наблюдала миссис Тейлор, менеджер отеля. Представление, которое они разыграли для публики, было, что называется, в ее честь. Когда Агата спросила Арчи, почему они выходят через парадный вход, он успокоил ее, заверив, что она может не тревожиться, поскольку потеряла память и все будет в полном порядке. На ней были новый бледно-розовый костюм-двойка с двойным воротничком, черная в бледно-розовую полоску шляпа-колокол, крученое, на двух нитках жемчужное ожерелье, пальто, отороченное мехом по вороту, подолу и манжетам, черные перчатки, чулки цвета шампанского и элегантные черные туфли. Этот стильный ансамбль едва ли усилил в глазах общества восприятие имиджа Агаты, считавшейся человеком, потерявшим память и пребывающем в состоянии помешательства, но писательница была полна решимости довести до понимания Арчи, кого он теряет, кого бросает ради Нэнси.

Когда Агата вышла из дверей, фотограф «Дейли мейл» словчился сделать единственную фотографию ее расставания с отелем «Харрогит-Гидро», сумев ухватить в профиль загадочное выражение ее лица. Мальчик-швейцар держал открытой дверцу ожидающего такси, и, когда Агата услышала щелчок затвора камеры, она метнулась в салон машины. Супруги Кристи и Уоттс ехали на вокзал, преследуемые безжалостными газетчиками.

Сведения об их предстоящем отъезде, просочившись из администрации отеля, вызвали настоящее столпотворение. Служащие железной дороги, силясь удержать растущую толпу и не дать ей заполнить перрон, вывесили над автоматом, продающим перронные билеты стоимостью в один пенни объявление: «Не работает», но наиболее предприимчивые служители прессы и просто любопытные граждане покупали билеты до ближайшей станции и таким образом проникали на платформу в попытке хоть краем глаза увидеть отъезд семейства Кристи.

По предварительной договоренности с железнодорожным начальством обе пары вошли в вокзал не через обычные входы для публики. Их провели через грузовые ворота и со стороны Ист-Перейд вывели на платформу, откуда отправлялись поезда на Лондон. Как только поезд Глазго — Лондон, окутанный клубами пара, вошел в вокзал, они, идя вдоль платформы, дошли до отдельного купе, зарезервированного для «компании мистера Паркера». Мистер Паркер — так звали начальника вокзала, и эта табличка информировала любопытных о том, что компания поедет до вокзала «Кинг-Кросс» в Лондоне. На платформе было так многолюдно, что некоторые журналисты с трудом узнавали Агату, к тому же никто до этого ее не видел. В отчаянных попытках попасть в поезд многие репортеры, попавшие в вокзал через передний вход, бежали через пути к дальней платформе. Фотограф газеты «Дейли мейл» Эдвард Дин победно хвастался, что щелкнул ее. Сестры притаились в глубине купе, а Арчи и Джимми еще некоторое время стояли на страже рядом с вагоном до тех пор, пока не прозвучал сигнал к отходу.

Как только поезд отошел от Харрогита, Агата, доведенная толпой репортеров и фотографов до состояния шока, залилась слезами. Но к ее величайшему удивлению, еще большие волнения и беспокойства ожидали ее на вокзале Лидса. Но потом она все-таки пришла в себя. Чтобы избежать повторения подобного на дальнейшем пути в Лондон, они несколько раз пересаживались из одного поезда в другой, чем сбивали с толку репортеров. Когда Агата выходила из поезда в Лондоне, она, к своему несчастью, столкнулась лицом к лицу с поджидавшим ее фотографом «Дейли кроникл». Снятая им фотография, которая без сомнений была самой пикантной и в то же время самой трогательной из всех ее фотографий, сделанных в то время, показывает нерешительную походку Агаты и ее лицо, словно скрытое под маской отчаяния и смятения, вызванных гнетущей ситуацией. Согнутой в локте рукой она прижимает к себе сумочку, в другой руке — два детективных романа, взятых в харрогитской библиотеке, которые

она впоследствии вернет по почте.

Но в таком состоянии Агата пробыла недолго. Подняв голову и не обращая никакого внимания на любопытствующих зевак, она шла сквозь строй наведенных на нее камер репортеров «Вестминстер газетт», «Дейли ньюс», «Дейли мейл», «Лидс меркьюри» и «Дейли скетч». Мадж была потрясена таким беззастенчивым вторжением фотографов в личную жизнь. Агата, как могла, прятала от них лицо, надвинув почти на глаза шляпу-колокол и подняв меховой воротник пальто. В руках у нее были известный всем новый портфель-дипломат и шаль, купленная в Харрогите. Остальной багаж Агаты с недавно приобретенными вещами несли идущие позади Арчи и Джимми. Желая как можно скорее отделаться от назойливой прессы, она быстро пошла вперед, увлекая за собой своих спутников, и тем самым выдала свое знание вокзала, потому что без всяких подсказок, она не колеблясь повернула к платформе, от которой отходили поезда на Манчестер. Агате часто доводилось бывать на этом вокзале, ведь именно отсюда она ездила в Эбни-Холл, а пресса тут же отметила, что ее способность ориентироваться в окружающей обстановке никоим образом не выдает в ней человека, не помнящего своего прошлого.

К тому времени, когда ее спутники поравнялись с ней, Агата поняла, что они не горят желанием отделаться от прессы, и покорно смирилась с этим фактом. Когда сестрица, лицо которой полыхало от злобы, выговаривала ей по поводу ее болезненной реакции на зевак, Агата, к немалому удивлению свидетелей, ответила ей какой-то шуткой, со смехом похлопав по плечу. Сжав губы, Мадж и Джимми не спускали глаз с Агаты, боясь, что она замечтается и ее куда-нибудь занесет, а Арчи, взбешенный назойливым вниманием прессы и публики, никак не мог прийти в себя.

Многих репортеров удивило беззлобное подшучивание Агаты над Мадж. После того как Агата и ее родня заняли свое купе в поезде, Арчи за несколько минут до его отхода, решительно растолкав толпу репортеров и фотографов, бросился к окошку телеграфа, чтобы телеграммой сообщить Шарлотте об их планах. До этого он не решался сообщить ей, куда они направлялись, тщетно пытаясь скрыть маршрут их поездки.

Планы перепутались и частично рухнули не только у супругов Кристи и Уоттсов. Лондонская «Ивнинг стандард», ставшая обладателем серии фотографий Агаты, покидающей Харрогит, обскакала всех конкурентов. Фотографии были без промедления доставлены в Шербурн, где был ближайший к Харрогиту аэродром. На него должен был прилететь специально

зафрахтованный самолет и забрать негативы, которые ждали в Лондоне для дневного выпуска «Ивнинг стандард», поступающего в продажу в 2 часа 30 минут. Но из-за густого тумана летчик был вынужден посадить самолет в пятидесяти километрах от намеченной точки, на аэродроме в Бро[61], и тщательно продуманный план редакции «Ивнинг стандард» провалился.

Как только журналистам, преследующим Агату, стала известна конечная точка ее маршрута, они связались по телефону с коллегами, и те были готовы встретить поезд, прибывающий на манчестерский вокзал «Виктория». По прибытии туда обе супружеские пары оказались в еще более густой толпе служителей прессы. Когда они подошли к барьеру, за которым был выход с платформы, какой-то досужий зевака, требующий, чтобы ему объяснили причину такого скопления людей, попытался преградить дорогу Агате, но Арчи рванулся вперед. Он стал перед мужчиной и решительно заявил, что его жена тяжело больна и к ней нельзя обращаться ни с какими вопросами. Молча обойдя злополучного зеваку, Агата и сестра с мужем, спешно прошли вперед.

Самыми неприятными для Агаты фотографиями, снятыми в этот день, были те, что напечатали лондонские «Ивнигг ньюс» и «Дейли миррор». На фотографии, напечатанной в «Ивнинг ньюс» на лице Агаты была такая широкая улыбка, что при взгляде на нее, каждому было ясно, что она смеялась. На фото в «Дейли миррор» она, широко улыбаясь, выходила из манчестерского вокзала, готовясь сесть в ожидавший их сестринский «вулзли»[62] с водителем.

На самом деле Агата воспринимала эту поездку, как непрерывный ряд унизительных и оскорбительных событий, и единственным утешением для нее были воспоминания о том, в каком смятении и замешательстве пребывал Арчи, преследуемый прессой, — это был единственный случай в процессе распада их брака, когда его страдания были такими же горькими, как и ее.

Путешествие для Агаты и ее спутников заканчивалось десятимильной поездкой до Эбни-Холла. Но безумное преследование продолжалось — репортеры и фотографы захватили все свободные таксомоторы.

А тем временем в Лондоне необычайный интерес к исчезновению Агаты привел к непредвиденным ситуациям на вокзале «Кинг-Кросс». Огромная толпа окружила платформу № 1; каждый надеялся хоть краем глаза увидеть женщину, о которой говорят больше, чем о ком-либо в этой стране. Агата должна была приехать на поезде, прибывающем 1 час 55 минут. Газетные киоски были пусты — все газеты давно распроданы. Для

усмирения толпы вызвали полицию, фотографы, не теряя времени, расположились на мосту над платформой, уперев руки с камерами в перила, и даже на крышах машин такси. Некоторые зрители принесли с собой театральные бинокли. Из толпы донесся рев разочарования, когда стало ясно, что Агата этим поездом не приехала, и вскоре толпа рассеялась.

Между тем, после неудачных попыток оторваться от преследования, Агата и ее спутники достигли наконец места назначения. После того, как «вулзли» промчался через въездные ворота Эбни-Холла, садовник быстро закрыл калитку и укрепил над ней доску с надписью: «Несанкционированное проникновение карается по закону». Когда Агата почувствовала себя в безопасности и вне досягаемости чужих глаз, ее сообщники по конспирации вздохнули свободно, полагая, что все худшее позади. Но, как показали последующие события, пресса даже и не подумала о том, чтобы смириться с ситуацией.

16
Отпечатки ее каблуков

Сводки новостей ежедневных газет, вышедших в среду, 15 декабря, должны были подготовить обитателей Эбни-Холла к тому, что осада, в которую пресса взяла их дом, будет продолжаться. Прошедшей ночью многие репортеры, отказавшиеся признать свое поражение, спали в нанятых таксомоторах возле главного входа в особняк. Узнав причины неадекватного поведения Агаты, вся нация пребывала в состоянии возбуждении, а пресса обязана была докопаться до самых истоков тайны.

После того как за супругами Кристи и Уоттс захлопнулись двери, объединенный фронт, каким они были в воображении публики, распался, и стороны начали предъявлять друг другу встречные обвинения, но причиной их волнения и ажиотажа не являлась растущее возбуждение общества. Хотя все работники, занятые в особняке должны были согласно инструкции, полученной от Джимми, не спускать глаз с журналистов, проникающих буквально во все щели, Агате посоветовали не выходить из дома и не попадаться ни на глаза журналистов, ни в объективы фотографов. Да она и сама не хотела никуда выходить, а пошла в свою комнату, надеясь избежать неминуемых обвинений и контробвинений.

«Дейли мейл» прислала ей недвусмысленную телеграмму: «*Ввиду всеобщей критики по поводу вашего исчезновения настоятельно указываем на желательность вашего правдивого объяснения которого ждут тысячи граждан, многие из которых участвовали в дорогостоящих розыскных мероприятиях и которые не могут поверить в потерю памяти принимая во внимание репортажи о вашей нормальной жизни в Харрогите и присвоение себе имени реально существующей особы по фамилии Нил*».

Арчи, боясь возникновения нового скандала от имени Агаты послал в редакцию газеты телеграфный ответ: «*Жена страдает потерей памяти а возможно и сотрясением мозга. Она ничего не помнит о событиях пятницы и субботы до ее прибытия в Харрогит. Она только сегодня вспомнила свою подлинную идентификацию. Доктор назначил ей полный покой*».

Версия о сотрясении мозга показалась прессе надуманной. Сильный шум — это истинное проклятие для перенесших сотрясение мозга, а журналистам было известно о том, что вечером по прибытии в харрогитский отель Агата лихо

отплясывала чарльстон под музыку джазового септета. Репортеры, не расположенные принимать на веру заверения Арчи (о том, что странности поведения его жены объясняются амнезией и сотрясением мозга), пустили в ход невесть откуда появившиеся ложные утверждения, будто бы Агата, живя в отеле, часто играла на рояле и пела на нескольких языках.

Стало ясно, что для прекращения спекуляции прессы насчет психического состояния писательницы необходимо предпринять нечто радикальное. Мадж и Джимми убедили Агату показаться их семейному врачу. Утром в четверг, 16 декабря, Генри Уилсон выслушал ее жалобы на то, что она не может вспомнить ничего из своего прошлого. Сестра и зять подтвердили все сказанное ею врачу, и Арчи тоже сыграл свою роль, эмоционально описав, насколько сильно его жену потрясла смерть матери, случившаяся ранее в этом году. Доктор Уилсон, собственноручно подписавший свидетельство о смерти Клариссы, не усмотрел в переживаниях Агаты ничего необычного, поскольку он был в курсе ее добросердечных отношений с матерью. Все родственники наперебой убеждали его в том, что газетным публикациям о якобы «нормальном» поведении Агаты в отеле нельзя верить, наоборот, заверяли они доктора, по словам обслуживающего персонала, Агата часто появлялась на публике в состоянии депрессии и прострации.

Доктор Уилсон рекомендовал Агате полный покой для избавления от стрессового состояния и предложил пригласить второго эксперта, дабы подтвердить диагноз амнезии, на что троица конспираторов согласилась, правда, с некоторым опасением.

А за оградой особняка пресса ни за что не хотела снимать осаду с главного входа. Несколько рабочих по дому вынуждены были перелезать через стену, перед тем как приступить к работе, а булочник не мог доставлять заказы в дом. Сидней Кампион, репортер отдела ночных новостей газеты «Дейли ньюс», впоследствии вспоминал, что посоветовал Арчи уступить требованиям журналистов и согласиться дать интервью:

«Я совершенно случайно оказался замешанным в эту историю. Мне выпало быть на позднем дежурстве в редакции "Дейли ньюс", и меня в пожарном порядке и направили в Харрогит. К тому же в это время я готовился стать адвокатом, и редактор полагал, что Агате Кристи, когда ее будут осаждать журналисты, будет приятно быть рядом с таким парнем, как я. Будь на ее месте Марджери Аллингем[63], тогда моя поездка была бы более обоснованной, ведь ее главным героем был инспектор

Кампион [так!]. Я сам, полагаю, был участником самой волнующей части всей этой истории. Я имею в виду погоню за беглецами от Харрогита до Чидла, затем до Чешира, где полковник Кристи откровенно продемонстрировал справедливость утверждения о том, что старый школьный галстук — это верный путь к успеху!»

Утром в четверг, 16 декабря, Арчи в конце концов понял, что пресса решила взять их измором, и от журналистской осады Эбни-Холла пришлось откупиться. «Мы будем здесь до тех пор, пока не узнаем новости!» — был их язвительный ультиматум, и Арчи, махнув на все рукой, согласился дать интервью одному репортеру с последующим ознакомлением с ним его коллег. Он тщательно отобрал пятьдесят или шестьдесят журналистов и объявил Джону Янгу из лондонской «Ивнинг ньюс», что может дать интервью — а все потому, что этот репортер носил такой же старый школьный галстук, какой носил и сам полковник.

Арчи провел три четверти часа на террасе Эбни-Холла, пытаясь убедить журналиста в том, что Агата не может вспомнить ни три последних года, ни подробности ее нынешней жизни, в том числе и тот факт, что она жила в Саннингдейле в доме под названием «Стайлес». Джона Янга просили поверить в то, что Агата не помнит, как покидала дом и как оказалась в Харрогите. Ему было сказано, что сейчас Агата узнает Арчи и сестру, но не может вспомнить их дочь, когда ей показывают фото Розалинд. Арчи подтвердил, что Агата была обследована доктором и что специалист по нервным расстройствам должен прийти посмотреть ее во второй половине дня.

Будучи человеком, лишенным воображения, он не смог заставить опытного журналиста поверить в ложь, столь убедительно изрекаемую им, а его ответы на хитроумные вопросы Джона Янга были неубедительными и звучали скорее как оправдания. Снова и снова Арчи повторял, что это была ужасная трагедия и что они все желают только одного — чтобы их оставили наконец в покое.

Однако медицинские эксперты, к которым обратилась «Ивнинг ньюс», разбирая случай Агаты, особо подчеркивали, что потеря памяти — тяжелое расстройство и что у больной не было амнезии, раз она могла спокойно беседовать и танцевать с незнакомыми людьми, покупать одежду и постоянно во время пребывания в Харрогите следить за тем, чтобы ненароком себя не выдать. Джон Янг покинул особняк с убеждением, что писательница никогда не теряла память. Он рассказал коллегам то, что услышал от Арчи, и выразил сомнения в правдивости

сказанного полковником.

Домыслам прессы, казалось, не будет конца. Неспособность Арчи объяснить причины, по которым Агата использовала фамилию Нил, побудила репортеров предпринять атаку на семью Нилов. Отец Нэнси, Чарлз, выступил с заявлением, в котором отрицал существование каких-либо отношений между его дочерью и Арчи. Репортерам предлагалось принять на веру то, что пребывание Нэнси и полковника Кристи в доме Джеймсов в ту ночь, когда исчезла Агата, является простым совпадением. К этому отец Нэнси добавил весьма бестактное замечание о том, что это, возможно, была вовсе не его дочь, а какая-то совсем другая особа. Но на самом деле Чарлз и Мейбл Нил были потрясены романом их дочери с Арчи, нарушившим супружескую верность, и были решительно настроены на то, чтобы положить этому конец ради спасения хотя бы остатков добропорядочной репутации своей семьи.

Сэму Джеймсу, оказавшему Арчи гостеприимство в ночь исчезновения Агаты, тоже пришлось по полной вкусить горечь общения с прессой. Сэм со всей решительностью отстаивал свою версию, заявляя, что Арчи и Нэнси не были прежде знакомы друг с другом. Когда он узнал, что Агата собирается на уик-энд в Беверли, в Йоркшир, то пригласил на это время Арчи, даже не подозревая о том, что его жена, Мадж, пригласит Нэнси. Появившиеся в газетах разоблачительные публикации о том, что Нэнси знала Агату и гостила у семейства Кристи в Стайлесе, оказались более чем некстати.

В четверг Агату осмотрел прибывший из Манчестера Доналд Кор, специалист по нервным расстройствам, и консультация, которую до этого проводил доктор Уилсон, оказалась для нее полезной генеральной репетицией. Агата повторила свою версию о том, что не может вспомнить ничего, и оба доктора с готовностью откликнулись на просьбу семьи, подписав краткое заключение, фиксирующее это состояние. Но по существу этот документ не подтверждал доводов Арчи о том, что Агата страдала от сотрясения мозга.

Знай доктора реальное положение дел, они не поддержали бы с такой готовностью семейную версию об амнезии. В тот день восемнадцатилетняя племянница Нэн, Эленор Уоттс (позднее ставшая леди Камбелл-Орд), зашла на чаепитие и была просто озадачена, застав Агату за чтением одного из своих рассказов Джеку, двадцатидвухлетнему сыну Мадж. Между Агатой и ее племянником всегда были дружеские отношения, но эта в общем-то обычная сцена не оставляла камня на камне от широко распространенных сведений об умственном расстройстве Агаты и

ее спутанном сознании.

В четверг вечером Арчи пришла в голову мысль послать одного из слуг и предъявить подписанный медицинский бюллетень журналистам, все еще кучковавшимся возле ворот Эбни-Холла. Но, подумав, он решил сделать это сам, отчасти потому, что хотел произвести впечатление человека, которому нечего прятать, а также еще и потому, что нельзя было поручиться за слугу, что он не сболтнет чего-нибудь лишнего или не будет подкуплен прессой. Арчи сопровождал доктор Уилсон, согласившийся присутствовать при предъявлении документа и понимавший, что, возможно, ему придется объясняться с прессой. Этот медицинский бюллетень гласил:

«16 декабря 1926 года. После тщательного обследования миссис Агаты Кристи, проведенного сегодня, мы пришли к выводу, что она страдает внезапной естественной потерей памяти и в будущем для поддержания себя в нормальном состоянии ей следует избегать беспокойств и волнений.

Доналд Кор, доктор медицины.

Генри Уилсон, член Королевского хирургического общества».

У Арчи не было желания пускаться в дальнейшие объяснения с обступившими их журналистами, однако прочитанное заявление вызвало множество вопросов, и его все-таки втянули в дискуссию. Отвечая на вопрос об имени, под которым его жена идентифицировала себя в Харрогите, он, несмотря на язвительные улыбки и смешки журналистов, упорно твердил, что у Агаты есть подруга по имени Нэнси Нил и что его жена совершенно случайно скомбинировала ее фамилию с именем, которое носят несколько ее родственников. Арчи настаивал на том, что у Агаты в дополнение к объявленному диагнозу наверняка еще и сотрясение мозга, а когда репортеры спросили доктора Уилсона, подтверждает ли он это, доктор, ввиду своей неготовности к данному вопросу, отказался его комментировать.

Арчи старался изо всех сил отражать четко направленные атаки прессы. Он упорно отрицал свое намерение оплатить затраты на поисковые мероприятия, предпринятые полицией графства Суррей, утверждая, что сама полиция была уверена в необходимости их проведения из опасения получить от прессы обвинение в халатности и пренебрежении своими обязанностями. Ранее в этот день он испытал истинную радость, читая в газетах явно недобросовестные отчеты, в которых единственными затратами, понесенными полицией Суррея, указывались затраты на чай и булочки констеблям для спецпоручений. Арчи, забыв о

каком-либо такте, набросился на репортеров, упрекая их в необоснованных и оскорбительных подозрениях его жены в симуляции амнезии и сотрясения мозга, категорически опровергая слухи о том, что исчезновение, инсценированное ими самими, было попросту рекламным трюком с целью увеличения продаж ее книг. Он выразил надежду на то, что шумиха скоро закончится: «…а моя жена сможет восстановить свое здоровье и быть моей спутницей в дальнейшей жизни».

Вскоре после его последнего выступления на публике показное, с трудом поддерживаемое семейное единство рухнуло, и случилось это после того, как Мадж и Джимми во всеуслышание объявили о том, что именно его недостойное поведение и явилось причиной случившегося. По мнению всех обитателей Эбни-Холла, пятничные, 17 декабря, публикации в прессе должны были послужить сигналом к окончанию этой злосчастной драмы, почти две недели доминировавшей на первых полосах газет. Арчи, дабы избежать дальнейших семейных разборок, рано утром покинул Эбни-Холл.

Если вспомнить, что в тот год в Британии пропало примерно 15 тысяч человек, то почему исчезновение Агаты стало такой сенсацией? Дело заключалось не только в том, что в ее реальной жизни (а она была автором детективов) произошло нечто подобное тому, о чем она писала. Причина, по всей вероятности, заключается в том, что это было не просто исчезновение, а постепенно раскручивающаяся драма, развязка которой отыскивалась с большим трудом и волнениями.

Медицинский бюллетень действительно появился в газетах в пятницу, 17 декабря, но вместе с ним появились и новые весьма неприятные сообщения. Хотя заметка по поводу кольца с бриллиантом, доставленного почтой писательнице в отель, не отличалась достаточной точностью, она, как и остальные сообщения, придавала событиям дополнительную окраску при их осмыслении публикой. Утром в субботу, 4 декабря, Агата оставила кольцо в лондонском универмаге «Харродз» для ремонта и попросила прислать его по почте в отель «Харрогит-Гидро» на имя миссис Терезы Нил. Универмаг в точности выполнил все инструкции, и во вторник, 7 декабря, Агата получила кольцо. То, что кольцо было послано на имя миссис Терезы Нил, журналистам было известно, но неизвестно, откуда возник ложный слух о том, что кольцо было утеряно, когда Агата делала покупки в универмаге в субботу. Как бы там ни было, читателям было ясно одно: Агата делала покупки в Уэст-Энде наутро после своего исчезновения, а если так, то у нее, без сомнения, уже был готов четкий план на будущее.

Это сообщение невольно сделало ее в глазах читателей неумной, раздувающей собственную значимость особой, которая хитро срежиссировала исчезновение, превратив его в рекламный трюк с целью увеличить объем продаж своих книг. Такому толкованию причин исчезновения писательницы в значительной мере способствовали «Ливерпул уикли пост» и «Рейнолдс иллюстрейтед ньюс», печатавшие в течение трех месяцев «Убийство Роджера Экройда» и «Убийство на поле для гольфа». Но популярность книг было последним, о чем думала Агата, планируя свое исчезновение; в то время она закопалась с «Тайной голубого поезда» и конечно же не думала о том, как стать центром внимания.

Журналисты снова занялись оценкой затрат на розыск, не стесняясь завышать их без всякого разумного предела, фигурируя при этом цифрами от 1 до 25 тысяч фунтов. Газеты публиковали письма читателей, настоятельно требующих выяснить у миссис Кристи, собирается ли она возмещать расходы, вызванные ее розыском. Один негодующий читатель в своем письме в газету предложил не печатать в дальнейшем книг под ее именем, дабы не подбивать других авторов к проведению рекламных кампаний в форме собственного исчезновения. Немало упреков получила Агата и за то, что отвлекала силы и внимание полиции от розыска тех, кто действительно пропал.

Карикатуристы тоже не сидели сложа руки, стараясь побольнее уколоть писательницу. «Некоторые люди могут исчезнуть, ну а нам что за дело? Да какие там поисковые группы!» — возглашал карикатурист «Дейли экспресс», нарисовавший сборище типов с гнусными рожами, выстроившихся в очередь за книгой «Экспресс исчезновения». «Бьюллетин энд скот пикториал» поместила карикатуру «Суперобложка для книги "Все об этом"», на которой была нарисована элегантно одетая Агата, танцующая в объятиях мрачного партнера, а под их ногами были изображены Суррейские холмы с полицейскими сыщиками, добровольными помощниками, ищейками-бладхаундами и аэропланами. Предлагаемая книга называлась «Мои танцульки», автором значилась Агата Кристи.

Тревор Аллен из «Вестминстер газетт», вспоминая, с каким энтузиазмом публика откликнулась на обещание «Дейли ньюс» заплатить вознаграждение в 100 фунтов тому, кто найдет писательницу, предложил: раз никто из известных людей не пропадает, так почему бы не призвать общество к выяснению того, кто получает деньги за исчезновение? Несколько человек были наняты «Вестминстер газетт» для выступления в роли якобы пропавшего Лобби Ладда, фотография, которого и расписание

поездок по стране были опубликованы заранее, и первый же человек, ворвавшийся в редакцию с газетой, где была его фотография и с криком: «Вы мистер Лобби Ладд, так что извольте заплатить мне 10 фунтов!», тут же получил свое вознаграждение. Те, кто упустил шанс, могли прочитать новостные сводки о розысках, многие из которых привели к тому, что очередной мистер Лобби Ладд был окружен толпой. Когда в 1931 году «Вестминстер газетт» слилась с «Дейли ньюс» и новая газета стала называться «Дейли кроникл», эта популярная традиция продолжалась еще в течение многих лет.

С пятницы, 17 декабря, ажиотаж вокруг этой истории начал постепенно стихать, однако это не означало, что самое худшее для Агаты и ее семьи уже позади, ведь их жизни были в буквальном смысле слова препарированы газетами всей страны. Теперь, оценив убытки и потери, приходилось перестраивать свои жизни, а напоминание о прошлом отнюдь не облегчало выполнение этих задач.

17
Капкан для канареек

Вскоре после отъезда Арчи из Эбни-Холла управление полиции графства Суррей предприняло беспрецедентный шаг, обратившись с предложением возместить затраты на розыскные мероприятия. Сумма, названная полицией, повергла Арчи в шок.

Постоянный объединенный комитет графства Суррей собрался в субботу, 18 декабря, то есть спустя два дня после опубликования в прессе составленного впопыхах заявления о том, что единственной статьей расходов было ежедневное подкрепление сил констеблей для спецпоручений чаем с булочкой. Собравшийся комитет оценил эти дополнительные затраты в двадцать пять фунтов.

Арчи отказался от оплаты, поскольку закон не обязывал его брать на себя эти расходы. Кроме того, в предложенном к оплате счете прямо указывалось, что полиция графства Суррей так же, как и их коллеги из графства Беркшир, скептически отнеслись к заявлением семьи о потере Агатой памяти, а это, как полагала семья, и явилось главной причиной исчезновения писательницы.

Рождество обеспечило друзьям и родственникам Агаты краткую передышку. Строптивую Нэн, приехавшую в Эбни-Холл повидаться, брат Джимми и другие родственники поначалу встретили неприветливо, хотя на тот момент их враждебность по отношению к ней смягчилась, поскольку Агата снова была с семьей. Нэн, как и ее золовка, до смерти перепугалась, когда пресса вцепилась в эту историю, но, хотя они обе не представляли себе всех грядущих последствий произошедшего, их дружба, верность и преданность друг другу остались прежними.

Неприязненные отношения в семье на время смягчились, поскольку Арчи во среду, 22 декабря, привез Розалинд в Эбни-Холл, и девочка впервые после трехнедельного перерыва повидалась с матерью. Радостная и в то же время печальная встреча с семилетней дочерью снова заставила Агату вспомнить о том, как она униженно просила Арчи сохранить их брак еще на год, надеясь убедить его в том, что, разводясь и оставляя дочь, он совершает ошибку.

Арчи был уверен, что Агата из чувства мести отказалась дать ему развод немедленно, но она думала лишь о том, как сохранить целостность семьи хотя бы на год, чтобы в будущем сказать Розалинд, что сделала все возможное для сохранения их семейного союза. В придачу ко всем несчастьям Арчи родители

Нэнси отправили дочь в десятимесячное кругосветное путешествие в надежде, что она забудет его.

После Рождества Арчи вернулся в Стайлес с намерением выставить дом на продажу, поскольку ни Агата, ни он сам не собирались снова жить в нем. Оба музыканта, обратившиеся с заявлением в полицию, получили в подарок от Арчи по серебряному портсигару (Агата об этом не знала) с выгравированными на крышках инициалами и надписью внутри: «С глубокой благодарностью. Полковник и миссис Кристи». Остальные оркестранты получили в подарок от Арчи по карандашу. Смешно, но ни один музыкантов не верил рассказам об амнезии. Боб Лиминг в частной беседе высказывал мнение, что Агата приехала в Харрогит «решить кое-какие домашние проблемы». У горничной Рози Эшер тоже были сомнения: «Казалось, она любуется собой, однако в какой-то странной манере, но уж, во всяком случае, не так, как человек, не помнящий кто он есть».

Шарлотта оставалась по-прежнему верной Агате, несмотря на скандальную известность своей работодательницы. Нэн, восхищаясь ею, называла ее «жемчужиной». Но были и другие так называемые друзья и приятели, не отличавшиеся постоянством в отношениях, и Агате пришлось разделить всех людей, которых она знала, на две категории: ОВС (Орден верных собак) и ОПК (Орден предательских крыс).

Хотя памятное исчезновение Агаты уже сошло с первых газетных полос, упоминания о нем нет-нет да появлялись в прессе в первой половине 1927 года, наводя ужас и смущение на Агату и близких ей людей. В одной газетной публикации сообщалось, как уиллесденский[64] мировой судья, отчитывая женщину, от которой сбежал муж, наставлял ее: «Вы должны сообщить нам адрес своего мужа, чтобы мы вызвали его повесткой. Вы ведь не миссис Кристи, и мы не можем бросить всю полицию на расследование вашего дела». В результате добровольных пожертвований с целью компенсации затрат на разыскные мероприятия полиция графства Суррей получила сумму, достаточную для строительства дома. Для того чтобы остановить этот поток добровольных пожертвований, полицейское начальство было вынуждено выступить с заявлением в прессе и предупредить, что все присланные им деньги будут возвращены отправителям.

Через пять недель после исчезновения, Агата с Розалинд и Шарлоттой отправились на Канарские острова. Подготовив все необходимое к поездке, трио добралось на поезде до Саутгемптона; там они провели субботнюю ночь 22 января 1927

года в отеле «Саут-Уэстерн», а на следующий день поднялись на борт лайнера «Гейриа», курсирующего на линии между Амстердамом и Соединенными Штатами.

В мемуарах Агаты (в которых, кстати, ни одним словом не упоминается об исчезновении) есть неявное указание на то, что «в феврале следующего года» она вместе со своим секретарем и дочерью отправилась на Канарские острова, где планировала закончить работу над рукописью романа «Тайна голубого поезда». Этому замечанию непосредственно предшествует короткое завуалированное высказывание, касающееся требования Арчи дать ему развод: «Я настоятельно просила подождать год, надеясь, что он переменит свое решение», — это высказывание было неправильно понято многими исследователями, решившими, что путешествие на Канары состоялось в феврале 1928 года. Это было бы очень желательно для Агаты, однако роман «Тайна голубого поезда» не мог ждать, он печатался в газете «Стар» в течение всего февраля 1928 года и, напечатанный отдельной книгой издательством «Коллинз», поступил в продажу 2 марта того же года.

Перед их отбытием из Англии, в воскресенье, случился неприятный инцидент: один из репортеров «Дейли экспресс» увидел Агату и бросился к ней с приветствиями. Она заранее приложила максимум усилий к тому, чтобы никто, кроме близких родственников и друзей, не знал о ее планах провести месяц на Канарах, и, не пожелав вступать в беседу с репортером, она поспешила вслед за дочерью и секретарем подняться на борт «Гейрии».

Спустя четыре дня после отплытия Агаты на Канары, то есть 27 января 1927 года, издательство «Коллинз» выпустило в свет «Большую четверку», опровергнув тем самым ее утверждение (упомянутое в автобиографии), что над книгой она работала весь этот год, а не предыдущий. Литературный обозреватель «Дейли ньюс», в поисках параллелей с ее недавним исчезновением, не утруждая себя долгими размышлениями, процитировал инспектора Скотленд-Ярда из этой книги: «Либо это работа апашей, и тут ничего не поделать, а если нет, то это преднамеренное исчезновение, что бывает намного чаще, — вот это я и хочу сказать». Как это ни странно, но литературный обозреватель неверно прокомментировал наиболее интригующий аспект сюжета: Эркюль Пуаро героически имитирует свою собственную смерть ради спасения человечества от глобальной опасности. Агата до конца жизни неприязненно относилась к «Большой четверке», которая служила подтверждением того факта, что, хотя персонажи ее книг поступают в соответствии с ее

желаниями, в реальной жизни они так не поступают. Этот роман напоминал ей о том несчастливом периоде, когда она по глупости пыталась отомстить предавшему ее мужу. Она всегда называла роман «дурацкой книгой».

Первую остановку Агата и ее спутницы сделали в Ла Оротава на острове Тенерифе, но, пробыв там неделю, уехали, поскольку утренние туманы и дымка в дневное время портили красоту горных пейзажей и сильно напоминали Агате Англию и события, которые она пыталась изгнать из памяти. Отель «Метрополь» в Лас-Пальмас был расположен на другом острове, Гран Канариа, который впоследствии Агата использовала в рассказе «Компаньон», описывая место, в котором проявила себя мисс Марпл. Здесь Агате и ее спутникам нравилось больше.

Агата целыми днями просиживала над «Тайной голубого поезда». Она собрала всю силу воли, чтобы закончить этот роман, к которому тоже всю жизнь испытывала антипатию. Причина, по которой она в автобиографии пренебрежительно сказала: «Она намного хуже других книг, мною написанных», заключалась в том, что ей хотелось скрыть ото всех тот, предшествующий разводу период жизни. Такое отношение к роману «Большая четверка» (его, разумеется, нельзя отнести к ее лучшим произведениям) и к более удачному «Тайна голубого поезда» объясняется попыткой дистанцироваться самой и отдалить других от болезненных аспектов ее прошлого.

В Лас-Пальмас Агата вдруг почувствовала, что ее гнетут те же самые страхи и заботы, которые ей так хотелось оставить в Англии. Она поняла, что бегство от трудностей не есть решение проблемы. Тем не менее Лас-Пальмас был идеальным местом для восстановления сил под теплым солнцем и получения телесных радостей от купания. Физически отдалившись от недавних мрачных событий, она могла с большей ясностью видеть настоящее.

Окончив «Тайну голубого поезда» (роман вышел с посвящением: «Двум достойным членам ОВС, Карлотте и Питеру», то есть Шарлотте, ее секретарю, и Питеру, ее песику), Агата со всей ясностью поняла, что надо двигаться дальше, несмотря на неуверенность в будущем. Страдающая от безнадежной любви девушка-американка задумчиво говорит: «Поезда жестокие, и они не знают усталости, вы согласны, месье Пуаро? Людей убивают, люди умирают, а они все идут и идут». Пуаро сочувственно отвечает: «Доверьтесь этому поезду, мадемуазель, ведь его ведет не кто иной, как *le bon Dieu*[65]…» Хотя Агата все еще страдала под гнетом личных проблем и это не давало ей пересмотреть свои отношения с Богом, она, казалось, искала возможность внушить

себе то, что главное — не прошлое, а будущее.

18
Вопросы в парламенте

Пока Агата находилась за границей, члены палаты общин Британского парламента инициировали обсуждение вопроса о затратах на проведение розыскных работ. Когда на заседании 10 февраля 1927 года было объявлено, что затраты Скотленд-Ярда на эти мероприятия обошлись казначейству в двенадцать фунтов десять шиллингов, Уильям Ланн, депутат парламента от Лейбористской партии, недолго думая и не скрывая раздражения, назвал это исчезновение «гнусной мистификацией». Однако на заседании палаты общин 25 февраля парламентарии были немало удивлены, когда министр внутренних дел, сделав внезапный поворот кругом, объявил, что никаких расходов не выявлено.

Тогда куда же делись эти самые 12 фунтов и 10 шиллингов? Проведя более детальные подсчеты, Скотленд-Ярд решил, что эти дополнительные расходы могут быть включены в одну из действующих на тот момент смет на «обычные полицейские действия». Что же касается других затрат на легитимные мероприятия, то они должны были включать «от шести до семи фунтов», потраченных Арчи на оплату напечатанных управлением полиции графства Беркшир постеров о разыскиваемом человеке, и 25 фунтов, потраченных управлением полиции графства Суррей. Если к этому добавить ранее заявленные 12 фунтов 10 шиллингов, то общая сумма затрат на разыскные мероприятия, проведенные тремя вышеуказанными подразделениями полиции и известные обществу, должны составить либо 44 фунта и 10 шиллингов, либо 43 фунта и 10 шиллингов. По сегодняшним меркам эта сумма кажется незначительной, но в то время это были совершенно другие деньги — средняя недельная зарплатой рядового полицейского составляла в 1926 году 3 фунта 10 шиллингов. Но поскольку парламент интересовался лишь тем, сколько средств затратил Скотленд-Ярд, то было официально объявлено, что никаких затрат не выявлено.

В конечном счете, если принять во внимание тогдашние настроения общества, дело было не в затратах — дело было в классовой принадлежности. Исчезновение Агаты последовало почти сразу за всеобщей забастовкой, и рабочий класс главным образом интересовало: можно ли ожидать столь же интенсивных действий по розыску пропавших людей из рабочих? А вывод был однозначный и категоричный: нет.

Вернувшись в Англию в конце февраля 1927 года, Агата неоднократно приезжала в Челси в поисках подходящего жилья поблизости от дома своей золовки Нэн. Она купила небольшой, перестроенный из бывшей некогда конюшни дом под номером 22 на Крессуэлл-Плейс, в нескольких улицах от дома номер 78 на Челси Парк-Гарденс. Юдифь Гарднер вспоминает, что она и ее мать Нэн были одними из первых, кому Агата показала свой новый дом с узкими лестницами и крошечной кухней. Агате очень нравилось играть с Юдифью — игры с ребенком на время отвлекали ее от всех проблем. Тем более Юдифь и Розалинд были неразлучными подругами, и это очень радовало Агату, опасавшуюся, что дочь после отъезда из Саннигдейла, в котором она выросла, будет чувствовать себя одинокой.

Юдифь вспоминает: «Агата как писатель уже пользовалась громадным успехом, но оставалась все такой же скромной и доброй. Я до мельчайших подробностей помню то счастливое время, которое я провела с ней и в детстве, и потом — для меня это всегда будет самым ценным сокровищем».

После переезда на Крессуэлл-Плейс главной заботой Агаты было найти пансион для Розалинд. Они вместе побывали в нескольких заведениях такого рода и в конце концов остановили свой выбор на «Каледония скул» в Бексхилле, графство Сассекс. Пансион и вправду оказался хорошим. Девочка хорошо училась и чувствовала себя в нем счастливой, хотя однажды в письме к матери посетовала, что после занятий по субботам другие ученицы пишут родителям одно письмо, а ей надо писать два. Агата так и не могла забыть, насколько сильно потрясло Розалинд крушение их брака с Арчи.

Следующее, чем занялась Агата, было обновление и украшение дома. В отличие от своей золовки Нэн, в доме которой царил традиционный интерьер с преобладанием красного дерева и чинца[66], Агата выбрала экзотические обои, старинные вещи, безделушки и инкрустированные перламутром objet d'art[67]. Даже дверные ручки были украшены радующими глаз композициями из цветов.

А тем временем мать Юдифи, Нэн, искала выход из трудной жизненной ситуации. В семействе Конов возникли трения в отношениях — и не по той причине, что Нэн была вынуждена рассказать своему мужу Джорджу о той ночи перед исчезновением, которую Агата провела в их доме на Чедси Парк-Гарденс. Уже некоторое время у него появилась привычка приводить к ним в дом Арчи после игры в гольф по уик-эндам. Когда Арчи появился у них в первый раз, Нэн пришла в ужас, настойчиво убеждая мужа в том, что Агата будет просто

потрясена, узнав о визитах Арчи. Джордж, со своей стороны, не понимал, почему он должен сторониться полковника, ведь во время этого исчезновения Арчи испытал адовы мучения, и Джордж был решительно настроен поддержать своего друга.

Арчи был одинок и подавлен, пока Нэнси находилась в навязанном ей родителями кругосветном путешествии, а Нэн пребывала в страхе от того, что Агате станет известно о его визитах. Она чувствовала себя так, будто предавала свою лучшую подругу, а поэтому строго-настрого запретила дочери говорить об этом с Агатой. Юдифь слушалась мать, и им, к великой радости, удавалось предотвращать встречи Агаты и Арчи в их доме и держать Агату в неведении относительно его визитов.

Агата считала, что, пережив крушение брака, она стала более выносливой и лучше подготовленной к борьбе с любыми превратностями судьбы. Но теперь она была осторожной с мужчинами, в особенности если существовала хоть малейшая возможность угодить в романтический капкан. Она считала немыслимым для себя снова довериться мужчине или позволить любовнику стать ей настолько близким, что его поступки и дела смогут причинить ей боль, хотя желание завести кратковременный роман нет-нет да приходило ей в голову.

«На грани» был одним из самых захватывающих рассказов Агаты. Когда он был опубликован в феврале 1927 года в журнале «Пирсонз мэгазин» с редакционным примечанием, сообщавшим читателям, что рассказ был написан незадолго до «недавней болезни писательницы и ее таинственного исчезновения», очень многие предполагали, что в нем изображены она сама и Нэнси. Несмотря на часто повторяющиеся просьбы разрешить вновь напечатать этот рассказ, при жизни Агаты он так больше и не публиковался. Но приходили счета, их надо было оплачивать, так что работа помогала ей отвлекаться от постоянно преследующих ее неприятностей. Майский номер журнала «Стори-Теллер» поместил «Тропинку Арлекина»; в это время треугольник Арчи — Агата — Нэнси был очень искусно замаскирован.

«Тропинка Арлекина» — это проникнутая символизмом мистическая история, позволяющая читателю заглянуть в душу Агаты. Джон Денмэн, явно списанный с Арчи, изображен респектабельным бизнесменом, умелым в работе, но вне офиса он практически лишен воображения, наводит скуку. Его жена Анна — женщина, с трудом сдерживающая эмоции по причине неверности супруга, о которой ей стало известно. Джон Денмэн признается Молли Стенуэлл, деревенской девушке, в которую он влюблен, что не может жить без нее.

После тайного наблюдения за встречей влюбленных Анна

спешит к дому леди Рошемейер, которая в тот вечер дает концерт-арлекинаду. Одна из танцовщиц нездорова, и Анна получает возможность танцевать в паре со своим прежним возлюбленным, князем Сергеем Орановым. Этот образ, по всей вероятности, списан с Реджи Луси, с которым Агата была помолвлена до того, как в ее жизни появился Арчи. Анна когда-то рассталась с князем Сергеем Орановым ради Джона Денмэна, но ее танец с прежним возлюбленным вновь разжег их страсть друг к другу. Смешно, но и у Джона Денмэна снова проснулся интерес к жене. Однако Анна понимает, что невозможно повернуть время назад. Она больше не может жить в этой невыносимой ситуации. Анна объявляет, что десять лет жила с человеком, которого любила, а теперь уходит к человеку, который все эти десять лет любил ее.

Князь Оранов с нетерпением ждет Анну на тропе Арлекина, но, как это ни трагично, прежние любовники не соединяются. В конце этой «улицы влюбленных» находится мусорная куча, возле которой стоит «дом мечтаний». Гости, собравшиеся на домашнюю вечеринку, находят тело Анны. Ее убила какая-то сверхъестественная сила, никаких объяснений смерти нет, хотя слова, произнесенные Анной в тот вечер, позволяют сделать некоторые предположения. Она сказала, что не может быть третьего пути из ее затруднительного положения, что каждый всегда стремится к одной цели: обрести идеального, вечного возлюбленного… Но звучит музыка Арлекина, покровителя влюбленных, которую человек всегда рад слушать. Анна утверждала, что идеального возлюбленного не может быть, ведь все возлюбленные смертны. И Арлекин был всего лишь мифом, его присутствие невидимо, разве только, добавляет она, имя его — Смерть. «Тропинка Арлекина» наилучшим образом выражает хронический, неизлечимый романтизм Агаты.

После отказа Реджи Луси (а он впоследствии женился) уже не было ни малейшей возможности воскресить их романтическую историю. Выходя замуж за Арчи, она шла на риск и впоследствии, разумеется, сожалела о расторгнутой помолвке с Реджи. Агата понимала, что с ним она могла бы быть счастлива, при этом сознавала и то, что никогда не любила бы его так горячо и страстно, как Арчи. Он был ее великой любовью и страстью, но их брак развалился, а то, что за этим последовало, было одной из форм эмоциональной смерти, примером которой является судьба Анны.

Серьезным творческим достижением Агаты стало создание проницательной и сообразительной мисс Марпл. Большинство исследователей литературных произведений Агаты ошибаются с

датой первого появления этой доморощенной сыщицы, считая, что читатели познакомились с ней в 1930 году, когда вышел роман «Убийство в доме викария». Фактически же ее дебют состоялся за много месяцев до этого, когда журнал «Ройял мэгезин» в декабре 1927 года приступил к последовательной печати сборника из шести рассказов.

Мисс Марпл явилась полной противоположностью молодым и импульсивным героиням, прежде доминировавшим в произведениях Агаты. Обладающая некоторыми чертами бабушки писательницы, жившей в Илинге, мисс Марпл подозревает всех и вся в самых страшных грехах, причем часто ее подозрения оказываются необъяснимо точными; она непреклонна в своем мнении, что молодым наивным девушкам нельзя верить симпатичным мужчинам. Принимая во внимание душевный разброд Агаты, понимаешь, с каким трудом она создавала этот персонаж — умную и великодушную старую даму, какой самой писательнице предстоит стать еще очень и очень не скоро.

Исчезновение писательницы и его последствия чрезвычайно благотворно сказались на росте продаж ее книг в последующие три года: «Большая четверка» разошлась общим тиражом в 8500 экземпляров (превзойдя тираж предшествующего романа на 3000 экземпляров); было распродано почти 700 экземпляров «Тайны голубого поезда», а количество проданных экземпляров «Тайны семи циферблатов» превысило 8000.

Год 1927-й был периодом душевного выздоровления Агаты, и впереди ее ждали более счастливые времена. Но признание ее высочайшего профессионализма, которое практически уже наступило, омрачили газетные сплетни, питаемые возродившимся интересом публики к ее исчезновению. Результатом этого было ее единственное заявление, что больше всего она боялась лишь одного — развода.

19
Продолжение ограбления на Рипли-роуд

Меньше всего Агата хотела разводиться, но Арчи был решительно настроен в соответствии с законом положить конец их браку. Розалинд это, конечно, не радовало, и девочка без конца выговаривала матери: «Это тебя он не любит. Тебя, а не меня». Слышать такое Агате было нелегко, и она умоляла своего, хотя и проживающего отдельно, но пока еще супруга пересмотреть свое решение ради дочери. Она обещала даже не вспоминать о его неверности, если он к ней вернется.

Любовь Арчи и Нэнси между тем не ослабевала, ее репутация была для него делом первостепенной важности, и после ее возвращения из принудительного путешествия они жили раздельно: Нэнси — в доме родителей, а Арчи — в Лондоне на Аппер-Гросвенор-стрит, 9. Влюбленная пара довольствовалась короткими тайными встречами, родители Нэнси и слышать не хотели о возобновлении их отношений, поскольку не верили, что поведение Арчи в отношении их дочери будет достойным и что он женится на ней.

А он считал Агату главным препятствием их счастью и был решительно настроен жениться на Нэнси. Агата не могла перенести того, что ее ненавидит человек, которого она любит, и в конце концов согласилась на развод. По договоренности с Арчи Агата не должна была упоминать Нэнси в качестве третьей стороны процесса, за это он обещал заботиться о Розалинд. Своим лицемерием Арчи был отвратителен Агате, но она была вынуждена согласиться с его пожеланиями. К тому же он дал понять, что в противном случае расскажет суду, что ее исчезновение было рекламным трюком, рассчитанным на публику. Он был готов к сражению, если Агата усложнит дело в суде. Возможность стать в очередной раз скандально известной повергла ее в ужас, и она согласилась принять представленные им улики, касающиеся его заявления о нарушении супружеской верности с неизвестной женщиной.

Агата в ожидании бракоразводного суда неожиданно для себя в феврале 1928 года получила консультацию юриста, благодаря тому что ее исчезновение газеты связали с происшествием, получившим название «Ограбление на Рипли-роуд». Этот инцидент произошел в Суррее в ночь на 14 января 1927 года, по окончании обеда в клубе лейбористской партии в Лондоне, на котором приглашенный лектор, хорошо известный исследователь

Фредерик Митчелл-Хедж, отзывался о современной молодежи следующим образом: «Вялые, трусливые люди, для которых главное не дух приключения, а кривляние под чарльстон». Митчелл-Хедж сделал ложное заявлении о том, что на него на Рипли-стрит якобы напали озлобленные молодые люди, которые хотели преподать ему урок и украли его портфель с монограммой «Мономаркса»[68]. Когда «Дейли экспресс» обвинила Митчелла-Хеджа в инсценированном рекламном трюке с целью создания рекламы «Мономарксу», он, не обдумав ситуацию, принялся упорно доказывать правдивость сфабрикованной им истории и даже пытался (правда, безуспешно) привлечь газету за клевету.

Слушание дела о клевете, состоявшееся в феврале 1928 года, выявило множество явных противоречий в показаниях Митчелла-Хеджа. Например, вместо немедленного обращения в ближайшее отделение полиции с заявлением о нападении Митчелл-Хедж и его спутники проехали несколько миль до полицейского участка в Гилдфорде, где сообщили о происшествии суперинтенданту Боужеру — тому самому полицейскому чиновнику, который расследовал исчезновение Агаты. Один из спутников Митчелла-Хеджа, ехавший с ним в машине, упал в обморок в полиции во время дачи показаний, а придя в себя, рассказал совершенно не то, что говорили другие «свидетели». Суд имел возможность убедиться в том, что веревка, которой, по утверждению свидетелей, бандиты связали шофера Митчелла-Хеджа, на деле оказалась шнурком. А также было установлено, что так называемые бандиты в действительности были друзьями Митчелла-Хеджа, а их шофер был братом его шофера. В пылу перепалки прокурор сравнил ограбление на Рипли-роуд с исчезновением Агаты, назвав Агату «женщиной, ловко одурачившей полицию».

Хотя процесс Митчелла-Хеджа и не был первым судебным слушанием, на котором исчезновение Агаты называлось трюком или мистификацией, новое публичное упоминание о нем сейчас, в самое трудное для нее время, было совсем некстати, ведь до развода оставалось всего два месяца. Агата понимала, что если слушание дела будет сопровождаться ожесточенными дебатами, то ее неспособность постоять за себя и защитить свою репутацию будет использована Арчи против нее. Поэтому она проинструктировала своего адвоката Стюарта Бивена выступить на процессе Митчелла-Хеджа с заявлением от ее имени, а также представить судье заключение, выданное двумя врачами. Обращение ее адвоката к судье с просьбой представить доказательства по этому вопросу было отклонено, и у Агаты не оставалось другого выбора, как только публично защищать себя,

поскольку ей объяснили, что муж может быть назначен опекуном ребенка, если суд признает это обоснованным.

Ободренная верной Нэн, Агата нарушила данное себе слово хранить пожизненное молчание относительно своего исчезновения и в среду, 15 февраля 1928 года, дала интервью «Дейли мейл», на следующий день появившееся в газете. В своих ответах, больше похожих на короткие рассказы о перемещениях, проделанных ею в ночь исчезновения, она, разумеется, ни одним словом не обмолвилась о своей подруге Нэн. Агата настаивала на том, что у нее развилась амнезия после неудавшейся попытки покончить с собой и, будучи потом в состоянии затемненного сознания, она ошибочно назвала себя Терезой Нил. Она убедила журналистов, что впала в состояние вторичной личности[69], к тому же на фоне амнезии. Ее утверждению о том, что она обращала внимание некоторых обитателей отеля «Харрогит-Гидро» на свое сходство с миссис Кристи, не поверили, посчитав его намерением обвинить других людей в том, что они столько времени не могли ее опознать. В интервью «Дейли мейл» Агата сказала, что в день своего исчезновения вышла из дома в десять часов вечера, на что «Дейли мейл» не преминула обратить внимание читателей. Газета также подвергла обсуждению тот факт, что Агата на тот момент проживала с дочерью в Челси и «снова пребывала в полном здравии».

Давая свои объяснения произошедшему, Агата не учла одного: потеря памяти и состояние вторичной личности не могут наступить одновременно. В этом все медики были едины. Изворотливое объяснение Агаты, впервые воспроизведенное полностью после семидесяти лет, прошедших с момента его появления, считается наиболее изобличительным, поскольку она непреднамеренно смешала совершенно разные психологические условия:

«Я думала, что об этом случае все уже забыли, но, судя по судебному разбирательству дела о клевете, некоторые все еще считают мое исчезновение преднамеренно спланированным. Я, разумеется, сознаю, что в то время многие рассматривали его как хитроумный прием, направленный либо на повышение собственной популярности путем дешевой мистификации, либо на то, чтобы отомстить кому-то изощренным способом.

А в действительности произошло следующее. В тот вечер я вышла из дома в состоянии сильного нервного напряжения с намерением совершить какой-либо отчаянный поступок. Я съехала на машине с гребня холма в направлении провала. Машина во что-то врезалась, от удара о рулевое колесо я

почувствовала сильную боль в груди и в голове. Я почувствовала себя ослепленной и оглушенной и поняла, что потеряла память. Сутки я скиталась словно во сне, а потом вдруг обнаружила себя в Харрогите, в образе благопристойной и абсолютно счастливой женщины, которая считала себя только что приехавшей из Южной Африки.

Мои несчастья начались со смертью матери, весной 1926 года. Это было для меня тяжелейшим ударом, вдобавок на меня обрушился целый ворох личных проблем, совершенно для меня нежелательных. Если раньше я спала хорошо, то после всего случившегося начала мучиться от бессонницы и спала ночью не больше двух часов.

Во второй половине дня своего исчезновения я поехала с дочерью в Доркинг навестить родственницу. В это время я чувствовала себя крайне подавленной. Мне просто не хотелось жить. Проезжая днем мимо Ньюлендс-Корнера, я заметила провал и уже почти решилась свернуть к нему. Но со мной в машине была дочь, и я мгновенно отказалась от этой мысли.

В тот вечер я чувствовала себя ужасно. Я чувствовала, что долго так продолжаться не может. В 10 часов я выехала из дома на машине, прихватив с собой кое-какую одежду в портфеле и сумку примерно с шестьюдесятью фунтами. Незадолго до этого я сняла со своего счета в банке некоторую сумму, поскольку у меня были планы провести зиму с дочерью в Южной Африке, и я хотела подготовиться к поездке.

Весь тот вечер я бесцельно ездила на машине. В голове постоянно колотилась смутная мысль о том, что надо разом покончить со всем. Я практически бессознательно ехала по знакомой дороге, не понимая, куда я еду. Насколько мне помнится, я направилась в Лондон и, оказавшись в городе, доехала до вокзала Юстон. Не знаю, почему я поехала именно туда. А потом, мне кажется, я приехала в Мейденхед[70], вышла из машины и стала смотреть на реку. Меня потянуло броситься в воду, но ведь я хорошо плаваю, поэтому не смогу утонуть. Я снова поехала в Лондон, а оттуда в Саннингдейл, а уже оттуда снова в Ньюлендс-Корнер.

Когда я приблизилась к тому месту на дороге, которое, по моим соображениям, было рядом с тем провалом, который я приметила днем, я, свернув с дороги, поехала по направлению к холму. Я бросила руль, и машина пошла своим ходом. Машина, внезапно заскрежетав, врезалась во что-то и тут же остановилась. Меня бросило грудью на рулевое колесо, и я ударилась головой обо что-то.

Вплоть до этого момента я была миссис Кристи. У меня

определенно было нарушено сознание, и я с трудом понимала, что делаю и куда иду. И все-таки я осознавала, что я миссис Кристи. Однако от ударов, полученных в машине, я потеряла память. В течение 24 четырех часов с момента получения травмы у меня был полный провал в памяти. Сейчас, когда я выздоровела, я смогла припомнить кое-что, произошедшее за эти 24 часа.

Помню, я оказалась на большом железнодорожном вокзале, спросила, что это за вокзал и очень удивилась, узнав, что это Ватерлоо. Странно, что железнодорожное начальство не запомнило меня, ведь я была вся в грязи, а лицо выпачкано кровью из пореза на руке. Я так и не могла понять, как это получилось. Я была уверена, что ходила по Лондону, а затем помню, как прибыла в тот самый отель в Харрогите. Оказавшись там, я все еще была в грязи и со следами дорожного происшествия. Тогда я в своем сознании стала миссис Терезой Нил из Южной Африки.

Я вполне могу понять, почему направилась именно в Харрогит. Инцидент с машиной явился причиной неврита, а я когда-то раньше обдумывала поездку в Харрогит, чтобы пройти курс лечения от этого заболевания. Во время пребывания в Харрогите я регулярно принимала лечебные процедуры. Единственно, чему я не нахожу объяснения, так это тому, что у меня при себе почти не было никаких вещей. На этот счет у меня нет объяснений. Ведь в моем портфеле не было даже зубной щетки, я и сейчас не могу объяснить, почему не взяла ее с собой.

Я, конечно, понимаю, что пострадала в аварии. У меня на груди было несколько кровоподтеков. Как миссис Нил я была абсолютно счастлива и всем довольна. Я стала, так сказать, новой женщиной, и все тревоги и заботы миссис Кристи исчезли. А когда я вернулась в прежнюю жизнь как миссис Кристи, то и многие мои тревоги и заботы также вернулись, несмотря на то что сейчас я в порядке, в веселом настроении и полностью избавилась от психических отклонений, у меня нет такого полного счастья, какое было у миссис Нил.

В Харрогите я, читая каждый день об исчезновении миссис Кристи, решила, что она умерла. Я считала, что она поступила глупо. Мое сходство с ней сильно поражало меня, о чем я говорила со многими людьми в отеле. Мне даже в голову не приходило, что я могла быть ею, поскольку в своем сознании была вполне удовлетворена тем, кем я была. Я считала себя вдовой, и знала, что сын, который у меня был, умер, потому что в сумке у меня лежала детская фотография моей малышки с надписью "Тедди". Я даже пыталась достать какую-нибудь книгу миссис Кристи, чтобы почитать.

Когда меня наконец нашли и опознали, то врачи и родственники не сразу восстановили в моем сознании воспоминания о моей жизни в качестве миссис Кристи. Эти воспоминания, спрятанные в моем подсознании, медленно возвращались в реальное сознание. Первое, что я вспомнила, были дни моего детства; я снова стала думать о родственниках и друзьях, о том, какими они были в моем детстве. Постепенно я вспоминала эпизоды о более поздних периодах моей жизни и в конце концов смогла вспомнить все, вплоть до того инцидента с машиной. Врачи даже старались заставить меня вспомнить то, что произошло в те 24 часа после аварии, послужившей причиной провала в памяти. Они сказали, что для оздоровления моего сознания в моих воспоминаниях не должно оставаться никаких провалов. Вот почему я могу сейчас одновременно вспоминать мое существование как миссис Кристи и миссис Нил».

Человек, страдающий амнезией, увидев свои фотографии в газетах, конечно же без всякого труда понял бы, кто он на самом деле. Известный лондонский психиатр, консультировавший меня при написании этой книги, подтвердил, что если бы Агата ударилась головой при аварии машины, то период потери памяти был бы вряд ли более трех или четырех дней. Тот факт, что она 4 декабря 1926 года зарегистрировалась в гостиничном журнале как миссис Нил из Кейптауна, затем в понедельник, 6 декабря, брала в библиотеке книги на то же имя, под тем же именем опубликовала рекламное объявление в «Таймс», отзывалась на это имя в течение всего пребывания в отеле, никак не согласуется с амнезией. Такие симптомы скорее свойственны человеку, пребывающему в состоянии вторичной личности либо по каким-то причинам создающему для себя другую идентификацию. От другого известного психиатра я получил следующий комментарий: «Страдающие амнезией не станут придумывать себе новых имен, поскольку они все силы тратят на то, что вспомнить свои настоящие имена».

В своем рассказе Агата приводит недостоверный факт, что она якобы видела провал, в который потом чуть не рухнула ее машина, когда она проезжала Ньюлендс-Корнер. На самом же деле выступ скалы закрывает провал, расположенный минимум в трехстах ярдов ниже по спуску с холма. К тому же если она намеренно свернула машину с дороги на большой скорости, то рычаг переключения скоростей не должен был бы находиться в нейтральном положении.

Агате повезло, что читатели ее объяснения не были специалистами в области психиатрии и не были знакомы ни с

местностью вокруг Ньюлендс-Корнера, ни с подробностями описания найденного автомобиля и места аварии, поэтому ее версия произошедшего послужила подтверждением официального объяснения, данного ее семьей и двумя докторами.

В пятницу, 20 апреля 1928 года, одетая в коричневый твидовый жакет и юбку, шляпу-колокол и накидку, отороченную куньим мехом, Агата прошла через очередное серьезное испытание, заявив суду, что хочет развестись с Арчи. Стоя за кафедрой, она с трудом вынесла многочисленные вопросы личного характера. Самым ненавистным для нее было чувствовать себя участником сговора с Арчи, адвокаты которого предоставили суду сфабрикованные в его пользу доказательства акта супружеской неверности, совершенного с неизвестной особой в отеле «Ландонс Гросвенор». Судья, лорд Мерривейл, не счел свидетельства Арчи достоверными и, приняв решение о временном разводе и передаче опеки над девятилетней Розалинд Агате, в своей заключительной речи выразил ей свои симпатии: «Когда такой достопочтенный джентльмен бывает в отеле с дамой для того лишь, чтобы освободиться от уз брака, который стал ему в тягость, мне не остается ничего другого, как дать условный развод»[71].

Агате пришлось ждать шесть месяцев до того, как условный развод окончательно вступит в силу. Продюсеры фильмов, привлеченные шумихой, поднятой в связи с ее исчезновением, вспомнили вдруг о ее детективных рассказах, и в этом году вышли первый снятый в Германии фильм «Die Abenteuer MmbH», экранная версия романа «Тайный противник», и британский фильм «Переход мистера Куинна», гротескная пародия, в основу которой положен рассказ Агаты. Следует упомянуть успешную сценическую адаптацию «Убийства Роджера Экройда», первый показ пьесы под названием «Алиби» состоялся 15 мая 1928 года в лондонском «Принс оф Уэллс театр». В репортажах о премьерных спектаклях упоминается, что, когда Агата должна была вместе со всей труппой выйти на сцену и поклониться зрителям, она спряталась в глубине своей ложи, лишив театральную публику возможности увидеть женщину, ставшую такой знаменитой.

Понятно, что в этот момент Агата пребывала в крайне нервозном состоянии, так как ожидала получения бракоразводных документов и проводила большую часть времени за написанием своего первого не детективного романа «Хлеб великанов». Он стал ее первой книгой, опубликованной под тайным псевдонимом Мэри Уэстмакотт, и содержал множество автобиографических подробностей. Детство главного героя Вернона Дейра имеет много общего с детством самой Агаты. Он

играет с теми же воображаемыми героями, что и она, и любит дом, где проходит его детство, прямо-таки фантастической любовью. Его мучают беспокойные сны, в которых ему являлся «зверь», так же как Агате являлся «человек с оружием».

Когда Вернон становится мужчиной, в нем открывается талант к музыкальным композициям. Его жене Нелл приходится испытать нужду в начальный период их брака, так как это было у Агаты и Ричи. Работа Нелл медсестрой в годы Первой мировой войны была такой же, как и у Агаты. В жизни Вернона существует и другая женщина, Джейн, любящая его без взаимности и напрягающая изо всех сил голос в надежде стать оперной певицей. Оказавшегося в плену Вернона считают погибшим. Он бежит из плена и узнает из журнальной статьи о повторном замужестве жены. В состоянии шока, вызванного этой новостью, он выходит на дорогу, и его сбивает грузовик, отчего Вернон впадает в амнезию почти на четыре года.

Многие читатели считали, что Агата наделила Вернона тем, что сама пережила в период потери памяти, но такое суждение с точки зрения медицины нельзя считать правдивым: по ходу развития этого далекого от реальности сценария он одновременно обретает вторичную личность — ему кажется, что он стал капралом Лондонского стрелкового полка Джорджем Грином, бывшим дезертиром. Агата обладала ценным качеством — она (как и 99 процентов ее читателей) воспринимала жизнь такой, какой она была, и нехватка специальных знаний в области амнезии не сильно отличала ее от собратьев по перу, имеющих раздутое самомнение и еще более скудные знания об амнезии. К тому же на неточности в области психиатрии Агате никто не указывал.

После обретения своей подлинной идентификации Вернон оказывается путешествующим на корабле, когда тот сталкивается с айсбергом. Внезапно корабль опасно накренился, и две женщины, которых он любил, заскользили по палубе в его сторону и навстречу ледовой смерти, и он протянул свою свободную руку, чтобы спасти одну из них. Вернон инстинктивно спас свою бывшую жену, поскольку знал ее дольше, чем свою любовницу. Агата по-своему культивировала в себе уверенность: если в подобной ситуации окажется Арчи, он предпочтет ее, а не Нэнси.

Несмотря на явную надуманность и мелодраматичность сюжета, «Хлеб для великанов», тем не менее, пользовался немалым успехом у читателей. Роман рассматривает различное отношение мужчины и женщины к любви, но читателя заставляет задуматься то, что любовь и счастье обходят стороной главных

героев. Финал повествования происходит в обстоятельствах, подобных тем, в которых пребывала Агата в период написания книги, то есть в 1928 году; антигерой Вернон, больше всех пострадавший от любви, принимает решение не подвергать себя риску возможного разрыва в будущем и отказывается от продолжения отношений, целиком посвящая себя искусству.

Развод Агаты был окончательно оформлен 29 октября 1928 года, 16 ноября (менее чем через три недели) в лондонской церкви Святого Георгия на Хановер-сквер состоялось скромное бракосочетание Арчи с Нэнси. Хотя их брак принес в конце концов долгожданное успокоение родителям Нэнси, они так никогда и не перестали сожалеть о том, что их дочь вышла замуж за разведенного мужчину.

Агата немедленно отреагировала на брак бывшего супруга тем, что объявила издателям о намерении печатать свои детективные романы и рассказы под другим именем. Однако сэр Годфри Коллинз отговорил ее от этого, поскольку подобное изменение попросту смутит читателей. Сама Агата была настолько повержена крушением своего брака, что больше никогда не виделась с Арчи.

Она всегда сожалела о том, что не назвала суду Нэнси в качестве третьей стороны дела об их разводе. Раз он поступил так, то Агата могла бы рассказать дочери, что у нее не было другого выбора, как только развестись с ним. Согласившись в свое время на обман, она чувствовала себя соучастницей лжи и без всяких оснований укоряла себя за то, что якобы предала дочь ради человека, которого до сих пор любит.

Хотя самые страшные горести остались позади и Агата могла начать жить по-новому, будущее из-за постоянного напоминания о прошлом отнюдь не казалось ей легким. Ей так и не суждено было забыть ни человека, которого она любила, ни скандально прославившего ее замысла отомстить ему.

Часть III
Пока вокруг светло

20
Партнеры по преступлению

После развода Агата поняла: любовь любовью, но посредственность Арчи была очевидна. Однако его страсть к Нэнси не оказалась скоротечной, и они много лет прожили в счастливом браке. Почти сразу после развода Агата ясно осознала, что Арчи навсегда останется самой большой страстью в ее жизни — «человеком из моря», ради которого она, оставив спокойный и безопасный берег, пустилась вплавь по неизвестным морям. Хотя перемены, совершенные ею в жизни, обогатили ее в творческом, культурном, социальном и финансовом аспектах, она не могла безоглядно отринуть прошлое, хотя прилагала к этому немало усилий. «Агата так никогда и не смогла забыть Арчи», — вспоминала дочь Нэн, Юдифь.

Планы отдохнуть осенью 1928 года в Вест-Индии были радикально пересмотрены буквально за два дня до предстоящего отъезда, после встречи с некой супружеской парой на одном из званых обедов. Супруги только что вернулись из Багдада и с таким упоением рассказывали о своем пребывании там, что Агата, узнав о возможности поехать туда на том самом прославленном Восточном экспрессе, отказалась от поездки в Вест-Индию и забронировала билет на Средний Восток.

У Розалинд были школьные занятия, и Агата решила ехать одна. Осторожная Шарлотта полагала не совсем благоразумным путешествовать в одиночку, но Агата всегда считала принцип «безопасность любой ценой» чем-то вроде опостылевшего догмата. Она могла чувствовать себя уверенной в жизни, когда все было знакомым и предсказуемым или когда она могла постоять за свою независимость.

Поездка началась неудачно. В поезде Агата встретила многоопытную властную даму, попытавшуюся взять ее под свое крыло. К несчастью, эта дама, тоже ехавшая в Багдад, обещала приобщить ее к общественной жизни английской диаспоры, что Агату совершенно не прельщало. Однако, к великому ее облегчению, их компания распалась, когда дама, решив продолжать путешествие на корабле, сошла в Триесте.

А Агата осталась в поезде, который шел по Югославии и Балканам. Она со страхом смотрела на горы, глубокие ущелья и почти не интересовалась ехавшими рядом пассажирами. Когда поезд въехал в Азию, казалось, что бег современной цивилизации замедлился и время уже не имеет такого значения. Поезд делал

короткие остановки, и пассажиры, высыпав из вагонов, любовались видом Килийских ворот, освещенных закатным солнцем. В своих мемуарах Агата отмечала, что была довольна поездкой, поскольку постоянное чувство «благодарности и радости» переполняло ее.

Дальше была Турция, затем Сирия. Агате досаждали, приводя в бешенство, кусачие вагонные клопы, но вскоре она забыла об этом, увлекшись осмотром Дамаска и его окрестностей с гидом компании «Томас Кук» и поездкой на базар в Бальбеке в Ливане.

А потом предстояло путешествие по пустыне до Багдада, и снова она оказалась вместе с преисполненной благими намерениями, но наводящей смертную скуку дамой, той самой, с которой они ранее расстались в Триесте. Агата спокойно перенесла двухдневное путешествие через пустыню, показавшуюся ей одновременно и обворожительной, и зловещей. Впоследствии она рассказывала, что пустыня внушала странное чувство, «будто она окружена некой оболочкой из вакуума, а не находится внутри безвоздушного пространства». Сухой колючий воздух придавал силы, Агате нравился песок, струящийся между пальцами, красота восходящего солнца и вкус простой, приготовленной на примусе пищи. Она ощущала себя в мире и с жизнью, и с собой.

Во время пребывания в Багдаде она познакомилась с мужем своей спутницы, и супруги уговорили ее пожить в их доме. Сама она предпочла бы поселиться в отеле, но оказалась не в силах перебороть их настойчивое гостеприимство. Ее втянуло в водоворот кипучей общественной жизни британской колонии в городе, но, несмотря на это, она могла любоваться пейзажами, слушать звуки и обонять запахи Багдада. Хрупкие домишки, прекрасные величественные мечети и цветущие сады приводили ее в восторг.

В конце концов ей удалось расстаться с радушными хозяевами. Самым запоминающимся эпизодом путешествия было посещение знаменитых усыпальниц в Уре, раскопки которых вел профессор Леонард Вулли с группой экспертов-археологов. Туристы, приезжающие посмотреть раскопки, служили постоянным источником проблем, так как мешали работе, но Агату встретили радушно и благожелательно. Поначалу она решила, что такой необычно теплый прием оказан ей потому, что супруге Леонарда Вулли очень понравился ее роман «Убийство Роджера Экройда».

Отношениям, которые установились между Агатой и семьей Вулли, суждено было изменить ее последующую жизнь. Леонард был спокойным, отчасти снобистски настроенным ученым,

проявлявшим постоянную заботу о своей темпераментной жене, Катерин, первый муж которой застрелился, стоя перед Великой пирамидой. Ее дружба с Агатой возникла отчасти потому, что обе женщины испытали страдания от любви, и каждая понимала ту боль, которая выпала на долю другой. Катерин любила Леонарда и требовала ответной любви, но ее пугала сама мысль о том, чтобы позволить ему или кому-то другому стать близким ей настолько, что у нее может возникнуть опасность быть отвергнутой. Из-за этого у нее возникла своего рода мания доводить мужчин до той черты, за которой их ждали отказ и унижение, если они имели в отношении нее серьезные намерения. Она послужила основой образа жертвы в романе «Убийство в Месопотамии».

Готовность Агаты стать закадычной подругой яркой и волевой Катерин способствовала укреплению их дружбы, к тому же Катерин с огромным уважением относилась к литературным достижениям Агаты.

Агата навсегда запомнила встречу в Багдаде с почти постоянно одиноким мужчиной, Морисом Викерсом, который дал ей почитать книгу Дж. У. Дана «Эксперимент со временем»[{6}]. Эта книга словно указала Агате ее место во Вселенной, и это путешествие на Средний Восток послужило началом ее осмысления времени и фиксации внимания на этой философской категории, продолжавшихся в течение всей ее жизни.

Агата вернулась в Англию, когда в Эбни-Холле вовсю шла подготовка к Рождеству, пригласив при прощании семейство Вулли, если они надумают приехать в Англию в 1929 году, остановиться в ее, перестроенном из конюшни, доме на Крессуэлл-Плейс.

После публикации в том же году «Партнеров по преступлению» Агата почувствовала возможность пролить некоторый свет на свое исчезновение, когда на экземпляре, подаренном Нэн, добавила к надписи на форзаце «Моей милой Нэн из Олд Челси от Агаты» слова благодарности за предоставленное ей убежище в ночь на 3 декабря 1926 года. Эта книга впоследствии перешла к дочери Нэн, Юдифи. Два рассказа в этом сборнике, «Чайник» и «Дело об исчезнувшей леди», а также посвящение были чем-то вроде зашифрованной шутки, понятной лишь Агате и Нэн. Рассказ «Чайник» был изначально опубликован под названием «Известность», и в нем героиня по имени Таппенс организовала намеренное исчезновение одной своей подруги, которая была помолвлена с обладателем графского титула, и ее вновь созданное детективное агентство заслужило всеобщее признание и уважение в «высших сферах» благодаря раскрытию

этой таинственной истории. Исчезновение миссис Ли Гордон в «Деле об исчезнувшей леди» вызывает у окружающих мысль о том, что она стала жертвой преступления, но вскоре пропавшая обнаруживается на одном из оздоровительных курортов, куда она отправилась для того, чтобы сбросить лишний вес.

Два эти рассказа вместе с десятью другими впервые были напечатаны в «Скетче» с сентября по декабрь 1924 года под общим названием «Томми и Таппенс: цепь приключений». Агата часто редактировала свои рассказы перед тем, как объединить их в сборник, и прежние упоминания о событиях «четырехлетней давности» в первом издании были заменены событиями «шестилетней давности» при подготовке издания «Партнеров по преступлению», вышедшего в 1929 году. Это натолкнуло многих, в том числе и Джанет Морган, официально признанного биографа Агаты, на мысль о том, что эти четырнадцать рассказов были написаны после ее исчезновения. Но это было справедливо только для рассказа «Железное алиби», напечатанного в журнале «Холи ливз мэгэзин» в декабре 1928 года, тогда как «Дочь священника» была впервые опубликована журналом «Гренд мэгезин» в 1923 году под названием «Первое желание».

В 1929 году самым явным напоминанием об исчезновении Агаты был выход в свет «Тайны Саннингдейла» в издательстве сэра Годфри Коллинза. Издательская реклама на суперобложке извещала, что автором этой книги написано также «Убийство Роджера Экройда», и любители детективов уже потирали руки в ожидании нового захватывающего чтива, вышедшего из-под пера Агаты, но, к своему великому разочарованию, обнаружили, что это всего лишь 11-я и 12-я главы «Партнеров по преступлению».

20 сентября 1929 года от кровоизлияния в мозг умер Монти, и это событие вынудило Агату пересмотреть чувства, которые она испытывала к жившему отдельно старшему брату. Его похоронили во Франции; старшая сестра Мадж плакала на похоронах. Ее терпеливый, многострадальный супруг Джимми, оплачивавший счета Монти и нанимавший ему прислуг и сиделок в течение последних лет, облегченно вздохнул, узнав о его смерти, тревожась лишь тем, как на это событие отреагирует Мадж. Дочь и зять Нэн, Юдифь и Грэм Гарднеры, вспоминают, что именно финансовая поддержка Джимми помогала Монти скрывать проблемы с наркотиками, предотвращая таким образом семейный скандал. Юдифь говорила, что в конце жизни с Монти было трудно общаться, потому что наркозависимость довела его «до состояния, в котором он ощущал себя пустым местом».

Нэн тоже опечалила смерть Монти, которого она любила, как любят непокорного ребенка-шалуна. Чувство особого родства,

которое они испытывали друг к другу, проистекало из их обоюдного сознания того, кем они являются, ведь они, каждый по-своему, были бунтарями. Видно, поэтому Нэн всю жизнь берегла колечко, которое Монти купил для нее в Южной Африке.

Теплые чувства, которые Нэн испытывала к Монти, помогли Агате подавить ее собственное неопределенное отношение к усопшему. Он никогда не играл значительной роли в ее жизни, хотя она ясно чувствовала шарм, располагающий к нему, но при этом видела и почти полное отсутствие у него какого-либо внимания к другим людям, которых он буквально доводил до отчаяния и припадков безумия. Она буквально не находила себе места от его неуемного и безрассудного употребления запрещенных наркотиков.

В своей автобиографии Агата не касается проблем, которые были у Монти с наркотиками. Свое истинное отношение к нему она выражает несколькими фразами, говоря лишь о том, что его разнообразные бизнес-планы (такие, как перевозка грузов по воде в Восточной Африке после войны) так ни к чему и не привели, поскольку он не обладал ни достаточными способностями, ни умением доводить дела до конца.

Вскоре после его смерти Агата в отеле «Тигрис» в Багдаде встретила полковника Дуайера из Британского колониального полка. Полковник хорошо знал Монти и долго рассказывал о героизме Пыхтящего Билли, как они его называли, и о том, как горячо уважали его сослуживцы. После этого разговора Агата снова пыталась пересмотреть свое отношение к брату и пришла к заключению о том, что он, вопреки своему эгоизму, большим долгам и беспечной жизни, жил так, как ему хотелось, практически не обращая внимания на то, что думают о нем другие. Он полагал, что люди примут его таким, каким он был, а потому никогда не пытался навязывать другим ни свой образ жизни, ни свои моральные принципы.

Агата в своих произведениях точнее всего описала неприукрашенный образ брата в пьесе «Неожиданный гость» (в роли Ричарда Уорвика), написанной в 1958 году. Ричард, подобно Монти, раньше занимался сафари, а впоследствии стал инвалидом, который от скуки, высунув в окно ружье, палил по подходящим к дому людям, до смерти пугая их.

А Арчи по-прежнему занимал все мысли Агаты, и вот в номере журнала «Британниа энд ив», вышедшем в октябре 1929 года, был напечатан захватывающий рассказ мистера Кина «Человек из моря», в котором Агата признавала и свою вину, и чувство неполноценности, от которого она страдала после развода. Когда главный герой, мистер Саттеруэйт, заходит в сад

заброшенной виллы на вершине скалы, то встречает там мужчину, вид и поведение которого не оставляют сомнений в его намерениях броситься вниз с утеса. Мистер Саттеруэйт останавливает его.

Этот мужчина, Энтони Косден, рассказывает о том, что он смертельно болен и накануне вечером пришел в этот сад с намерением убить себя, но присутствие постороннего незнакомца удерживает его от этого шага. Этот незнакомец, как оказывается впоследствии, является сыщиком Кином, сподвижником мистера Саттеруэйта. Кто хозяин этой виллы, Энтони Косден не знает. В разговоре он признается, что больше всего сожалеет о том, что у него никогда не было сына. Мистер Саттеруэйт не желает уходить из сада, и тогда молодой человек вынужден сам покинуть это место.

Появляется хозяйка виллы, от которой мистер Саттеруэйт узнает, что двадцать три года назад она, стоя на вершине скалы, наблюдала, как ее муж, жестокий садист, утонул в море. Их брак был заключен по страстной любви, но из-за конфликтов, вызванных несходством характеров, дела вскоре круто изменились к худшему, и она была рада избавлению от мужа. Прошел год и однажды, проведя ночь любви и страсти с незнакомцем, она забеременела. Родившийся от этой случайной связи ребенок, мальчик, оказался так похож на своего отца, что, глядя на ребенка, женщина влюбилась в его отца, того самого незнакомца. Она уверяет мистера Саттеруэйта, что сразу узнает его, если они встретятся снова.

Вдова размышляет о том, как уйти из жизни — ее сын требует сказать ему, кто его отец, поскольку ему необходимо убедить родителей своей невесты в том, что он является подходящей парой для их дочери. Вдова говорит, что если она не убьет себя, то правда о том, что ее сын незаконнорожденный, перечеркнет все его шансы обрести счастье с избранницей.

Мистер Саттеруэйт предотвращает роковой шаг вдовы и, сопоставив две выслушанных им истории, приходит к выводу, что отцом ее сына должен быть Энтони Косден. Он устраивает их встречу, и счастливо соединившаяся пара решает в тот же день соединиться узами брака. Когда их сын придет домой, они расскажут ему о том, что в прошлом имела место некая непонятная и труднообъяснимая сейчас история. Преисполненная радости вдова уверена, что уж теперь-то ее сын женится на своей избраннице, поскольку ему не надо больше скрывать свое прошлое. К тому же она полна решимости сделать все возможное для того, чтобы не дать умереть любимому человеку, Энтони Косдену.

Дальнейшее развитие событий происходит следующим образом: мистер Саттеруэйт встречает в саду своего загадочного друга мистера Кина, который заявляет, что является «адвокатом мертвых» и имеет инструкции «другой стороны», согласно которым он здесь, чтобы предотвратить самоубийство Энтони Косдена. Он рассказывает мистеру Саттеруэйту о том, что поначалу причиной его появления на вилле было безвыходное положение вдовы, но теперь его волнует судьба раскаявшегося супруга, который желает убедиться в том, что его вдова наконец-то обретет заслуженное счастье. Мистер Кин верит, что любовь может превратить человека и в дьявола, и в ангела. Вдова испытывала к своему первому супругу чувство девического обожания, но он никогда не мог пробудить в ней женщину, и это его бесило, объяснял он. Муж мучил свою жену потому, что любил ее. История заканчивается тем, что мистер Кин, перевоплотившись в мужа вдовы, идет к обрыву, чтобы снова вернуться в море, откуда он появился.

Хотя некоторые черты характера Арчи были подмечены у нескольких героев в произведениях Агаты вместе с упоминаниями об их несчастной любви, финальные фразы мистера Кина наиболее точно передают осознание ее собственной вины в крушении их брака. Она никогда не могла избавиться от чувства утраты близости с дочерью, и «Человек из моря» выражает ее убежденность в том, что ребенку нужны оба родителя, ведь только тогда он будет чувствовать себя любимым по-настоящему, а ребенок, выросший в неполной семье, обречен на то, чтобы в будущем остаться несчастливым.

Супруги Вулли пригласили Агату снова приехать к ним в Ур в 1930 году, и ее решение воспользоваться их приглашением изменило ход ее жизни и привело к тому, что она стала миссис Макс Моллоуэн, и десятилетие, прошедшее после этого, было одним из самых счастливых периодов ее жизни.

21
Золотое десятилетие

В одном из писем, написанных Агатой в 1930 году своему приятелю Алену Лейну, племяннику ее прежнего издателя, сказано, что этот год был для нее просто замечательным. Она была бесконечно счастлива, потому что в марте в Уре, на месте археологических раскопок, ее познакомили с будущим мужем.

В свой прежний приезд, когда она познакомилась с супругами Вулли, с Максом Моллоуэном Агата не встретилась — у него был аппендицит. Но когда Катерин Вулли попросила тихого и спокойного двадцатипятилетнего помощника своего мужа показать тридцатидевятилетней писательнице городские достопримечательности, это было сигналом к началу их романа.

Макс был брюнетом с тонкими, словно нарисованными карандашом усиками. Его внешнее спокойствие скорее говорило о склонности к идеализму и решительности характера. Он вырос в Англии, и его воспитанием занимались отец-австриец, тиран и агностик, и мать-француженка, одержимая страстью к сентиментальным романам и живописи. Неутихающие шторма в отношениях между родителями породили в его душе желание пребывать в мире и покое. Постоянная атмосфера травли, царившая в привилегированной частной школе, оставила глубокую отметину в его психике, и позже, в Оксфорде, он был счастлив, чувствуя товарищеское отношение к себе и гордясь тем, что его воспринимают как джентльмена.

Когда они встретились, Макс был подающим надежды ученым, а Агата унаследовала от Клариссы неутолимый аппетит к наукам, и особенно к истории, это и связало их в интеллектуальном, эстетическом и художественном смысле, чего у Агаты никогда не было с Арчи. Она все еще была очень привлекательной женщиной, а растущая слава и финансовая обеспеченность делали Агату небезынтересной особой для мужчин.

По возвращении в Англию Макс сделал Агате предложение. Неожиданно для себя она отнеслась к этому с радостью, хотя и несколько настороженно, поскольку горький опыт первого брака еще не истерся из ее памяти. Она призналась Максу, что боится снова испытать боль и разочарование. Но он не хотел ничего слушать и в конце концов убедил принять его предложение. Агата, учитывая уроки прошлого, согласилась стать его женой, но при соблюдении двух условий.

Во-первых, она потребовала, чтобы их деньги и собственность были строго разделены, что ее — то ее, а что его — то его. Если принять во внимание то, что Агата в финансовом отношении была более состоятельной, чем Макс, и учесть ее прежние ошибки в подобных делах с Арчи, смысл этого условия был более чем понятен. Во-вторых, она потребовала от него клятвенного обещания никогда не играть в гольф. Второе условие вызвало у него легкую оторопь, но он безо всяких усилий над собой согласился с ним — из всех спортивных игр ему больше всего нравился крикет.

Дочь Нэн, Юдифь, вспоминает, что Мадж, которую в семье за глаза называли «забавным хитрым дьяволом», буквально рвала и метала, узнав о решении Агаты выйти замуж, опасаясь, что Макс может причинить боль сестре, и изо всех сил старалась воспрепятствовать этому браку. А Катерин, которой ее темпераментная натура не мешала хорошо разбираться в людях, посоветовала Агате заставить Макса подождать с женитьбой два года — по ее мнению, такое скоропалительное согласие испортит его характер: он решит, что ему любое дело по силам, а ведь он еще так молод. Может быть, Агата и поступила не совсем разумно, но к их советам она не прислушалась.

Сомнения в отношении предстоящего замужества приходили в голову Агаты только тогда, когда Макса не было рядом. А когда они были вместе, вспоминает Агата, она была счастлива и чувствовала себя под его защитой. Она настоятельно просила Макса быть терпеливым в отношениях с ней, поскольку она еще не изжила в себе недоверия к жизни и к людям и ей требуется время на то, чтобы свыкнуться с мыслью о повторном замужестве.

Были и другие проблемы: Кларисса воспитывала Агату в духе англиканской церкви, в то время как Макс был приверженцем римско-католической религии. Она не имела ничего против перехода в лоно Римско-католической церкви, но, поскольку законы религии, которую исповедовал Макс, запрещали браки с разведенными, он расстался с католицизмом. А между тем особа, чье мнение было для Агаты самым важным, дала ей свое благословение: Розалинд, считавшая затею матери с повторным браком чем-то вроде гомерической шутки, тем не менее одобрила ее выбор.

Помня шумиху, поднятую в связи с ее исчезновением, Агата очень опасалась того, что пресса, прознав о ее свадебных планах, растопчет все ее мечты о счастье. В автобиографии она рассказывает, что их с Максом бракосочетание произошло в «маленькой часовне» Святого Колумба в Эдинбурге (в действительности существует собор Святого Колумба). Супруги

дали обет верности спустя семь месяцев после первой встречи, и произошло это 11 сентября в Эдинбурге в церкви Святого Катберта. Поездка в Шотландию позволила им удачно отделаться от журналистов. Для того чтобы уменьшить четырнадцатилетнюю разницу в возрасте, Агата в свидетельстве о браке сделала себя тридцатисемилетней, а Макс стал тридцатиоднолетним. В действительности же Агате через четыре дня должно было исполниться сорок, а Максу было двадцать шесть.

Перед отъездом в Европу Агата кратким, торопливо написанным письмом известила Алена Лейна о том, что они с мужем едут в Венецию, а потом в Грецию. Ниже она писала, что не вполне понимает, как такое могло случиться, ведь она твердо решила не совершать такой глупости, как повторный брак. И сейчас она все еще считала принцип безопасности любой ценой чем-то вроде «опостылевшего догмата».

Их медовый месяц закончился в Афинах в октябре, когда Максу надлежало вернуться на раскопки в Ур. Он очень не хотел оставлять Агату одну, тем более что она плохо себя чувствовала из-за пищевого отравления, но она настоятельно внушала ему, что работа прежде всего. Супруги Вулли еще раньше дали ему понять, что в жилом помещении на раскопках есть комната только для одной женщины — и этой женщиной была Катерин. Работодатели Макса считали, что присутствие его жены на раскопках будет создавать помехи в работе. Сами же супруги Вулли вернулись из летнего отпуска на неделю позже, и Макс, взбешенный преждевременным расставанием с Агатой, отомстил им тем, что соорудил новую боковую пристройку к дому, стоявшему рядом с местом раскопок, в котором специально настолько уменьшил ванную комнату Катерин, что после возвращения супругов Вулли ее пришлось ломать и строить заново.

Возвращаясь после медового месяца в Англию, Агата вдруг неожиданно для себя не почувствовала знакомый страх, все еще гнездившийся в ее сознании после исчезновения. Она писала Максу, что впервые за несколько лет воспринимает Лондон, даже в дождь, как очень приятное место, а все потому, добавляла она, что Макс снял с ее плеч громадный груз, отчего ее раны хотя и медленно, но заживали. Но понимала она и то, что при минимальном воздействии эти раны откроются вновь, однако в глубине души была твердо убеждена, что они зажили навсегда.

К 1930 году объем продаж ее последнего детективного романа «Убийство в доме викария» достиг почти 5500 экземпляров, хотя время, когда продажа ее книг считалась прибыльным делом, инспирированным ее исчезновением,

закончилось. Роман «Хлеб великанов» вышел в свет в том же году под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, однако Нэн тут же узнала настоящего автора. Однажды, когда подруги сидели за обеденным столом в Эбни-Холле, Нэн вдруг сказала, что из книжного клуба журнала «Таймс» ей прислали для ознакомительного прочтения интересную книгу: «Как же она называется? А вспомнила, "Булочка карлика", как мне кажется». Агата сразу поняла, что ее тайна раскрыта, отчего золовки дружно расхохотались. Нэн хорошо знала и саму Агату, и стиль ее письма, она помнила и стихотворение, и случаи из детства, описанные в романе, — все это не оставило у нее никаких сомнений в том, что он принадлежит Агате. Позже, когда Агата дарила Нэн эту книгу, она написала на форзаце: «Нэн от Мэри Уэстмакотт с любовью. "Булочка карлика", ха-ха!»

Агата была счастлива в новом браке, однако на ранних стадиях ее жизни с Максом появился один аспект, который создавал проблемы: продолжительность времени, которое Макс проводил с Розалинд. Иметь такого внимательного и заботливого отчима пожелал бы любой ребенок, так что ревность Агаты была беспричинной и необоснованной. И несмотря на это, когда Розалинд была в пансионе, Агата очень скучала по дочери. Юдифь вспоминает, что из-за проявляемого Агатой собственнического инстинкта первые несколько лет жизни во втором браке омрачались скрытой ревностью.

Тем не менее спокойная, не бросающаяся в глаза преданность Макса и их общие интересы помогли Агате пройти долгий путь до полного исцеления от ран, оставшихся после предыдущего брака, причем до такой степени, что она начала пересматривать свое отношение к Богу, пошатнувшееся после крушения ее первой семьи.

Пробуждение религиозных верований объяснялось в первую очередь ее увлечением временем с обеих точек зрения: физической и философской. Книга сэра Джона Джина «Таинственный мир» заставила ее задуматься о Божественном промысле, о будущем, и в этих мыслях было место Богу. «Как странно было бы, если бы Бог существовал в будущем, — обращалась она к Максу в одном из писем, — это было бы нечто, чего мы никогда не создавали и даже не рисовали в своем воображении, но пока это время не пришло, пусть Он будет не Причиной, а Следствием. Создания Бога — вот кем мы стремимся стать, и это единственное наше предназначение — цель и предназначение эволюции».

Отголоском общественной шумихи, вызванной исчезновением Агаты, были появившиеся в 1931 году киноверсии

ее пьес «Алиби» и «Черный кофе» с Остином Тревором в роли Эркюля Пуаро. Этот актер сыграл ту же роль и в фильме «Смерть лорда Эджвара», вышедшего спустя три года.

Наряду с вновь обретенным чувством удовлетворенности жизнью, у Агаты бывали и моменты отчаяния. В 1931 году у нее случился выкидыш, после чего они с Максом решили больше не повторять попытки завести ребенка. Ее очень взволновала опухоль на плечевом суставе Питера, и она, в предчувствии самого худшего, с грустью сказала Максу, что ему, в отличие от нее, никогда не доводилось переживать таких тяжелых минут, когда рядом с тобой нет никого, кроме собаки. Питер, к счастью, поправился.

В отличие от Арчи, Макс постоянно поддерживал Агату в работе, особенно когда, застряв на середине книги, она начинала паниковать, боясь не дописать ее до конца. Перед тем как начать писать вышедший в 1931 году роман «Тайна Ситтафорда», она рассказала Максу его сюжет, в котором героиня использует журналиста, проявляющего к ней романтический интерес, для спасения своего жениха от виселицы. У Агаты вошло в привычку: начиная работу над новой книгой, описывать Максу ее сюжет, затем писать первую и заключительную главы и только после этого переходить к написанию основного текста. Это позволяло ей строго оставаться в рамках сюжета. В 1930-е годы из-под ее пера вышло двадцать пять книг.

Сборник рассказов «Тринадцать загадочных случаев», вышедший в 1932 году, Агата посвятила Леонарду и Катерин Вулли. Воспоминания о спокойной жизни в пустыне на Среднем Востоке побудили ее написать в 1933 году в Ниневии роман «Смерть лорда Эджвара». В 1934 году, кроме ставшего классическим романа «Убийство в Восточном экспрессе», вышел сборник рассказов «Расследует Паркер Пайн». Предположение Джанет Морган, признанного литературоведами биографа Агаты Кристи, что она исходит из собственного опыта, описывая «несказанную свободу, которую дает потеря памяти», в «Случае с богатой дамой», не может иметь достаточных оснований. В рассказе описывается, как похитители, в руках которых оказалась богатая женщина, безуспешно пытаются путем «промывки мозгов» заставить ее почувствовать себя другим человеком. В предисловии к сборнику рассказов «Расследует Паркер Пайн», напечатанному в «Пенгуинс миллион», Агата вспоминает, что замысел этого рассказа возник, когда она увидела женщину долго смотревшую на магазинную витрину и жаловавшуюся на то, что у нее слишком много денег.

Агата была счастлива с Максом, но все-таки тосковала по

Арчи, и это привело ее к пересмотру прошлого, чему посвящен ее второй роман, напечатанный под псевдонимом Мэри Уэстмакотт. Роман «Незаконченный портрет» во многих смыслах является автобиографическим повествованием, описывающим жизнь Агаты с раннего детства до ее замужества с Арчи и их болезненного расставания. Силия и Дермот, герои повествования, являются прототипами супругов Кристи, а само повествование проникнуто такой открытой, близкой к натурализму чувственностью, которая дает ясно понять, насколько незначительна разница между описанным в романе и тем, что ей пришлось испытать в реальной жизни.

Хотя начальный период семейной жизни Силии и омрачен бедностью, она страстно любит Дермота, а красота жены буквально сводит его с ума, и он просит Силию дать обещание, что она всегда будет такой же красивой. Когда Силия оказывается беременной Джуди (это первое появление Розалинд в ее произведениях), Дермот переживает, ведь Силия утратила прежнюю фигуру. По мере того как Джуди подрастает и все больше становится похожей на своего отца, Силия чувствует, что ни супруг, ни дочь не могут дать той любви, которая ей нужна. Она глубоко переживает смерть матери и чувствует себя связанной семьей, домом, имуществом, а ей хочется путешествовать к экзотическим, далеким местам, таким как «дебри Белуджистана».

В романе дано практически точное описание и осмысление всей жизни Агаты, прожитой до апреля 1926 года, когда их с Арчи брак рухнул. Она не копается в подробностях восемнадцатимесячного романа ее мужа с Нэнси, она как бы увязывает все в аккуратный узел: смерть матери Силии становится чем-то вроде стимулятора романа Дермота. Подсознательно Силия желает расстаться с мужем, но когда приходит время действовать, ее охватывает ужас и она отказывается дать ему развод.

Хотя в «Незаконченном портрете» не рассматриваются причины, вызвавшие крушение брака героев, в нем описывается реакция Агаты на требование Арчи о разводе, подействовавшее на нее, как разорвавшаяся бомба. Боль и крушение веры в любимого человека, переживаемые Силией после двенадцати лет, прожитых в счастливом браке, неподдельны. Поначалу ей, еще не оправившейся после смерти матери, кажется, что она всегда любила Дермота и делала все, что он хотел, а он, когда она действительно нуждалась в нем, нанес ей смертельный удар в спину. В романе нет упоминаний ни о скандалах из-за денег, которые происходили между Арчи и Агатой, ни о том, как ее

успехи в литературе создали трещину в их отношениях.

Агата пытается убедить читателей, что любовница Дермота, Марджори, прототипом образа которой послужила Нэнси Нил, абсолютно не интересует Силию. В «Незаконченном портрете», в отличие от рассказа «На грани», нет подтверждения того жгучего чувства ревности, которое Агата испытывала к Нэнси. Просто было слишком болезненно вновь переживать эти моменты жизни, возвращаясь к ним в произведениях.

Силия приходит в ужас от требования Дермота не упоминать имя его любовницы на бракоразводном суде, иными словами, совершить противозаконное действие. Религиозная вера ею тоже утрачена — в этом у читателя не остается сомнений, когда Силия говорит Дермоту, что верила в него, как в Бога, сейчас понимая: это «было законченной глупостью». Происходит неприятное и болезненное противоборство воли Силии и воли Дермота. Дермот превращается в «человека с оружием».

Не помня себя от горя и обрушившихся на нее несчастий, Силия начинает бояться мужа и запирает в садовом сарае гербицид для борьбы с сорняками. Но ей мерещится, что Дермот собирается ее отравить, хотя днем осознает, что это просто иллюзии и галлюцинации, нелепые «ночные фантазии». Но ночные кошмары преследуют ее постоянно, и она решает отнести фотографию матери в полицию в надежде, что они ее найдут. Некоторые литературоведы размышляли, в каком из этих двух аспектов сюжета содержится побудительный мотив к действиям, предпринятым самой Агатой в ночь исчезновения. Но фактически эти инциденты лишь иллюстрации щемящего одиночества Силии и утраты ею чувства собственного достоинства.

В романе описан нелегкий период попытки примирения мужа с женой, в котором Силия, пытаясь любой ценой сохранить брак, использовала Джуди как пешку. Но Дермот не может сдержать обещания не видеть больше Марджори.

В «Незаконченном портрете» воссозданы некоторые эпизоды, имевшие место в день исчезновения Агаты. После того как мисс Худ (ее образ списан с Шарлотты Фишер) уезжает на один день в Лондон, Дермот объясняется с Силией и признается, что не может заставить себя прекратить встречаться с Марджори. Он не признается, что собирается провести с Марджори уик-энд, а говорит, что должен на два дня уехать, и Силия отвечает ему, что, вернувшись, он ее не найдет. Ей видится промелькнувшая в глазах Дермота «искра надежды», отражающая пришедшую в его голову мысль о том, что к его возвращению она совершит самоубийство. Подобная мысль увлекает и саму Силию: он горько пожалеет и будет мучиться от угрызений совести, если она лишит

себя жизни, но потом понимает: все будет совсем не так — он наверняка заставит себя поверить в то, что он тут ни при чем. Подобным поступком она лишь облегчит ему женитьбу на Марджори. Этим вечером, выйдя из комнаты Джуди, Силия спускается вниз и гладит свою собаку, прощаясь с ней, перед тем как покинуть дом.

С этого места тон романа меняется, утрачивая эмоциональную напряженность. Силия бросается вниз с моста, но случайный прохожий вытаскивает ее из воды; ее задерживают, после чего привозят в суд, обвиняя в попытке совершить самоубийство. В своем творчестве Агата постоянно перерабатывает и вновь использует идеи, появлявшиеся в ее ранее созданных произведениях. Так появились в этом романе некоторые ее, не совсем теоретически обоснованные, объяснения причин исчезновения, высказанные в интервью «Дейли мейл».

Глубину своей любви к Арчи она описывает, показывая отношение Силии к Дермоту — любовь к нему была у Силии «в крови», и жить без него она не могла. Как это ни печально, но когда Силия наконец поняла Дермота и нашла в себе силы постоять за себя, было уже слишком поздно.

Работа над «Незаконченным портретом» была для Агаты чем-то вроде болезненного реквиема по ее первому браку. Спокойная жизнь и прочные семейные отношения во втором браке помогли Агате более осмысленно описать прошлое. В ее душе все еще не зажили раны, о чем свидетельствует то, что свой прообраз в романе она показала невинной жертвой распавшегося брака, не вспомнив при этом, как именно она сама способствовала его крушению: упрямством и несговорчивостью в денежных делах и попытками заставить Арчи делать то, чего он не хотел.

Последовательность событий в романе иногда нарушается с целью опустить некоторые печальные подробности; в разговоре с дочерью Нэн, Юдифью, Агата как-то сказала: «Если хочешь узнать, кто я на самом деле, прочитай "Незаконченный портрет"». Агата всегда называла ее Джуди, ведь она была как бы второй ее дочерью. Показателем тесных отношений, которые их связывали, может служить то, что Агата назвала дочь несчастливых героев романа именем, созвучным с именем Юдифь.

Для сохранения тайны псевдонима Мэри Уэстмакотт издательство «Коллинз» оформило контракт на «Незаконченный портрет» на имя Натаниэля Миллера (покойного деда Агаты) и в момент подписания изменило это имя на Даниэля Миллера. На этот раз на форзаце дарственного экземпляра романа Нэн прочитала: «Дорогой миссис Кон от М. У. 1934 год». Когда Агате случалось дарить Нэн свои книги, вышедшие под псевдонимом

Мэри Уэстмакотт, она всегда надписывала их измененным почерком и никогда не упоминала в дарственных надписях своего настоящего имени.

В том же году второй брак самой Нэн приказал долго жить. Джордж прознал, что Нэн изменяет ему, и ушел из семьи. Нэн с дочерью сняли квартиру в доме на Чейн-Корт в Челси, куда Агата регулярно приходила, чтобы поддержать подругу в этот тяжелый для нее период душевного разброда. Джордж никогда не любил детей, и Юдифь с радостью бросила прощальный взгляд на удаляющуюся спину отчима. Отношения Нэн с любовником, к несчастью, закончились ничем — она решила не выходить за него замуж.

В первые десять лет второго супружества финансовые обязательства Агаты и Макса стали довольно значительными, но, к счастью, ее литературных заработков хватало для их покрытия. Кроме оплаты содержания и учебы дочери в пансионе и субсидирования археологических экспедиций Макса, Агата разработала программу ежегодного ремонта и внутренней отделки Эшфилда, а также приобрела для Макса дом в небольшой деревушке Уинтербрук близ Уоллингфорда[72], чтобы ему по рабочим делам было более удобно посещать Оксфорд.

Рождество в Эбни-Холле не обошлось без неприятностей. Макса после его женитьбы на Агате радушно принимали и Мадж, и Джимми, и их друзья, но лишь один человек из семейства Уоттсов относился к нему с неприязнью — это был их сын Джек. Они с Максом учились в одно время в Оксфорде и с тех пор невзлюбили друг друга. Причиной этого было классовое различие: Джек презирал Макса за то, что тот строил из себя джентльмена. По этой причине Макс не мог вместе с Агатой и Розалинд встретить Рождество с Нэн, Юдифью и другими членами их семьи в Эбни-Холле. Агата обожала эти праздники и даже ради Макса не могла пропустить такого удовольствия.

Ревность, которую прежде вызывали у Агаты литературные успехи Мадж, была забыта, поскольку она сама стала заметной фигурой среди писателей. Иногда ей приходилось одергивать не в меру словоохотливую сестру, которая подобно океанскому лайнеру стремилась потопить маленькие суденышки, плывущие в ее кильватере. Однажды вечером Мадж, заявившись в освещенную свечами столовую в Эшфилде, включила электрическое освещение. Агата, которой пришлось немало потрудиться, готовя ужин, разозлилась. «Сейчас же выключи свет! — закричала она. — Это мой дом». С годами Мадж становилась все более эгоистичной, Джимми не дозволялось ни единым словом выразить свое несогласие с ней. Желая сэкономить на услугах парикмахера, она

обрила голову наголо и стала носить парик. В конечном счете Агата стала относиться к Мадж так: «хотя и потешная, но милая».

Как все матери, Агата и Нэн иногда испытывали неловкость в отношениях со своими дочерьми. Этим и можно объяснить прочувствованную дарственную надпись, сделанную Агатой в 1935 году на книге «Трагедия в трех актах»: «От одной матери другой матери с глубокой симпатией!» Розалинд превратилась в прелестную, непосредственную и до ужаса честную девушку-подростка. Агата, опасаясь, что развод отдалил их друг от друга, сочла за лучшее предоставить дочери определенную свободу и независимость, а не ограничивать ее системой жестких правил.

Дочери Нэн, Юдифи, наскучила школа, которую она бросила в возрасте пятнадцати лет. Проведя полгода в Париже и закончив там школьное образование, она вернулась в Лондон, где стала заниматься в студии по подготовке преподавателей танцев. Однако сломанная лодыжка заставила ее проститься с первоначальными планами. Она поехала в Австрию, где влюбилась в не совсем подходящего парня, и через два года вернулась домой. Юдифь превратилась в привлекательную, общительную, жизнерадостную молодую женщину, неуклонно следовавшую моде. Ее мать приводили в шоковое состояние «причудливо выщипанные» брови и ярко-красные ногти дочери. Юдифь обожала ночные клубы, особенно любила бывать в «Шим-Шаме», пользующемся дурной славой, где, к великому ужасу Нэн, часто оставалась до двух, а то и до трех часов ночи. Юдифь была намного более благоразумной, чем ее считала взвинченная донельзя мать. Однажды встревоженная Нэн призналась Агате: «Она совсем вышла из колеи». Сочувствуя подруге, Агата положила отношения между Нэн и Юдифью в основу единственной пьесы «Дочь есть дочь», написанной под псевдонимом Мэри Уэстмакотт. Несмотря на тягу Юдифи к ночным клубам, она была любящей дочерью, и Агата с Максом часто брали ее с собой на отдых, в том числе в поездки по дворцам и замкам в долине Луары.

А Розалинд, по возрасту младшая из девочек, закончила полный курс школы, получила аттестат, провела недолгий период времени за границей и вернулась домой к началу лондонского сезона. Она была успешной дебютанткой, но, к сожалению Агаты, ее статус разведенной женщины служил препятствием к тому, чтобы дочь была представлена в Букингемском дворце. Вместо этого Розалинд проводила время с друзьями. Она объявила, что решила заняться фотографией, однако Агата была категорически против, поскольку узнала об истинных намерениях Розалинд — сделать карьеру в модельном бизнесе, начав с рекламы купальных

костюмов.

Несмотря на растущую известность, Агата оставалась невидимой для глаз любопытных читателей. Стена молчания, воздвигнутая писательницей после ее исчезновения и отгородившая ее от общества, стала еще более непроницаемой. Ее литературные консультанты решили, что единственно возможным способом обуздать смакование пресловутого инцидента может стать требование ко всем газетам и журналам, конкурирующим за право сериальных публикаций ее произведений, не упоминать о событиях 1926 года ни в каких печатных материалах о ней и ее творчестве.

Но те, кто ее знал и понимал, что она практически всю себя отдает творчеству, воспринимали это как «ничто не возникает из ничего». Агата включала незначительные события и эпизоды из собственной жизни в свои детективные произведения, а создание миссис Ариадны Оливер, писательницы, автора детективных романов, прикидывающейся глупой и рассеянной, стало спасительной дымовой завесой, скрывающей ее от читающей публики. Эта героиня стала выразительницей ее литературных воззрений, а при отсутствии каких-либо сведений о ее личной жизни многие читатели ошибочно полагали, что хорошо знают ее, считая миссис Оливер двойником Агаты.

Единственным мимолетным упоминанием Харрогита в творчестве Агаты является эпизод в романе «Карты на столе», вышедшем в 1936 году. В нем миссис Оливер как бы мимоходом вспоминает о своей няне-валлийке, которая взяла ее с собой в однодневную поездку в Харрогит, а домой поехала одна, позабыв девочку в Харрогите.

Посвященные, такие как Нэн, усматривали здесь некую случайную параллель между детективными произведениями Агаты и другими аспектами ее исчезновения. Например, подробное описание того, как газеты освещают происходящие событие, приводимое в романе «Убийство по алфавиту», вышедшем в 1936 году, целиком основано на ее собственном опыте общения с прессой в 1926 году.

В 1936 году у Нэн обнаружили рак прямой кишки. Операция прошла успешно, и Агата упомянула этот эпизод в дарственной надписи на вышедшей в том же году книге «Убийство в Месопотамии»: «Нэн, прекрасной матери, перенесшей тяжелое заболевание!» Роман «Безмолвный свидетель» Агата официально посвятила своей любимой собаке Питеру. Нэн получила этот роман от Агаты с дарственной надписью: «Моей не такой уж безмолвной подружке, Нэн, пахучей копченой селедке, — от ее давней подруги Звездные глазки(?)». Это было воспоминание о

том, как две маленькие шалуньи прибили гвоздями две копченые селедки под сиденья стульев в столовой Эбни-Холла перед тем, как взрослые вышли к обеду. К великой радости девочек, резкий, непонятно откуда возникший запах сильно озадачил взрослых.

Литературная работа, проделанная Агатой в 1930-е годы, дала все основания к тому, чтобы считать это десятилетие золотым веком детективной литературы: в своих произведениях писательница не касается ни религиозных, ни политических, ни социально-экономических проблем той поры, а это позволяет утверждать, что ее книги существуют как бы вне времени, они являются интересными и современными для каждого поколения людей, в отличие от книг многих авторов детективных сочинений того времени.

Держа публику после 1926 года на расстоянии, Агата, тем не менее, позволяла себе выразить в книгах собственное отношение к супружеской неверности. В 1937 году вышел роман «Смерть на Ниле», в котором выведен романтический треугольник, и здесь, как и в большинстве других своих романов, Агата относится с симпатией к «другой женщине», даже и в тех случаях, когда именно «другая женщина» виновна в убийстве. К мужчинам — разрушителям домашнего очага писательница относится совсем иначе. Она считает мужчин блюстителями общественных отношений, в том числе и брачных, и не колеблясь называет того, кто уводит чужую жену, альфонсом или жиголо.

К 1938 году ненасытное желание публики читать о новых приключениях Эркюля Пуаро становится Агате в тягость. Написав первую книгу о нем, она конечно же не подозревала, что когда-нибудь он станет камнем у нее на шее. Она колебалась между привязанностью к этому образу и раздражением, а результатом такого раздвоения чувств было то, что в этом году «Дейли мейл» приступила к сериальной публикации «Свидание со смертью».

К сентябрю 1938 года Агата завершила последнее повествование об Эркюле Пуаро «Грустный кипарис», персонажи которого были списаны с нее самой, Арчи и Макса. Спокойно-уравновешенная и внешне привлекательная Элинор Карлайл не может сказать своему жениху Роди Уэлману, как сильно она его любит, потому что разговоры о чувствах вызывают у него непреодолимую антипатию, а когда у других людей случаются несчастья или заболевания, его собственное самочувствие сильно ухудшается. Она не добивается успехов в любовных делах с ним, зато обретает желанное душевное спокойствие в объятиях своего доктора. Агата как бы суммирует свои чувства к Арчи и Максу, когда говорит про Элинор, что Роди она любит без взаимности, но очень сильно, однако и с Питером могла бы быть счастлива.

Примерно в это время Розалинд и ее отчим Макс взяли в привычку подолгу обедать вдвоем в «Савое». Агата чувствовала, что в этих близких отношениях, возникших между ними, ей нет места, и это вызывало ее негодование. «Ты должна найти способ отвлечь от этого Розалинд», — поучала ее Нэн. Агата, как писательница, считала живое воображение ценным качеством в профессиональном деле, но в обыденной жизни оно могло довести и до нервного состояния, для которого не во всех случаях имеются основания. Обида и негодование были невыносимы, когда Макса не было рядом, но стоило ему появиться, как нервирующие ее чувства медленно остывали — и ей снова казалось, что ее волнения и ревность безосновательны. В последний раз, когда Агата разговаривала на эту тему с Нэн, золовка внушила ей, что лучший способ разлучить Розалинд и Макса — это «выдать ее замуж».

День рождения Юдифи был 16 сентября, на следующий день после дня рождения Агаты, и у них вошло в обычай отмечать оба дня рождения одновременно всей семьей и с близкими друзьями. Последний такой день рождения они отмечали в Эшфилде в 1938 году: Юдифи исполнился двадцать один, а Агате сорок девять. Агата украсила цветами стулья в столовой, и в назначенный день та, чей день рождения отмечался, занимала место во главе стола. «Агата всегда отмечала наши дни рождения торжественным образом», — вспоминает Юдифь.

Расширение городской зоны нарушило спокойствие Эшфилда, и Агата, поддавшись уговорам Макса, продала дом в 1938 году за шесть тысяч фунтов, которых хватило на покупку Гринуэя, белого дома в георгианском стиле[73] с земельным участком в тридцать три акра, примыкающим к реке Дарт в Девоне. Почти сразу после переезда Агаты и Макса в новый дом умер Питер, его закопали в земле позади дома. Агату сильно опечалила потеря этого многолетнего спутника, морально поддерживавшего ее в периоды многочисленных трудностей, особенно во времена, предшествовавшие ее исчезновению и последовавшие за ним. Агате сразу же предложили новую собаку, но сама мысль о замене Питера кем-то была ей невыносима.

Дружба с Нэн была для нее опорой. Она не придавала значения недавней болезни золовки — это видно из дарственной надписи, сделанной Агатой в 1939 году на книге «Убийство — это легко»: «Моей давней подруге с разрезанной задницей, от Агаты».

Конец этому золотому десятилетию, принесшего писательнице и личное счастье, и творческие успехи, положило начало Второй мировой войны. Оно также послужило косвенной причиной еще одного ее исчезновения и последовавших за ним

поисков.

22
Затемненные небеса

С началом военных действий, когда небо над Англией потемнело от вражеских самолетов, Агата поняла, что ей нужен только Макс, его любовь и утешение, хотя до этого они подолгу находились в разлуке. Его нежные, дышащие любовью письма укрепляли ее уверенность в том, что ее жизнь удалась и она стала хорошей женой. Ее радовало то, как сильно она изменилась с того времени, когда она, несчастная и покинутая, встретилась с ним на Среднем Востоке. В своих письмах она благодарила его за все, что он сделал для нее.

Большую часть военного времени Макс прослужил за границей в качестве советника по арабским делам. Агате очень хотелось быть рядом с мужем, но официальные правила и ограничения не дали ей возможности стать военным корреспондентом. В отличие от некоторых своих соотечественников, скрывшихся из Англии на то время, пока шла война, она перебралась в Лондон, где стала работать в аптеке госпиталя Университетского колледжа, отказавшись от финансовых преимуществ, которые гарантировала бы ей жизнь за границей, вне пределов действия английского налогового законодательства.

Главной ее заботой была безопасность дочери Розалинд и Макса. Ее не покидало чувство тревоги за них, и ее нынешняя ситуация походила на ту, в которой она пребывала перед своим исчезновением, — тогда она хотела писать с целью упрочить свое финансовое положение, но главной помехой в этом деле было резкое обострение ситуации в семье. В начале 1940-х она создала «Занавес. Последнее дело Пуаро» и «Спящее убийство. Последнее дело мисс Марпл». Обе рукописи были помещены на хранение в банк и оформлены как дарение Розалинд и Максу. Согласно ее желанию эти книги должны были быть опубликованы только в случае ее смерти, чтобы ее дочь и муж, как лица, потерявшие близкого родственника, получили бы хоть что-то на черный день. Другие книги, написанные Агатой во время войны, издавались без промедления, чтобы хоть как-то решить проблемы движения денежной наличности.

Сразу после начала войны налоговое ведомство Соединенных Штатов начало проверку финансовых дел Агаты. Ее литературные агенты наняли известного адвоката по налоговым делам, чтобы разобраться в финансовом хитросплетении, возникшем

вследствие ее плодотворной литературной работы. По законодательству военного времени Агата в этот период времени была лишена большинства крупных финансовых поступлений из Соединенных Штатов за опубликованные там произведения, хотя английское налоговое законодательство обязывало ее платить налоги с этих заработков еще до того, как деньги окажутся в Англии. Тех денег, которые Агата после уплаты налогов получала за свои произведения, напечатанные в Англии, ей не всегда хватало, и были времена, когда ей приходилось ограничивать себя буквально во всем.

Агата по большей части не упоминала в своих произведениях о конкретных обстоятельствах, связанных с войной и другими событиями, в основном потому, что не хотела задерживать на них внимание читателей, а кроме того, понимала, что в противном случае читатели утратят интерес к ее сочинениям, как только закончится война. Триллер «Н или М?», в котором отважные сыщики Томми и Таппенс Берестфорд срывают попытку вторжения гитлеровской пятой колонны в Англию, был напечатан отдельными выпусками в американском журнале «Редбук» в марте 1941 года. Патриотический посыл, содержащийся в этом триллере, прозвучал оптимистической нотой, призывающей американцев к борьбе с нацизмом.

В прошлом работа была для Агаты самым лучшим средством отвлечься от различного рода неприятностей, но поскольку ее финансовое положение становилось все более и более затруднительным, она чувствовала, что это средство уже не помогает. Какой смысл писать, если за это не платят денег, говорила она своему литературному агенту Эдмонду Корку. Он успокоил ее новостью о том, что американская кинокомпания «Майлстоун» предложила купить права на экранизацию «Н или М?», а это при их возможностях «обеспечивало мировой прокат», и значит, деньги, которые она заработает, будут выплачены ей непосредственно в Англии. Дважды за время войны грабительские налоги почти довели Агату до банкротства, и, предпринимая отчаянные попытки предотвратить это, она дважды безуспешно пыталась продать Гринуэй, который в начале войны стал домом для эвакуированных детей, и был им до тех пор, пока не понадобился Военно-морскому министерству для нужд ВМФ США. Ее приводили в ужас и собственный творческий простой, и отчаянные попытки удержаться на плаву в финансовом смысле.

Она, доверяя Эдмунду Корку, откровенно призналась ему, что ее нервная система не в силах выдержать такого состояния: когда не можешь писать, но писать надо, чтобы зарабатывать деньги. Она с горечью вспоминала, как в период крушения ее первого

брака могла отложить законченную рукопись в дальний ящик, вместо того чтобы писать «эту идиотскую книгу» «Большая четверка» и заставлять себя завершать «Тайну голубого поезда».

С начала войны Нэн и Юдифь пребывали в состоянии вражды. Нэн торопилась как можно скорее выехать из Лондона, надеясь, что там будет более безопасно. Юдифь наотрез отказалась ехать с ней, объяснив это тем, что в провинции ей будет скучно. Она понимала, что будет скучать по лондонской ночной жизни, и Нэн скрепя сердце разрешила ей пожить год в доме дяди Лайонела и тети Джоан на Виктория-роуд, неподалеку от Кенсингтон Хай-стрит. Молодая женщина не боялась бомбардировок, а думала лишь о том, как бы получше провести время. «Когда ты молод, ты никогда не думаешь, что это может случиться с тобой». Юдифь вспоминает, что она не однажды использовала вой сирен как оправдание того, что возвращалась из ночных клубов на Виктория-роуд только под утро.

Нэн хотела, чтобы Юдифь пошла учиться на медсестру, это и явилось основной причиной конфликта между матерью и дочерью. То, что у Юдифи нет никакой профессии, очень беспокоило Нэн. Юдифь, делясь своими проблемами с Агатой, под конец разрыдалась, поскольку не имела ни малейшего желания становиться медсестрой. Агата, относившаяся к Юдифи как ко второй дочери, знала о ее любви к детям и подыскала ей работу добровольного помощника няни в детских яслях для эвакуированных детей, находившихся вблизи Гринуэя. Такое решение, устроившее всех, позволило Юдифи сначала жить с Нэн на Топ-Клоз в Чарстоне, а потом в Пенхилл в Бриксхеме — обе деревни были рядом с Гринвудом.

У Нэн не было охоты снова возвращаться в Лондон, спокойная загородная жизнь нравилась ей больше. Когда склад в Лондоне, в который она сдала на хранение мебель из Чейн-Коурта, разбомбили, Нэн убедилась в правильности своего решения переехать в Девон. Ее волновало то, что Агата переехала в Лондон, где работала в госпитале, ведь над городом постоянно висела угроза бомбардировок. По этому поводу Юдифь сказала: «Агата была женщиной невиданной смелости и любила Англию сильнее всех в ней живших».

Но у Агаты были и более счастливые, более спокойные времена, когда бомбардировки прекращались. Нэн вдруг неожиданно появилась в Лондоне. Жизнь в шумном Пенхилле казалась ей трудной, и она остановилась в фешенебельном лондонском «Хайд-Парк-отеле», где большинство постояльцев предпочитали спать в коридорах и переходах, полагая, что эти места более безопасны во время ночных бомбардировок.

Встречаясь с золовкой, Агата неизменно задавала один и тот же вопрос: «Не пожалею полфунта, только скажи, с кем ты сейчас?»

Сейчас, после переезда из Пенхилла, у Нэн уже не было того обилия кавалеров, как до войны, хотя вдобавок к притворно застенчивым манерам и внешности благородной леди она обладала весьма привлекательным чувством юмора, подчас отнюдь не салонного, который так нравился мужчинам. Агате нравилось слушать рассказы подруги о недавних победах на любовном фронте, и, возможно, поэтому Нэн стала прототипом богатых, привлекательных, часто разведенных *femmes fatales*[74], наиболее типичными из которых были Рут Ван Ридок в романе «Они делают это с зеркалами» и леди Седжуик в романе «Отель «Бертран».

В знак дружбы Агата официально посвятила свой, вышедший в 1942 году роман «Тело в библиотеке» Нэн («Моей подруге Нэн»). По сюжету романа второе тело обнаружено в сгоревшем автомобиле в карьере Венн, к которому ведет заброшенная дорога от Уотер-Лейн, в котором легко угадывается Ньюлендс-Корнер. Описанный в романе отель не похож на «Харрогит-Гидро», как может показаться некоторым — его прототипом стал «Империал отель» в Торке.

Как это ни смешно, но публикация в следующем году романа «Пять поросят» внушила некоторым читателям ошибочную мысль, что в этом произведении присутствует закамуфлированная информация об исчезновении. Это связано с тем, что жертва, Амьяс Крейл, инициалы которого совпадают с инициалами Агаты, был убит, по всей вероятности, своей женой шестнадцать лет назад из-за его связи с молодой женщиной. Помимо совпадения собственных инициалов с инициалами жертвы, Агата наделяет убитого мужа некоторыми чертами Эймиаса Бостона, с которым она в подростковом возрасте флиртовала во время подготовки любительского спектакля «Синяя Борода, приносящая несчастья».

Вопреки финансовым затруднениям, Агата сохраняла литературный темп, опубликовав в годы войны двенадцать книг. Душевное успокоение она находила в укрепившейся приверженности религии. Войне, казалось, не будет конца, но ее вера в то, что в природе нет ничего вечного, поддерживала ее. Во время войны у нее появился дополнительный источник денег — она адаптировала для сцены три романа: «Десять негритят», «Свидание со смертью» и «Смерть на Ниле», постановки которых прошли с различной степенью успеха. Нэн и Юдифь были зрителями на всех премьерных спектаклях пьес Агаты.

Розалин между тем вышла замуж за Хьюберта Причарда, капитана Королевскго Уэльского стрелкового полка, и после

замужества жила в Уэльсе. В сентябре 1943 года, к несказанной радости Агаты, Розалинд родила сына, Мэтью. Радость Агаты, ставшей бабушкой, омрачалась лишь тем, что рядом не было Макса. Она отчаянно скучала по Максу и боялась, что в разлуке они отдалятся друг от друга, хотя надеялись на радостное и желанное продолжение супружества, если каждый будет заниматься своим делом на своем месте. Агата страстно желала быть рядом с Максом еще и потому, что из ее памяти пока не стерлись воспоминания о Первой мировой войне и ее губительном воздействии на их брак с Арчи. Изменятся ли ее отношения с Максом после столь долгой разлуки? — спрашивала она себя.

Роман «Разлученные весной», вышедший под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, который был написан в 1943 году всего за три дня, можно считать своего рода оберегом от наиболее болезненных последствий первого брака писательницы и выражением ее опасений по поводу продолжительности второго. В автобиографии она признается, что, перед тем как написать этот роман, вынашивала в себе его замысел в течение шести или семи лет.

В романе «Разлученные весной» рассказывается история Джоан Скьюдамор, пережившей кризис и оказавшейся наедине с собой в пустыне, в санатории для выздоравливающих, будучи при этом в крайне затруднительном положении. Это книга об эмоциональной уязвимости и крепости веры. На пути Агаты к духовному умиротворению существовало препятствие, заключавшееся в том, что она никогда не считала себя грешницей, а поэтому, когда во время развала своего брака с Арчи обратилась в поисках поддержки к религии, почувствовала себя забытой Богом. Подтверждение этому можно найти в романе: один из персонажей говорит Джоан, что ее несчастье заключается в том, что она не грешница, и она сразу прекращает молиться.

Джоан вспоминает (подобное было и с Агатой), как она случайно нашла письмо, написанное ее отцом матери незадолго до ее смерти, в котором он называл ее высшим благом, выпавшим на его долю в жизни. Джоан с тоской размышляет, что ведь ее муж Родни никогда не писал ей ничего подобного, и задает себе вопрос — почему? Она чутьем угадывает, что в прошлом у Родни была какая-то незавершенная и поныне связь.

Джоан вспоминает, как Родни, к их всеобщей радости, удалось предотвратить отношения их старшей дочери Аверил с женатым мужчиной. Он объяснил дочери, что скандал перечеркнет многообещающую карьеру ее любовника в области медицинских исследований. Родни утверждал, что любовь

женщины не может компенсировать мужчине утрату возможностей делать работу, которую он выбрал.

Джоан с запозданием приходит к мысли о том, что Родни был бы более счастлив, стань он фермером, вместо того чтобы, ради ее удовольствия, учиться на юрисконсульта. Она вынуждена признать, что не всегда была внимательной и тактичной женой, какой казалась себе. Ей открылось и то, что трое их детей не любят ее, потому что она была жесткой, неуступчивой матерью, подавлявшей их и своей любовью, и желанием устроить их жизни.

Осмыслив эти неприятные, но реальные факты, она обнаруживает, что забрела слишком далеко и заблудилась в пустыне. Она считает себя забытой Богом — и только тогда, когда видит на горизонте приют для выздоравливающих, понимает, что это совсем не так.

В отличие от детских ночных кошмаров Агаты, в которых ей являлся «человек с оружием», роман «Разлученные весной» учит людей копаться в себе и осознавать свои моральные слабости, для того чтобы не испытывать страха, если кому-то вздумается осудить их. Описанная в романе история приводит к выводу: самое лучшее из всего, что может сделать человек для любящих друг друга, это дать им возможность жить, как они пожелают, и просто находиться рядом, на случай, если кому-то из них он понадобится. Хотя личные мотивы, затронутые в «Разлученных весной» были близкими сердцу Агаты, она так никогда и не смогла объяснить, почему эта книга была столь важной для нее. Заключение, к которому она приходит в этом романе, состоит в том, что человек никогда не будет одиноким, если у него складываются отношения с Богом.

Имеет значение и тот факт, что роман был написан в то время, когда Агата испытывала глубокое волнение: сможет ли Макс после войны возобновить свои археологические раскопки? Макс считал археологию нестабильной профессией и не был уверен, позволит ли финансовое положение Агаты, да и захочет ли она сама оказать финансовую помощь в проведении раскопок. Агата опасалась того, что муж будет сломлен, если лишится любимой работы, и тревожные мысли о том, как это может повлиять на их отношения, приводили ее в дрожь.

Пока Макса не было рядом, Агата поддерживала отношения с миром археологов, общаясь с их общим другом профессором Стивеном Гранвиллом. Это была необычная дружба, поскольку сама личная жизнь Стивена представлялась ей сложной и запутанной, и Агата, став его духовником, узнала многое о сложности человеческих взаимоотношений. Проблемы Стивена подтолкнули ее к тому, что в своем письме к мужу она

поделилась с ним размышлениями: имеют ли они с Максом склонность к идеализации друг друга, находясь на расстоянии? Если это так, писала она, ее сердце будет разбито.

Вновь обретенные религиозные убеждения Агаты еще более окрепли после того, как война закончилась. Сейчас, когда они с Максом опять обрели друг друга, она чувствовала такую близость к Богу, какой не чувствовала никогда раньше. Однако их радость была омрачена ужасным известием — муж Розалинд был убит в бою. Столкнувшись со стоицизмом дочери и ее нежеланием обсуждать свою дальнейшую жизнь, Агата почувствовала себя беспомощной и встревоженной, она могла лишь заверить Розалинд в том, что всегда будет готова прийти на помощь.

Агата всегда помнила, что она старше Макса, и сейчас, когда ему уже исполнилось сорок, чувствовала некоторое удовлетворение от того, что их разница в возрасте стала не столь явной. Они оба изменились за годы разлуки, но попросту не замечали этого, как будто счастье от встречи заслонило от них все остальное. В это время Агата выглядела более зрелой и более склонной к философским обобщениям, нежели раньше. Изменения ее внешности сразу бросались в глаза: сейчас, в середине пятого десятка, ее красота перестала быть ослепительной, в волосах поблескивала седина, а фигура погрузнела.

Приятели Макса подшучивали над ним, говоря, что в его поведении не осталось ничего прежнего и что сейчас он ведет себя как истинный английский джентльмен, и это тайно льстило ему. Он уже не был тем необученным молодым человеком, за которого Агата вышла замуж. Опыт, приобретенный на войне, укрепил в нем мужское начало, и сейчас он мог философски осмыслить свою несчастливую жизнь в пансионе. Долгий перерыв в археологических раскопках только усилил его страсть к археологии, и он буквально горел желанием показать себя на избранном им поприще.

Нестабильная политическая ситуация на Среднем Востоке не позволяла даже планировать в перспективе какие-либо археологические изыскания в этом регионе. Агата, желая приободрить его, начала писать ностальгический, беззаботный и как бы семейный отчет о раскопках, на которых они с Максом работали в 1930-х годах: «Ну расскажи, как ты живешь», — а Макс тем временен работал над книгой «Нимруд[75] и то, что от него осталось».

Агата принялась писать книгу под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, намереваясь выразить свои новые религиозные убеждения. Если бы Макс после опубликования в 1947 году

романа «Роза и тис» не предал ее, она смогла бы раз и навсегда стереть из памяти все воспоминания о своем исчезновении.

23
Неотступные воспоминания

«Розу и тис» Агата считала своей лучшей книгой, напечатанной под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, несмотря на неприятности личного характера, свалившиеся на нее сразу после ее выхода. Как она признавалась в своих мемуарах, подспудная мысль о написании такого повествования возникла у нее еще в 1929 года.

Идея написать «Розу и тис», зародившаяся у Агаты сразу после развода с Арчи, свидетельствует о том, как вопреки всему она хотела верить в чистую, бескорыстную любовь — ради спасения того, кто безнадежно неисправим. Благополучное возвращение Макса и их откровенная неугасающая верность и преданность друг другу позволяют заключить, что книга была написана в такое время, когда она, по ее собственным словам, чувствовала «близость к Богу».

«Роза и тис» — это идеалистическое повествование об эгоистичном и аморальном человеке, в прошлом герое войны, Джоне Гейбриеле. Он восстанавливает свою репутацию, становясь мессией, после того как героиня Изабелла Чартерис (которую он соблазнил и с которой обращался грубо) умирает, заслонив его от пули, выпущенной политическим фанатиком.

Когда Джон Гейбриел выставляет свою кандидатуру на выборах 1945 года от партии тори, он проявляется как жестокий и беспощадный человек. Себе он признается, что фактически находится на платформе лейбористов, но для него это вопрос личной выгоды. Ему нужна работа, война почти закончена, и скоро начнется грызня за теплые места. Агата, всю жизнь поддерживавшая тори, вводит в роман персонажей-консерваторов, наблюдающих за тем, чтобы никто после войны не устроил неразбериху и не начал действовать по принципу «каждый за себя».

Агата симпатизирует консерваторам из-за их близости к аристократии, а вовсе не из убеждения в том, что они всегда верно служат своей стране. В романе «Роза и тис» один из персонажей считает, что политики удивительно похожи на сидящих в ларьках ярмарочных торговцев, предлагающих универсальные средства от всех болезней, которыми болен мир. Между тем аристократ, поддерживающий тори, выражает идеалистический взгляд автора на то, что законодатели должны быть выведены за пределы класса, не зарабатывающего на жизнь

своим трудом, из класса, которого не интересует размер заработка, — иными словами, из правящего класса.

После платонической связи с женой местного ветеринара Джон Гейбриел соблазняет аристократку Изабеллу Чартерис, живущую беззаботной жизнью в замке Сент-Лу. Они живут вместе в гражданском браке, и она справляется с жизненными трудностями, которые он намеренно создает для нее. Джон Гейбриел в полной мере дает ей почувствовать, что такое столь желанный ею внутренний покой. Изабелла способна понять истинно важные вещи и принципы жизни и стойко переносить временные тяготы. Она воспринимает людей такими, какие они есть, и никогда не пытается манипулировать кем-либо. Джон Гейбриел добился любви Изабеллы, но ему не дает покоя то, что он никогда не знает, о чем она думает. То же самое Арчи как-то сказал Агате.

Чувствуя себя принадлежащим к низшему классу, Джон Гейбриел ненавидит высокомерных женщин высшего класса, для которых он не больше чем дорожная пыль. Он домогается Изабеллы, желая потешить свое классовое сознание. Его взгляды на аристократию такие же, как и у его создательницы, Агаты. Главное не титул, а чувство уверенности в себе, и не важно, что думают о тебе люди, более важно то, что ты сам думаешь о них. Он не родился аристократом, и для него это было истинным разочарованием, точно так же, как и для Агаты.

Изабелла жертвует жизнью ради спасения Джона Гейбриела — таков ее выбор. Другой персонаж романа, Тереза, говорит до боли опечаленному Хью Норрису, который всегда тайно любил Изабеллу, что время ничего не значит: и пять минут, и тысяча лет имеют одинаковую важность. Ничья жизнь не проходит зря, а потому жизнь розы и жизнь тисового дерева имею равную продолжительность. Немногие знают истинную цену себе, немногие знают предначертанный им свыше Промысел, но Изабелла как раз-то и была одной из таких немногих. Ее было трудно понять, но отнюдь не из-за сложности натуры, а из-за того, что она была исключительно простой и могла постичь суть жизненных ценностей. Умудренная жизненным опытом Агата фактически изображала себя.

Джон Гейбриел опустошен и повержен смертью Изабеллы, и его последующий путь к искуплению выглядит правдоподобным, потому что Агата наделила его своими собственными религиозными чувствами. Он говорит, что никогда не считал себя способным верить в Бога-отца, Бога-создателя и в то, что Бог есть любовь, но иногда он все-таки верил в Христа, который спустился в ад. Он обещал рай раскаявшемуся вору, но сошел в ад с тем, кто

проклинал и поносил Его.

Из всех романов, созданных Агатой Кристи, «Роза и тис» наилучшим образом позволяют понять ее обновленные и укрепившиеся религиозные верования. Главная слабость книги — использование сказочных приемов в повествовании. Однако с их помощью удается выразить живучий и устойчивый романтизм автора, скрытый под поверхностным прагматизмом.

Идеалистическая уверенность Агаты в том, что у каждого есть выбор и судьба не является чем-то заранее предрешенным, красной нитью проходит через все повествование. Вновь укрепившаяся вера и счастье, обретенное с Максом, сделали ее взгляды более устойчивыми, но отзыв издателя буквально поверг ее в смятение.

Билли Коллинз, ставший преемником своего покойного дяди, сэра Годфри Коллинза, на посту главы издательства, явно упустил главную мысль книги, когда спросил: надо ли было разворачивать сюжет на фоне всеобщих выборов, если Джон Гейбриел был совершенно неподходящим человеком для выдвижения в кандидаты? Этого было достаточно для того, чтобы все романы Уэстмакотт публиковались издательством «Хайнеманн» — Агата поняла, что «Коллинз» «ненавидит» Мэри Уэстмакотт, как и всё прочее, отвлекающее ее от написания детективов.

Юдифь и Грэм Гарднеры вспоминают, что самое большое личное потрясение постигло Агату после того, как Макс получил должность на кафедре археологии Лондонского университета в 1947 году. Макс, четко выражающий свои мысли, преданный своему делу ученый, почувствовал себя в своей стихии, начав преподавать по-настоящему любимый им предмет. Его ум и увлеченность наукой привлекали к нему студентов, да ему и самому нравилось быть в центре внимания.

Девушки-студентки относились к нему с особым почтением, что и привело к далеко идущим дружеским отношениям с некоторыми из них.

Именно верная Нэн, после долгих размышлений и самокопаний, и обрушила на золовку эту новость. Агата с болью восприняла очевидные попытки Макса наверстать упущенное в юности. Тем не менее сейчас она была лучше подготовлена к восприятию новости о случайных связях Макса с девушками-студентками, чем к известию о романе Арчи с Нэнси Нил, потому что никогда не любила Макса так сильно, как любила своего первого мужа.

Причиной этого удара по счастью Агаты было благородство натуры Макса и его простодушие. Нэн обратилась к Максу за

советом по просьбе своей подруги, дочь которой не могла решить, заниматься ли ей археологией. Макс предложил помочь девушке определиться, разрешив ей посещать его занятия, и хотя между ними не возникло каких-либо отношений, мать девушки получала регулярные доклады о его дружбе с другими девушками, которые сразу же передавались Нэн.

Когда Агата спросила об этом Макса, он с горячностью стал доказывать ей, что стал жертвой злокозненных сплетен. Она не знала, верить ему или нет, но ее волнения усилились после получения сообщения о том, что Макс подвозил одну студентку до дома. Он был достаточно сообразителен и понял, что, если будет действовать скрытно, Агата с ним не разведется. Но переживания его жены, которую вторично предали, обострились, и старые раны открылись вновь. Инстинкт не подвел Макса. Сама мысль вновь оказаться в центре внимания публики была Агате ненавистна, а это наверняка случилось бы, дойди дело до второго развода.

Она помнила советы матери о том, как сохранять брак, и при любой возможности сопровождала Макса в поездках и при посещении разного рода мероприятий. Она не так болезненно переносила его быстротечные связи с молодыми женщинами, поскольку наедине с ней он всегда вел себя как настоящий джентльмен и проявлял о ней постоянную заботу. После войны Нэн снова переехала в Лондон, и у Агаты вошло в привычку приезжать к ней, когда Макс был занят в университете. Незадолго до того, как подходили к концу его занятия, Агата часто говорила подруге: «Взгляни-ка на часы. Мне надо ехать, чтобы успеть сразу забрать Макса».

По мере роста ее славы (она вошла в историю, когда в 1948 году Ален Лейн из издательства «Пенгуин Букс» в один день опубликовал миллион ее книг в мягком переплете) Агата делала все возможное, чтобы защитить от посторонних глаз свою личную жизнь. Публика воспринимала ее как счастливую замужнюю женщину, которая заработала «на убийствах больше денег, чем Лукреция Борджиа», и Агата была готова поддерживать такое мнение о себе.

Ее никогда не заботила слава. Юдифь Гарднер вспоминает, как однажды мать Макса язвительно спросила Агату, сколько еще она будет наслаждаться своей славой и богатством. Агата, обратившись к Нэн, произнесла: «Нэн, скажи ей. Скажи ей, что это ложь. Я никогда к этому не стремилась!» Это был один из тех немногих случаев, когда Юдифь видела Агату разозленной. И Нэн, и Юдифь были уверены в одном — ни о чем Агата так сильно не мечтала, как о счастливой семейной жизни с Арчи и

Розалинд.

Ослабление политической и финансовой напряженности, произошедшее в конце десятилетия, позволило Агате и Максу снарядить еще одну археологическую экспедицию на Средний Восток. Перед этим Агата получила очередной чувствительный удар, когда в «Санди таймс» от 13 и 20 февраля 1949-го появилось сообщение о том, что Мэри Уэстмакотт это и есть Агата Кристи. (Ее тайна была почти раскрыта два года назад, когда Американское ведомство регистрации авторских прав прислало запрос, что желает ли Агата Кристи — чтобы на ее книгах держателем авторских прав была указана Мэри Уэстмакотт или Агата Кристи; этим и объясняется неточность допущенная ее официальным биографом в отношении даты раскрытия подлинной принадлежности авторства). На Агату, глубоко травмированную неразумным поведением Макса, известие о раскрытии ее литературного *alter ego* обрушилось в самый неподходящий момент.

В марте рассерженная Агата написала своему литературному агенту Эдмонду Корку письмо из британского консульства в Багдаде с упреками в адрес его «разведывательной службы», оказавшейся неспособной предупредить сначала ее о раскрытии псевдонима. Скрепя сердце она дала согласие своим издателям на подлинную идентификацию Мэри Уэстмакотт и помещение этих данных на обложке книг. Ее решение приобрести коммерческую выгоду из раскрытия псевдонима объясняется тем, что война осложнила ее финансовое положение, сделав его хуже, чем когда-либо.

А Розалинд между тем влюбилась в адвоката по имени Энтони Хикс. Хотя в конце 1949 года они письмом сообщили Агате о предстоящей регистрации своего брака в лондонском загсе, в этом же письме они прозрачно намекнули ей, что не ожидают ее присутствия на церемонии, поскольку им сразу после нее предстоит срочно вернуться в Уэльс, чтобы «накормить собак». Агата удивила их, прибыв в назначенный день на регистрацию брака. Энтони имел вид забавного ученого, интересующегося людьми и путешествиями, но начисто чуждого каким бы то ни было амбициям, и женитьба на Розалинд казалась ему огромным счастьем.

В следующем десятилетии Агате суждено было увидеть трещины в собственном браке. Легкомысленный флирт Макса, а также проблемы с финансами послужили основными факторами того, что 1950-е годы стали трудным периодом для Агаты, а воспоминания о ее исчезновении вновь вытащили на свет.

24
Нет полей амаранта

В период 1950-х годов существовала одна женщина, которая больше, чем кто-либо другой, угрожала браку Агаты. Барбара Паркер, улыбающаяся, сорокадвухлетняя старая дева, бывшая студентка Макса, организовавшая их экспедицию в Нимруд с таким умением и веселой непринужденностью, что супруги сразу почувствовали ее незаменимость.

У Агаты вошло в привычку сочинять оды о членах экспедиции, и еще в те первые, беззаботные дни в Нимруде она, нечего не подозревая, сочинила оду о будущей любовнице своего супруга. Свою, проникнутую добрым юмором оду Агата начала так: «В благословенном Нимруде жила великомученица, святая Барбара», — и дальше воздавала дань восхищения женщине, которая, по ее словам, по собственной воле согласилась делить ответственность, питаться омлетом и быть счастливой, трудясь над отчетами с утра до поздней ночи. Макс в оде был назван «угрюмым директором», устроившим Барбаре «веселую» жизнь. В оде, сочиненной Агатой, воспевалась готовность Барбары вывозить все на своих плечах, проявляя при этом неукротимую веселость и добродушие.

Преданность, проявляемая Барбарой по отношению к работодателям, вызывала у остальных участников раскопок двойственное чувство восхищения и удивления. Более того, сочетаемая с добрым юмором, готовность брать на себя ответственность за все неполадки, случавшиеся на раскопках, сделали ее похожей на актера, играющего роль придворного шута. Но покладистый характер и собачья преданность Барбары скрывали неудовлетворенные сексуальные потребности, которые Максу вскоре и предстояло удовлетворить.

В первые годы его связи с Барбарой Агата жила в постоянном страхе, что он ее бросит. Он никогда не просил ее о разводе, и этот факт означал, что ей не придется столкнуться вновь с настырным вниманием прессы, допекавшей ее в конце 1920-х годов, но, даже несмотря на это, она постоянно чувствовала неотступный подспудный страх перед выставлением своей личной жизни на всеобщий показ. Юдифь и Грэм Гарднеры вспоминают: «Макс с помощью Барбары подверг Агату адским пыткам».

Страдания писательницы были невыносимы, ведь она все еще любила Макса и хотела верить в то, что и он все еще любит ее.

Желания расторгнуть брак у Макса не было: обеспеченная и сытная жизнь с Агатой ему нравилась больше, чем та, которую ему довелось испытать в прежних экспедициях, когда он ездил на раскопки один, к тому же его жена делала все возможное, стараясь обеспечить его всем, чего он желал.

Если учесть страх Агаты перед публичностью, то у нее не было иной альтернативы, как закрывать глаза на связь Макса с Барбарой. И она искала утешение в вере. Юдифь вспоминает, что любовь Барбары к археологии укрепила ее отношения с Максом. Археология была их общей страстью. Агату обеспокоенность судьбой своего брака привела к рецидивной вспышке псориаза, нервного воспалительного кожного высыпания, поражающего голову, руки, кисти рук и ступни, часто сопровождающегося невыносимым зудом. Скрывая псориазные высыпания, она часто вынуждена была носить длинные белые хлопковые перчатки. Ее брак с Максом просуществовал до конца ее жизни потому, что у них были общие интеллектуальные и эстетические вкусы, их объединяли склонность к умалению собственного достоинства и юмористическое восприятие жизни.

В сентябре 1950 года история исчезновения, неотступно преследовавшая ее, неожиданно всплыла снова. Группа ее читателей обратилась к ней с письмами, выражающими негодование по поводу сериальной радиопередачи Южноафриканской радиовещательной корпорации, в одном из эпизодов которой приводились подробные сведения о некой неназванной даме-писательнице, исчезнувшей несколько десятилетий назад и заработавшей в результате этого «всемирную известность за ценный вклад в теорию и практику рекламы». По мнению почитателей Агаты, совершенно ясно, о какой писательнице шла речь, подобное истолкование этого инцидента нанесло вред ее репутации.

В тот самый год Агата начала время от времени работать над автобиографией, для завершения которой ей потребовалась почти семнадцать лет. Правильнее назвать этот труд собранием счастливых воспоминаний, нежели воспоминаниями о прошлом и наиболее болезненных его аспектах. С самого начала она выбрала веселый, как бы оставляющий в тени ее личность тон повествования, который очень помогал ей скользить по поверхности наиболее чувствительных или неприятных для нее событий, не раскрывая читателям ни частностей, ни сути. Эта книга включает в себя многочисленные подробности о счастливом детстве и первых трех четвертях ее жизни. Но она так никогда и не утверждала того, что ее брак с Максом принес ей устойчивый период счастья.

Агата чаще упоминает Арчи, чем Макса, и когда она надиктовывает на магнитофон историю распада своего первого брака, то приходит в такое волнение, что ее голос почти не слышен. Она не упоминает о связи Арчи с Нэнси, длившейся полтора года, но предполагает, что ее тоска по умершей матери была причиной, толкнувшей Арчи к Нэнси. В последовавшие несколько месяцев, когда Агата не могла прийти в себя после смерти Клариссы, она перестала быть его спутницей в веселых компаниях и это, по ее мнению, явилось причиной его ухода от нее.

И никакого упоминания об исчезновении, а это как раз и было то, о чем ее почитатели предпочли бы узнать в первую очередь. Она сказала лишь, что после болезни погрузилась в печаль, отчаяние и внутреннюю опустошенность и что нет необходимости подробно останавливаться на этом. Она приводит надуманный рассказ о том, как вскоре после смерти Клариссы она не могла вспомнить свою фамилию, подписывая чек. В предисловии, которое было добавлено к рукописи после ее смерти, как дань уважения коллег, неискушенный издатель Агаты уцепился за этот инцидент, предположив, что он является ключевым звеном в целой цепи событий в период, когда произошло исчезновение. Ближе всего она подходит к этому инциденту, когда комментирует появившуюся у нее после распада брака нелюбовь к прессе и толпе. Она признается, что чувствовала себя как лиса, которая прячется от охотников. Ей всегда претила скандальная известность, а ей пришлось принять такую дозу этого отравленного снадобья, что она с трудом заставила себя жить дальше.

Поскольку в тексте автобиографии нет ни одного упоминания об исчезновении, количество текстов, в которых только о нем и говорится, огромно. Среди них нет путаного объяснения Агаты, данного ею «Дейли мейл», поскольку у нее не было желания поставить Арчи в еще более неловкое положение — они оба достаточно настрадались. Интересно подметить то, что в автобиографии она изображает себя неопытным и нервным водителем, появляющимся на дорогах во время всеобщей забастовки в мае 1926 года (а ведь на самом деле она была вполне опытным шофером с двухлетним опытом вождения автомобиля). Несколькими главами ниже Агата выдает себя, заявляя, что одной из ее главных радостей было посадить Клариссу в «Моррис Каули» и, выехав из Эшфилда, провезти по всем местам, в которых им до этого не пришлось побывать. А поскольку ее мать умерла за месяц до всеобщей забастовки, этот рассказ никак не стыкуется с утверждением Агаты о ее нервном

поведении за рулем в то время. Агата, по всей вероятности, надеялась, что ее читатели посчитают причиной ее исчезновения какой-либо инцидент, произошедший на фоне психического расстройства. И многие поверили такому обороту дела, когда после ее смерти автобиография была напечатана.

Несмотря на стену молчания, воздвигнутую Агатой между собой и внешним миром, ее растущая известность только подтверждала, что исчезновение так никогда и не было забыто. Одним из тех, кто ясно понимал это, был Хьюберт Грегг, поставивший несколько ее пьес на лондонской сцене, начав в 1951 году с пьесы «Лощина». Перед встречей писательницы с труппой, руководство театра строго-настрого запретило актерам задавать какие бы то ни было вопросы, связанные с ее исчезновением.

А между тем круг друзей Агаты пополнился в 1951 году еще одним новым человеком, когда дочь Нэн, Юдифь, которой тогда было тридцать четыре года, вышла замуж за симпатичного двадцатичетырехлетнего фотографа Грэма Гарднера, с которым она познакомилась в теннисном клубе в Торке три года назад. Нэн и Агата с самого начала одобрительно отнеслись к этому союзу, а вот мать Грэма поначалу готова была обвинить Юдифь чуть ли не в совращении младенца.

Юдифь и Грэм очень любили бывать в Гринуэе, да и Агате всегда нравилось быть в окружении семьи и друзей. Грэм был очень стеснительным, и Агата взяла его под свое крыло. Она обычно сажала его справа от себя за огромным овальным обеденным столом. Он вспоминает, как нравилось Агате внимательно прислушиваться к разговорам людей, из которых она часто черпала идеи и сюжеты для своих рассказов. Сама она не была стеснительной, она просто опасалась доверяться людям, которых знала недостаточно близко. Хотя Агата могла подойти к незнакомому человеку и с легкостью завести беседу, как это, например, случилось с прежним ухажером Юдифи, Питером Корда (сыном постановщика фильмов Александра Корда[76]), когда однажды в публичной библиотеке Агата вдруг подошла к нему и представилась.

Сама Нэн тоже была частым гостем в Гринуэе, благо там можно было не соблюдать никаких формальностей. Для Агаты и Нэн стало привычным уединяться после обеда в библиотеке, чтобы предаться своему любимому занятию — отгадыванию кроссвордов в газетах. Домашние даже удостоили их звания «королев кроссвордов». Обе золовки также сохранили прежнюю страсть к путешествиям — Нэн по-прежнему ежегодно отправлялась в круизы, а Агата всегда ездила к Максу на Средний

Восток и забирала его с собой, устраивая ему таким образом хотя бы один ежегодный отпуск; встретившись после поездок, подруги развлекали друг друга рассказами о недавних приключениях. Агата называла Нэн Королевой круизов, и в ответ получила прозвище Агата-кочевница. Агата, хотя и неусыпно охраняла свою частную жизнь, согласилась устроить встречу со своими почитателями из Швеции, с которыми Нэн познакомилась в Осло. Встреча состоялась в Гринуэе в июле 1951 года; предварительным условием ее проведения было то, что Нэн берет на себя обязанности групповода, отвечающего за распорядок и повестку дня. Это был один из нескольких случаев за всю жизнь Агаты, когда она получила удовольствие от контакта со своими почитателями.

Агата так всю жизнь и не простила Нэнси Нил за то, что она увела у нее Арчи, но она никогда не испытывала неприязни к Барбаре и терпеливо сносила визиты своей соперницы в Гринуэй по случаю разных «археологических событий». В преданности Барбары Максу было что-то собачье, из-за чего Агата и не чувствовала себя способной проявить к ней отрытую неприязнь. Осознание того, что Барбара запала на Макса по тем же причинам, что и она сама, когда влюбилась в него, вызывали в Агате жалость и легкое презрение к сопернице. Агата никогда не могла забыть того факта, что ее отношения с Барбарой начались как дружеские, этим и можно объяснить двойственность ее восприятия Барбары.

В 1952 году Агата опубликовала новую книгу Мэри Уэстмакотт «Дочь есть дочь», в основу которой была положена так и не поставленная пьеса, написанная ею в конце 1930-х годов и инспирированная Нэн и Юдифью. Базил Дин[77] намеревался поставить ее в 1939 году, а агенты Гертруды Лоуренс[78] проявляли интерес к роли персонажа, списанного с Нэн. Книга получилась лучше, чем пьеса, за счет изменений, рекомендованных Базилом Дином, к тому же бурные отношения между любящими друг друга матерью и дочерью в конце концов становились ровными.

Между тем «Мышеловка», основанная на радиопьесе, написанной Агатой к празднованию восьмидесятилетия королевы Мэри, была поставлена в Уэст-Энде в ноябре 1952 года. Агата предполагала, что пьеса продержится в театре не больше шести месяцев, и опрометчиво оформила весь доход от нее на своего внука Мэтью. С того времени она принесла миллионы и побила все рекорды продолжительности постановок в английских театрах. Знай она тогда, что налоговое управление США будет вести свое затянувшееся расследование ее финансовых дел вплоть

до начала 1960-х годов, она никогда не передала бы этот доход в доверительное управление школьнику в такое время, когда ее собственное финансовое положение вызывало тревогу в связи с возможным уходом от нее Макса. Она никогда не переставала сожалеть о трудностях, которые взвалила на себя.

Среди детективных произведений, созданных Агатой, пьеса «Свидетель обвинения» занимает особое место, поскольку позволяет наиболее глубоко понять суть переживаний автора. Это пьеса была впервые поставлена на лондонской сцене в 1953 году, а годом позже она пошла на Бродвее, где была отмечена редкой для триллеров наградой Нью-Йоркского кружка драматических критиков как лучшая иностранная пьеса 1954 года. Рассказ «Руки предателя», на котором основана пьеса, был написан в 1925 году юной, романтической и склонной к идеализации Арчи Агатой. В этом рассказе она (что было совсем для нее необычно) позволила беспощадному убийце избежать справедливой кары благодаря лживости женщины, потерявшей голову от любви. Режиссер Питер Сондерз и труппа настаивали на сохранении Агатой первоначального финала, однако она решительно отказалась давать разрешение на постановку пьесы, если киллер не понесет в финале заслуженного возмездия. Предательство Арчи и тайная связь Макса с Барбарой заставили ее сделать одним из постулатов своей веры то, что невинный не должен страдать от рук виновного. Ее убежденность в этом стала с годами проявляться с большей очевидностью, и после отмены смертной казни через повешение в конце 1960-х годов убийцы в ее произведениях неизменно получают наказание и возмездие от Бога.

В романе «Место назначения неизвестно», вышедшем в 1954 году, как бы слышится эхо личных переживаний Агаты. Брак главной героини, Хилари Кревен, распался. Более того, смерть дочери, Бренды, после долгой болезни оставляет Хилари без капли религиозной надежды или оптимизма по поводу будущего. После того как ее супруг попал в руки другой женщины, Хилари исчезает из холодной, туманной Англии и направляется на поиски голубого неба и солнечного света. Но, прибыв в Касабланку, она обнаруживает, что все ее проблемы так и остались с ней. Она решает покончить жизнь самоубийством с помощью снотворных таблеток, когда некий секретный агент просит ее пойти на риск и выдать себя за жену одного ученого, который таинственным образом исчез. Ей посоветовали, что наилучший способ выдать себя за кого-то — разыграть контузию, поскольку при таком состоянии возможны видимые провалы памяти и непредсказуемое поведение. Хотя эта книга и может по многим причинам считаться обычным триллером, в ней речь идет

о причинах и последствиях нарушения супружеской верности и вымышленной идентификации; и в ней четко сказано, что для человека, сталкивающегося с угрозой больших проблем, выхода может не оказаться.

Агата сублимирует свои двойственные чувства к Барбаре в своей последней и самой необычной книге «Бремя», опубликованной под псевдонимом Мэри Уэстмакотт в 1956 году. Схематизм этого повествования объясняется необычным стилем автора и ее попыткой втиснуть такое количество мыслей в небольшой по объему роман. «Бремя» — это по сути вариации на тему «Золушки»: благородная, многострадальная сестра постоянно мечтает о любви, а ее самовлюбленная перезрелая сестрица гибнет.

Лаура Франклин — забитый ребенок, мечтающий об ответной родительской любви. Для нее непереносима сама мысль о том, что Ширли, ее старшую сестру, родители любят больше, поэтому она зажигает свечу и молится о смерти сестры. Когда в ту ночь загорается дом, Лаура страшно напугана этим явным жестоким ответом Бога. Она, подвергая опасности свою жизнь, спасает Ширли и после этого дает обет всегда заботиться о ней.

Незаметно пролетело семнадцать лет, родители сестер погибли в авиакатастрофе. Лаура, долгое время заменявшая Ширли мать, была лишена собственной личной жизни. Один из обожателей Ширли, жестокий и беззаботный молодой человек по имени Генри, неожиданно появляется перед ней на мотоцикле. Завязываются романтические отношения. Выдавая замуж особу, образ которой списан с Барбары, за Генри, в котором явно угадываются черты Арчи, Агата как бы укрепляет свою уверенность в том, что, знай Барбара обо всех радостях и мучениях, которые выпадают на долю любящих, она и в мыслях никогда бы осмелилась покуситься на чувства Макса к Агате.

Ширли вскоре узнает, что значит быть замужем за неверным мужем, который к тому же еще и весь в долгах. После того как Генри покалечили при игре в поло, он срывает злость на жене. Не помня себя от жалости к сестре, Лаура дает своему зятю повышенную дозу таблеток для сна, рассчитывая таким образом освободить сестру от этого брака. Убитая горем вдова впоследствии узнает, что ее долгожданный вовсе не сбежал от нее вместе с симпатичным и тактичным сэром Ричардом Уайлдингом.

Ширли становится алкоголичкой. Прожив три года в браке со страдающим старческим слабоумием сэром Ричардом на одном из островов в окружении роскоши, Ширли понимает, что это совсем не то, что ей нужно от жизни. Она признается Ллиуэлину Ноксу, бывшему американскому евангелисту, что, хотя она и не

была очень счастлива с Генри, их брак в известном смысле можно считать нормальным — это была та жизнь, которую она выбрала.

Она оплакивает преждевременную кончину Генри, и ее чувствительные сантименты, исходящие непосредственно из сердца автора, описывают человека, которого Агата все еще любит; пусть он грубый, эгоистичный, но в то же время, веселый и очаровательный — вот таким он ей и нравится. Она говорит, что все еще любит его и скорее предпочтет быть несчастной с ним, чем иметь «сытый покой и комфорт» без него. Ширли признается, что ненавидит Бога за то, что Он позволил Генри умереть, а Ллиуэлин с грустью поучает ее, что уж лучше ненавидеть Бога, чем ближнего своего, поскольку Бог всегда является козлом отпущения, взваливая на Свои плечи бремя и нашей радости, и нашей боли.

В финальной части книги, в которой последовательность событий сжата чуть не до абсурда, Лаура узнает от Ллиуэлина о том, что Ширли погибла, появившись в пьяном виде перед проходившим автомобилем. Лаура буквально сражена известием о смерти сестры и пытается выяснить, не была ли эта смерть самоубийством, но Ллиуэлин заверяет ее, что это был несчастный случай. Лаура признается в своей причастности к смерти Генри и объясняет, как она пыталась освободиться от вины за это, управляя заведением для «умственно неполноценных детей». Ллиуэлин объявляет ей, что влюбился в нее, и Лаура принимает его предложение стать его женой, хотя с момента их встречи не прошло и суток. Агата с пренебрежением относилась к религии, поставленной на коммерческую основу, однако вышедший на пенсию евангелист — это, по ее мнению, самый подходящий супруг для Лауры, потому что он сохранил и свою униженность, и веру в Бога. Повествование имеет счастливый конец: впервые Лаура любит.

Конец в стиле сказки о Золушке требует обязательного исполнения желаний — именно это и устраивает Агату. Чрезмерная учтивость, которую Макс всегда проявлял по отношению к ней, помогала сохранить брак, несмотря на непрекращающуюся связь с Барбарой. Для Агаты домашние собачки, самые верные спутники в жизни, и кошки были постоянными источниками комфорта во время приступов злобы, депрессии и периодически повторяющихся вспышек псориаза.

В том году был и повод для празднования: Агата была награждена орденом Командора Британской империи за ее вклад в детективную литературу и сценическую деятельность, как было объявлено в новогоднем почетном списке. «Одно очко наше!» — с триумфом писала она Эдмонду Корку из Багдада, где в то время

помогала Максу в работе. Несмотря на приподнятое настроение, слава и известность никогда не владели ее сознанием и умом, хотя и по сию пору она остается исключительно прославленной женщиной.

Воспоминания о ее исчезновении время от времени нет-нет да и всплывали. Ее очень расстроила статья о неуловимом авторе романов-бестселлеров Ровене Фара, появившаяся в «Дейли мейл» 19 февраля 1957 года, в которой Кеннет Олторп допустил такой комментарий: «Я уверен, что он не повторяет со мной трюк Агаты Кристи». Нэн была вне подозрений: она надежнее любого сейфа хранила тайну Агаты, и Эдмонду Корку пришлось пригласить на обед одного из высших менеджеров «Дейли мейл», чтобы указать ему на дурной вкус, проявляемый его газетой, вытащившей на свет историю исчезновения его клиента.

Хотя эта, в общем-то безвредная статья не заслужила такого резкого ответа, постоянное напоминание об инциденте заставило Агату быть при контактах с публикой еще более осмотрительной, чем прежде. При этом она оставалась исключительно скромной. В 1957 году вышел роман «В 4.50 от Паддингтона». Эта увлекательная таинственная история, в которой описан эпизод ловкого избавления от тела, выброшенного из проходящего поезда на железнодорожную насыпь, расположенную на землях родового поместья, — это было навеяно воспоминаниями о железнодорожной линии, примыкающей к углу земельного участка, на котором располагался Эбни-Холл. По мнению критиков, в этой книге описано одно из самых тонких и изящных расследований, проведенных мисс Марпл.

Однажды Агата, оказавшись днем на Паддингтонском вокзале, зашла в вокзальный книжный магазин, купить что-нибудь почитать. Продавец, заметив ее, вежливо поздоровался и предложил ей книгу, заметив, что все постоянные покупатели уже купили по такой книге и, прочитав, очень хвалили ее, но ответ Агаты был уклончивым. Наконец он с недоверием спросил: «Так вы что, не хотите ее прочесть?» Агата ответила, что не очень интересуется подобными книгами. Этот инцидент ее развеселил, потому что, как она позже рассказывала родным и друзьям, если бы продавец посмотрел на заднюю страницу обложки, то сразу увидел бы ее портрет.

Живя летом в Гринуэе, Агата каждое воскресенье ходила в черстонскую церковь. Восточное окно выглядело слишком уж простым, и она дала денег на новое стекло с росписью, поинтересовавшись, можно ли будет разместить на стекле пейзаж пастбища с овцами, поскольку чувствовала, что дети будут реагировать на эту картину так же, как она сама. Агата никогда

не забывала, с чем ассоциировался у нее в детстве вид неба. После установки стекла с росписями из жизни Христа в июле 1957 года Грэм по ее просьбе сделал фотографии обновленного окна.

В октябре того года Агата начала работу над новым детективным романом «Испытание невиновностью». Обычно она старалась закончить работу над новым произведением как можно скорее, но в этот раз вдруг отложила начатый роман и принялась за необыкновенный рассказ «Кукла портнихи», в котором она дала выход своим чувствам к Барбаре. Одетая в бархат и шелк кукла в рост человека — это марионетка, декадентская поделка двадцатого века, завлекающая в пошивочное ателье. Она странно, словно живая, подпрыгивает, сидит возле телефона или на диване среди подушек; у нее печальный и в то же время хитрый взгляд, твердый и всезнающий. Женщины, работавшие в ателье, не знают, как она очутилась там, но чувствуют опасность и страх, когда кукла начинает жить собственной жизнью. Боясь, что это не кончится добром, одна из женщин выбрасывает куклу в окно. Ее взволнованная товарка упрекает ее в том, что она «убила» куклу, но тут, к их ужасу, уличная бродяжка хватает куклу и пытается с нею бежать. Перепуганные женщины бросаются за ней в погоню, но девчонка не отдает свою находку, крича, что любит ее и что кукле больше всего хочется быть любимой. Несчастное и в то же время опасное создание — таким образом Агата выразила свои двойственные чувства к Барбаре.

Юдифь Гарднер утверждала, что Барбара превратила себя в незаменимого сотрудника для Макса и Агаты, благодаря чему могла регулярно бывать в Гринуэе. Она явно была более важным и ответственным лицом, нежели секретарь. Взаимная страсть Макса и Барбары заставила их забыть об осторожности. Однажды Грэм застал их обнимающимися возле сарая для лодок; в другой раз, в сумерках, они обнимались на гринуэйской переправе. У Макса вошло в привычку, вставая из-за стола после обеда, объявлять, что ему «надо пойти наверх и поработать с бумагами». Пока Макс и Барбара проводили время наверху, Агата и Нэн, сидя в библиотеке, разгадывали кроссворды.

«Ночь тысячи звезд» — так называлось красочное шоу, поставленное театральным режиссером Питером Сондерсом в «Савое» 13 апреля 1958 года, которым отмечалось самое долгое в истории британского театра пребывание на сцене пьесы «Мышеловка». Для Агаты это мероприятие было скорее удручающим, и не только потому, что пресса была задействована в нем в полную силу. Как самая важная звезда этого шоу, Агата, хотя и не совсем охотно, согласилась приехать пораньше, чтобы

принять участие в намеченной фотосессии. При этом официальному распорядителю было приказано: в эти полчаса не пропускать никого в танцевальный зал.

Ответ Агаты на отказ пропустить ее был крайне необычным: она просто повернулась и ушла, хотя, для того чтобы ее пропустили, ей надо было лишь сказать, кто она и зачем пришла. Каким-то образом ее все-таки пропустили; фотографии, на которых она разрезает торт, были сделаны, и шоу пошло своим чередом. История о том, что писательница криминальных романов на деле оказалась настолько скромной и стеснительной особой, что позволила не пустить себя на торжество, появилась на следующий день в газетах и, как ни странно, помогла удержать на дистанции журналистов и почитателей, которые изнемогали от желания подобраться поближе.

Агате не очень хотелось показывать себя публике на фотографиях; ее лицо увяло, к тому же, фотографии, запечатлевшие ее рядом с привлекательными молодыми актрисами, лишь расстраивали ее. И все-таки она, покорно стоя рядом с Питером Сондерсом, приветствовала прибывавших гостей. Позже она согласилась произнести краткую речь, и ее все еще певучий девичий голос задрожал от внутреннего волнения, когда она призналась: «Для меня легче написать десять пьес, чем произнести одну речь».

Агата гордилась своими достижениями в области театра, в особенности пьесой «Мышеловка», но вместе с тем она сожалела о той поспешности, с которой передала все доходы от нее своему любимому внуку. «Ой, ну зачем я отдала весь свой авторский гонорар Мэтью? — как-то плакалась Агата Нэн. — Ведь это единственная из моих пьес, которая принесла хоть какие-то деньги».

К этому времени уже десять лет Макс был ей неверен, и она внушила себе, что теперь у нее уже меньше причин опасаться ухода Макса, чем ей поначалу казалось. Она вошла в некую жизненную фазу, когда ей нравилось думать о своей «второй весне», и она убедила себя, что физическая страсть между мужем и женой не является необходимым условием полностью удачного брака. Она чувствовала приток свежих творческих идей, пробуждаемых ее путешествиями с Максом, посещениями театральных и оперных спектаклей, а также чтением. Но несмотря на все это, она по-прежнему горевала о потерянной для нее любви Макса.

Ради подтверждения того, что значит для нее любовь Макса, она написала пьесу «Вердикт». Поначалу она хотела озаглавить ее «Нет полей амаранта», поскольку строки из «Воображаемых

бесед» Уолтера Сэвиджа Ландора[79] звучат в этой пьесе: «Нет полей амаранта по ту сторону могилы», — но такое заглавие уже было использовано другим драматургом. Хотя убийство совершается на глазах у зрителей уже в конце первого акта, «Вердикт» — это чисто любовная история с подтекстом, намекающим на то, что за жизнь с идеалистом часто приходится платить высокую цену.

Макс явился прототипом главного героя, Карла Хендрика, университетского профессора, который жертвует любимой женщиной ради своих идеалов и работы. Его физически немощная жена Аниа упрекает Карла за то, что он из-за своей работы совершенно не обращает на нее внимания. Когда Аниа умирает после того, как одна из студенток, Элен, влюбленная в ее мужа, дает ей завышенную дозу лекарства, ничего не подозревающий Карл не находит себе места, подозревая жену в самоубийстве. В поисках сочувствия он обращается к своей секретарше, Лизе. Они всегда любили друг друга, но открыто не признавались в этом, пока Аниа была жива. В отчаянной попытке удержать Карла Элен признается в убийстве его жены. Карл ошеломлен и потрясен, но обратиться в полицию не решается, жалея Элен и понимая, что местью Ании не вернуть.

Принятое им решение приводит к необоснованному аресту Лизы за несовершенное убийство. Когда он рассказывает полиции о признании Элен, они ему не верят, потому что Элен только что погибла в результате дорожной аварии, а он, по их мнению, пытается спасти Лизу от виселицы. После того как Лиза оправдана, она решает: начать ли жизнь сначала или провести ее остаток с идеалистом, причиняющим боль тем, кто его любит? В ее сердце так никогда и не находится места реальному соперничеству. Ее мотив остаться с человеком, которого она любит, появляется непосредственно из сердца той, что создала этот персонаж: «Потому что я дура!»

Не видя внешнего подтверждения факта, что Макс больше не любит ее, Агата открыто дает выход своей философии о взаимоотношении полов, когда устами одного из своих персонажей заявляет, что молодежь ошибается, полагая, что любовь связана лишь с очарованием, желанием и сексуальной привлекательностью: «Это лишь естественный старт всего процесса. Это, если хотите, снежный цветок. А любовь — это корень. Он под землей, его не видно, да и смотреть-то не на что, но жизнь именно там».

«Вердикт» не принес практически никаких кассовых сборов только лишь потому, что основную массу зрителей привлекло в театр имя автора. Они ожидали увидеть на сцене зал судебных

заседаний, где развернется напряженный триллер, глядя на который они в невольном азарте сползут на краешки своих стульев. Хотя Агата и отыграла этот неудачный ход, написав в течение месяца удачный сценический триллер «Неожиданный гость», она долго не могла прийти в себя от того, как публика приняла «Вердикт». Впоследствии она утверждала, что, за исключением «Свидетеля обвинения», это была лучшая из пьес, когда-либо написанных ею. «Вердикт», все еще ожидающий должной оценки, остается наиболее элегической пьесой о человеческих взаимоотношениях. Постановка наверняка была бы успешной, появись пьеса на сцене под псевдонимом.

Прошлое вновь напомнило о себе, когда в 1958 году был продан Эбни-Холл и когда в августе того же года Нэнси умерла от рака. Агата, не видевшаяся с Арчи все эти годы после их развода, все-таки написала ему письмо с выражением соболезнования. Он в свою очередь нашел в себе силы позабыть о горечи прошлого и написал ей ответ, в котором сообщал, насколько сильно тронуло его то, что она ничем не омрачила ему три десятилетия счастливой жизни с Нэнси.

После женитьбы Арчи с Нэнси жили в Хемпстеде, на севере Лондона. В 1930 году родился их сын, Арчибальд, и семейство Кристи переехало в Джунипер-Хилл в Суррее, поближе к Мадж и Сэму Джеймсам, оказавшим им гостеприимство в памятную ночь исчезновения Агаты. Их любовь выдержала и преследования прессы, и скандальную известность на протяжении всего 1926 года, гольф так и остался всепоглощающим хобби этой супружеской пары, на заднем крыльце их дома постоянно громоздилась куча клюшек. Они вели открытую жизнь семьи, в которой супруги любят друг друга.

После смерти Сэма Джеймса Арчи следил за ежегодными финансовыми отчетами, которые предоставлялись Мадж, и продолжал свою исключительно успешную службу в компании в качестве директора. В знак продолжительной дружбы, которая поддержала их в чрезвычайно трудное время, Нэнси завещала Мадж брошь с аквамарином в золотой оправе, отметив это в своем завещании.

В середине 1959 года известие о том, что у Нэн, золовки Агаты и ее лучшей подруги, диагностировали рак легких и что ей осталось жить не более шести месяцев, повергло Агату в шок. Всю жизнь Нэн была заядлой курильщицей. Она навсегда уехала из Лондона и жила рядом с Агатой, на той же улице, что и ее дочь Юдифь с зятем Грэмом. Нэн было уже семьдесят, а Агате шестьдесят восемь. Реакция Нэн на свою болезнь была своеобразной: она продолжала вести самую бесшабашную жизнь,

на какую была способна, гоняя, как раньше, во всю мочь на машине.

Но, несмотря на неукротимый дух, она продолжала худеть, и ее состояние быстро ухудшалось. В конце концов ее перевели в дом престарелых с медицинским обслуживанием в Торке, где она могла наблюдать за парящими полетами чаек над заливом. Агата навещала Нэн дважды в последнюю неделю ее жизни. Они говорили о прежних днях, вспоминали, как веселились. Перед концом произошел привычный, освещенный временем ритуал: последняя книга Агаты «Кошка среди голубей» с надписью на форзаце: «Нэн, с которой мы вместе обучались охоте». Нэн скончалась 2 декабря в возрасте семидесяти одного года, оставив Агату безутешной — она потеряла самую лучшую, самую близкую подругу.

25
Посвящение в рыцари и напоминания о прошлом

После смерти Нэн Агата написала Юдифи трогательное письмо с выражением соболезнований, в котором заверяла ее, что, если ей или Грэму когда-либо потребуется помощь или иная услуга от человека более старшего возраста, она всегда рядом: «Вы можете считать меня своей матерью». Супруги бережно, как реликвию, хранили это письмо. Собственность Нэн и первые издания книг Агаты с ее дарственными надписями конечно же перешли к Юдифи.

Кончина Нэн и другие болезненные аспекты ее прошлого менее удручающе действовали на Агату после того, как Грэм, который так же, как она, был увлечен временем, его физической и философской сутью, подарил ей книгу Джеймса Коулмана «Относительность для дилетантов», купленную специально для нее в единственном книжном магазине в Дартмуте. Эта книга с объяснением относительности времени помогла Агате примириться и свыкнуться с утратами, что, в свою очередь, еще сильнее притянуло ее к религии.

Когда Кристианна Бранд, автор детективных романов, сказала Агате, что Ритчи Калдер, в прошлом начинающий репортер в «Дейли мейл», замыслил написать статью о злополучном исчезновении и приурочить ее к семидесятилетию писательницы в сентябре 1960 года, Агата, передавая эту информацию своему литературному агенту Эдмонду Корку, приняла намеренно философический тон. Она просила его не волноваться из-за того, что эта новость уже достигла ее ушей, это было лишь одним из многочисленных напоминаний о прошлом, которых с каждым годом становится все больше, — да и какое, в конце концов, это имеет значение, когда прошло уже столько времени? Сейчас мне семьдесят, пояснила она, и мне все равно, что говорят обо мне люди. А эти напоминания, добавила Агата, «просто немного надоедают», и чем меньше обращаешь на них внимания, тем лучше.

К этому времени финансовое положение Агаты становилось более прочным. Ее решение продать права на экранизацию ее произведений компании «Метро-Голдвин-Майер» было принято после обсуждения с Грэмом и ее зятем Энтони Хиксом. Она ценила деловую хватку обоих мужчин, но спросила каждого в отдельности о их мнении насчет создания компании, которая

вела бы ее литературные дела. Прислушавшись к их советам, она поняла, какие преимущества обеспечит ей создание компании «Агата Кристи Лтд». Преимущества эти будут состоять в том, что она будет получать ежегодный фиксированный доход от законченных рукописей, а созданная компания примет на себя ответственность за решение всех ее проблем, а также освободит ее от головной боли, связанной с издательским бизнесом. Советники и бухгалтеры без устали работали со времени окончания Второй мировой войны над тем, чтобы распутать клубок проблем с ее финансами, но с 1960 года ее денежные дела значительно упростились.

В 1961 году племянник Агаты, Джек Уотсон, сломал ногу во время танцев. Через четыре дня он умер от образовавшегося тромба. Агата, Розалинд, Мэтью и Юдифь явились наследниками, указанными в завещании Джека. Агата унаследовала его лондонский дом на Честер-стрит. На поминках она спросила Грэма, не захочет ли он поехать в будущем году на Средний Восток, чтобы сделать для Макса археологические фотографии. Хотя сами раскопки уже закончились, оставалось еще много работы, связанной с подготовкой его книги «Нимруд и то, что от него осталось». Грэма заинтересовало предложение, которое они детально обсудили с Максом.

До Агаты между тем дошло, что процесс ее выпутывания из финансовых дел не проходит без подвохов и просчетов. Компания «Метро-Голдвин-Майер» выпустила между 1962 и 1964 годами четыре фильма о приключениях мисс Марпл, которую сыграла Маргарет Радерфорд, и все фильмы не понравились Агате из-за того, что хорошей актрисе дали неподходящую для нее роль. Тем не менее Агата посвятила свой роман «Разбилось зеркало, звеня»: «Маргарет Радерфорд с восхищением». В нем Агата с легким сердцем вспоминает амнезию, когда одна из персонажей, мисс Найт, говоря о леди Конуэй, подмечает, что память у нее настолько слабая, что она не в состоянии узнать своих родственников, чтобы попросить их уйти прочь. Мисс Марпл предполагает, что это скорее проницательность и дальновидность, но никак не потеря памяти.

В феврале 1962 года, до конца зимы, Юдифь и Грэм поехали в Багдад, где Грэм должен был сфотографировать большой набор артефактов, добытых Максом при раскопках. Макс добился выделения необходимых для Грэма средств в казначействе колледжа. Юдифь сопровождала своего мужа на средства, выделенные Агатой. Грэм вспоминал, что Агата хотела, чтобы они с Юдифью почувствовали «красоту и романтизм пустыни», словно через них она снова хотела вернуться к ранним дням своей жизни

с Максом, «когда она была так счастлива и любима».

Они остановились в одном из домов в Багдаде, приобретенном в 1948 году Британской археологической школой. Грэм целыми днями пропадал в Департаменте по делам древностей Ирака, фотографируя экспонаты фондов. Юдифь проводила время в беседах с местными археологами и осматривала городские достопримечательности в компании иракцев, разделявших ее любовь к искусству. Супругов настолько потрясла красота Среднего Востока, что им даже нравилось почти первобытное существование в лагерях археологов в пустыне, включая и Мосул, где самый поразительный вид на живописные красоты, от которых буквально перехватывало дыхание, открывался с сиденья прилепившейся к склону холма уборной, в которой было три стены и не было двери.

Когда Грэм перед отъездом в Багдад заглянул в квартиру на Мэллоуванз Свэн-Коурт в Лондоне, им с Юдифью неожиданно представился случай убедиться в том, насколько серьезны отношения между Максом и Барбарой. Макс тайно встречался там с Барбарой, но тут допустил ошибку, позабыв о том, что просил Грэма заглянуть туда перед отъездом и получить последние инструкции по фотографированию нимрудских экспонатов. Юдифь и Грэм были уверены, что Агате известно об этой связи, но они никогда не упоминали при ней о месте встреч любовников, ибо знали, насколько сильно пугает ее перспектива еще одного развода.

Однако вскоре пришло время еще одного напоминания Агате о прошлом, от которого никто не мог ее защитить. Арчи, самая большая любовь в ее жизни, скончался 20 декабря 1962 года. Ему было семьдесят три года, и те самые проблемы, из-за которых ему когда-то пришлось прервать свою карьеру пилота, привели в последние годы к астме и тяжелым бронхиальным осложнениям. Арчи не был религиозным человеком, а потому в своем завещании указал, что похороны должны проходить без цветов, панихиды и заупокойной службы.

Очередной удар Агата получила, когда до нее с запозданием дошло известие о том, что дом в Торке, в котором прошли ее детские годы, предназначен под снос ввиду расширения границ города. Она немедленно предприняла все возможные действия, но было слишком поздно, и спасти Эшфилд не удалось. Юдифь вспоминает, как безутешно рыдала Агата, узнав о том, что дом снесли. Эшфилд значил для нее больше, нежели просто воспоминания о детстве: там она принимала ухаживания Арчи, там родилась Розалинд. Знай Агата о том, что Макс предаст ее, она бы никогда не поддалась на уговоры и не согласилась

продать Эшфилд несколько лет назад.

К этому времени Агата была уже самым продаваемым в мире автором, пишущим на английском языке. Потенциальные биографы постоянно докучали ей с просьбами о помощи в исследовании ее жизни и творчества. Ее отказы были категоричными и непреклонными — ее пугала сама мысль о том, что историю ее исчезновения могут снова вытащить на публику после стольких лет кажущегося забвения. Это и побудило ее закончить последние главы автобиографии в октябре 1965 года, она подозревала, что немалое число ее биографий будет написано после ее смерти, а поэтому хотела дать людям возможность прочесть ее собственный посмертный отчет о жизни. Свои мемуары она закончила словами о том, что в свои семьдесят пять лет она хочет поблагодарить Бога за свою хорошую жизнь и за всю любовь, которая была ей суждена.

Весь 1966 год Агата читала и перечитывала свои мемуары. Она отвергала все предложения об их прижизненном опубликовании, реакция публики ее не интересовала, поскольку она была больше чем уверена, что люди захотят узнать, почему она не упомянула историю своего исчезновения. Общий объем книги был более пятисот страниц, однако все послевоенные годы были втиснуты в тридцать с небольшим страниц. Смерть Арчи она обошла многозначительным молчанием. По каким-то причинам в мемуарах не было даже и намека на непорядочное поведение Макса в качестве супруга. Вместо этого основное внимание Агата сконцентрировала на воспоминаниях о приятных минутах, связанных с премьерным показом пьесы «Свидетель обвинения», и археологических открытиях, сделанным ею вместе с Максом. Ее всегда интересовала и привлекала история, и ей было приятно сознавать, что и она внесла свой посильный вклад в ее понимание. Несмотря на указанные опущения, чтение этой автобиографии доставляет большое удовольствие; она как бы свидетельствует об огромных радостях, дарованных Агате жизнью.

Опубликование в 1966 году книги Макса «Нимруд и то, что от него осталось», явившейся результатом работы, которой он посвятил всю жизнь, сделало его одним из ведущих авторитетов в этой области. Гордость Агаты за своего прославившегося супруга омрачалась знанием о его неверности, но она утешала себя тем фактом, что сердечный приступ средней тяжести, случившийся с Максом пять лет назад, все-таки не разлучил их. Она все в большей степени полагалась на него, когда необходимо было защитить ее личную жизнь от чересчур рьяных журналистов и почитателей, а в этих делах он всегда обеспечивал ей крепкую и

надежную поддержку. Приятели Макса вспоминают о его явном преувеличении собственных достижений в области археологии, однако большинство относилось к нему с уважением и даже с благоговением.

Наименее назойливыми Агата считала тех своих почитателей, которые в письмах просили автограф; те, кто просил фотографию, получали твердый отказ. Она по-прежнему сожалела о прошедшей юности. В своих мемуарах она описывает несколько случаев, имевших место в последние годы, когда ей представлялась возможность встретиться с неназванным кавалером из ее прошлого. Этим кавалером был Эймиас Бостон. Она знала, что он помнит ее милой юной девушкой на пикнике под лунным светом в Энстиз-Кау, и страшно переживала, не желая показывать, как прошедшие годы изменили ее, — вот потому она и отказывалась встречаться с ним.

По мере того как Агата становилась старше, ее детективы выражали все больше ее личных вкусов и мнений. Отчасти это объясняется тем, что сюжеты ее произведений стали уже не столь сжатыми и четкими, а надиктовывание на магнитофон делало стиль повествования более многословным и расплывчатым. Ее мнения по таким разнообразным темам, как сантехника в сортире, удобные кресла для пожилых, бельевые ткани и возможность отведать настоящий маффин, можно найти на страницах ее вышедшего в 1965 году романа «Отель "Бертрам"». В то же время ее взгляды на то, как одевается молодежь, более ясно выражены в романе «Третья девушка», изданном в 1966 году. Агата считала, что молодые девушки буквально из кожи вон лезут, чтобы выглядеть грязными и непривлекательными, а вот к мужчинам 1960-х годов она относилась более благосклонно, потому что они привлекали ее сходством с «портретами Ван-Дейка, с которых смотрели мужчины с вьющимися волосами, одетые в бархат и шелка». Ее более поздние произведения намного более информативны для изучения взглядов их много пожившего создателя.

Ее романтические идеалы лишь немного изменились с того времени, когда в своей поэме «Баллада о кремне» она вывела Арчи в образе предводителя викингов. В романе «Бесконечная ночь», изданном в 1967 году, один молодой персонаж наделяет соблазнительницу самыми яркими чертами славной, сексуальной златокудрой валькирии, называя ее самым красивым созданием, из всех когда-либо им виденных: «Она благоухает, пленяет и соблазняет сексом…» Эта книга утверждает, что любовь нельзя разжечь, принеся ей в жертву девственность.

Люди, становясь старше, часто теряют контакт с

подрастающим поколением. Но, судя по «Бесконечной ночи», одной из лучших и наиболее необычных последних книг Агаты, с ней ничего подобного не произошло. Мир конечно же изменился, и она очень переживала по поводу роста насилия в британском обществе. «Иногда мне просто страшно жить в этой стране, — говорила она, — потому что здесь я явно ощущаю тенденцию получать удовольствие, совершая жестокость просто из любви к жестокости».

В 1967 году Гордон Рамзи, американский академик, выпустил полный библиографический перечень произведений Агаты, под названием «Агата Кристи: Владычица тайн», сопроводив его исключительно доброжелательными оценками. Литературный консультант Агаты еще раньше советовал ей сотрудничать с американцем, поскольку здесь, на родине, их старания постоянно информировать публику о ее новых многочисленных публикациях наталкивались на значительные затруднения. Поначалу Агата пригласила его побывать у нее в Лондоне, а также обещала принять его в Гринуэе, но ограничила тематику их бесед в основном ее книгами, практически исключив из обсуждения какие-либо частные аспекты своей жизни. Вскоре Агате надоело помогать ему в его изысканиях, и она, сменив благожелательную позицию на глухую оборону, даже запретила ему упоминать о двух еще не изданных книгах, которые она хранила в резерве с 1940-х годов: «Занавес: последнее дело Пуаро» и «Спящее убийство: последнее дело мисс Марпл».

Она весьма необычным образом отреагировала на его попытки обсудить темы этих романов, поскольку еще раньше упоминала об их существовании Френсису Уиндему в одном из своих редких интервью еженедельному обозрению «Санди таймс уикли ревью» 27 февраля предыдущего года. Самым неприятным для Агаты было упоминание той части ее библиографии, которая относилась к периоду ее исчезновения в 1926 году, хотя Гордон Рамзи практически исключил этот скандальный эпизод, уделив ему лишь полстраницы с объяснением, что писательница во время исчезновения страдала от амнезии.

В 1968 году Макс за работы в археологии был возведен в рыцарский сан. Агата восприняла это известие с радостью и чувством удовлетворения, понимая, что, не финансируй она его экспедиции, он не достиг бы столь значительных успехов. К тому же то, что она стала леди Моллоуэн, означало претворение в жизнь ее детских амбициозных мечтаний стать «леди Агатой», а ее титул намного лучше, чем имя «миссис Моллоуэн», помогал ей скрывать свою идентичность от назойливых почитателей. Барбара, пребывая в это время как бы на заднем плане, делала

все, чтобы быть для Макса, как всегда, необходимой, а жена стоически взирала невидящим оком на их взаимоотношения.

Агата всегда оставалась чрезвычайно чувствительной к любым упоминаниям о ее исчезновении. Например, когда один американский издатель обратился к ней с просьбой завершить разработку сюжета, начатого еще Франклином Рузвельтом, об одном человеке, успешно разработавшем план своего исчезновения, Агата наотрез отказалась сотрудничать в этом проекте. Стела Керуан, работавшая в то время секретарем Агаты, приложила немалые усилия, внушая продюсеру телевизионного сериала «Это ваша жизнь», что для Агаты ничего не может быть хуже, чем представить свою личную жизнь на суд телевизионной аудитории. Обеспечить неприкосновенность личной жизни было для Агаты делом первостепенной важности, и она испытала почти физические страдания, увидев несогласованные с ней фотографии Гринуэя, снятые с воздуха по заказу какого-то журнала.

Ближе всего к воспоминаниям о своем прошлом Агата, ослабив обычную глухую защиту, подпустила симпатичного журналиста Марселла Бернстайна, бравшего у нее широко разрекламированное интервью, появившееся в «Обзервере» 14 декабря 1969 года: «Я вышла замуж в 24 года, и мы были счастливы 11 лет. А затем умерла моя мама, она очень тяжело умирала, и мой муж нашел себе молодую женщину. Поймите, вы не можете написать свою судьбу: ваша судьба сама к вам приходит. Но вы можете делать все что вам заблагорассудится с персонажами, которые вы создаете».

У Агаты были все основания идеализировать свой первый брак. Известный художник Оскар Кокошка, которому она в том же году позировала для своего портрета, подметил ее привычку постукивать по подлокотнику кресла кончиками пальцев, которые в то время из-за псориазных высыпаний причиняли ей боль. Она все еще страдала из-за связи Макса с Барбарой, которую они и не помышляли прекращать. Положение неожиданно усугубил какой-то неизвестный журналист (правда, он ничего не знал о проблемах, возникших во втором браке Агаты), вложив в ее уста следующую сентенцию: «Преимущество быть замужем за археологом состоит в том, что чем старше вы становитесь, тем больший интерес он проявляет к вам». У Агаты это приписываемое ей высказывание буквально вызывало приступы ненависти, и она всегда отрицала, что говорила что-либо подобное.

26
Сумеречные годы

В 1970-х годах Агата была на пике славы, и тем ее почитателям, которые с готовностью ждали в канун каждого Рождества нового подарка «От миссис Кристи к Рождеству», казалось, будто она, ради блага самих читателей, не потерпит никакого серьезного соперничества. Десятилетие началось с публикации романа «Пассажир из Франкфурта», который стал бестселлером в Британии и в Соединенных Штатах. Однако поначалу ее британские издатели колебались, издавать или не издавать эту книгу вообще, и решили издавать при условии, что Агата снабдит роман подзаголовком «Фантастическое произведение» и в предисловии объяснит, зачем она вообще написала эту книгу.

«Пассажиром из Франкфурта» Агата открыла новое направление в детективной литературе — международный триллер, в котором присутствуют такие сюжетные компоненты, как терроризм, воздушное пиратство и попытка возрождения нацистской Германии, предпринятая сыном Адольфа Гитлера. Хотя сюжет этого романа совершенно необычен для творчества Агаты Кристи, интересно отметить, что книга притягивает внимание читателя к успешным поискам целительного средства «Бенво», кодового названия лекарства, инъекция которого эффективно подавляет импульсы ярости, за счет создание в психике человека постоянного благожелательного состояния. Читатели, которым не нравится эта книга, часто упускают из виду то, насколько сильно волновал ее рост насилия, который она ощущала и который видела сначала в Британии, а потом распространившимся, как пандемия, по всему миру.

Отношения Макса с Барбарой продолжались, но самоуважение Агаты, несмотря на это, росло, особенно после того как она узнала о том, что в новогоднем почетном списке 1971 года объявлено о присвоении ей титула Дама-Командор ордена Британской империи. Агата, ярая монархистка, была счастлива получить этот титул из рук самой королевы. Даже внимание прессы не могло воспрепятствовать ей посетить процедуру присвоения титула в Букингемском дворце, хотя предложения журналистов об интервью она отклонила.

Ее новая книга «Немезида», явившаяся возвратом к прославившим ее «домашним» детективным романам, была начата в январе 1971 года, и Агата в своей тетради после своего

имени и титула добавила трехбуквенную аббревиатуру DBE[80]. В основу сюжета положен безнравственный поступок, который может быть результатом плачевно закончившейся любви, а это по ее литературным канонам является наиболее мощным эмоциональным мотивом преступления.

В июне в Ньюффилдском ортопедическом госпитале в Оксфорде ей проводили курс лечения ребра, сломанного при падении в Уинтербруке, после чего она в течение недели испытывала боль при ходьбе. Юдифь и Грэм советовали ей сразу же показаться врачу. Агата отмахнулась от совета, считая боль результатом ушиба и кровоподтека, но дело оказалось намного серьезнее.

Макс тем временем забеспокоился об их финансовом положении. Кроме содержания Гринуэя и Уинтербрука, возникли еще и расходы на содержание его нового «мерседеса» и лондонской квартиры на Свэн-Коут, в которой он проводил время с Барбарой. Юдифь и Грэма буквально приводило в бешенство то, как мало заботил его покой Агаты: люстра, висевшая в зале в Уинтербруке, однажды рухнула на пол, дырявая крыша текла — дому требовались срочные меры по сохранению, иначе говоря, ремонт. Агата была состоятельной женщиной, но большинство ее финансовых средств находилось в распоряжении различных фондов и предназначалось для поддержки семьи в случае ее смерти. Деньги на текущие расходы поступали только от компании «Агата Кристи Лтд». То, что Макс содержал Барбару, еще больше усиливало его волнение из-за финансов, вспоминает Грэм.

Самоуважение Агаты получило в том же году еще одно подкрепление, когда мадам Тюссо выразила желание иметь в своем музее ее восковую фигуру. Агата с удовольствие приняла это предложение, потому что в детские годы всегда с удовольствием бывала в лондонском музее восковых фигур.

В 1972 году Майкл Паркинсон, ведущий телевизионных ток-шоу, собирал материалы для «Исповедального альбома Майкла Паркинсона — 1973 года», для которого известных людей просили сделать записи о том, что им нравится и что не нравится. Агата всегда уклонялась от участия в публичных опросах, но тут она с радостью согласилась, поскольку делать записи в семейном исповедальном альбоме было излюбленным занятием ее детства. Она поведала, что идеалом красоты в природе для нее является «полянка с подснежниками весной»; перечислила своих любимых композиторов: Элгара, Сибелиуса и Вагнера; назвала своей самой любимой пьесой «Убийство в соборе» Томаса Элиота. Ее любимой цитатой оказалась строка Томаса Брауна «Жизнь — это чистое

пламя, а в каждом из нас горит невидимое солнце, благодаря ему мы и живем»; своим девизом она избрала изречение доктора Джонсона: «Дело жизни — стремиться вперед». Качествами, которые ей больше всего нравятся в мужчинах, она назвала «цельность и хорошие манеры». На вопрос о том, кто были героями в ее реальной жизни, она ответила: «Никто. Я не поклонница героев». Этот крутой поворот во взглядах от ярко романтического восприятия мира в период ее первого замужества, свидетельствует о том, как сильно изменилась она за прошедшие годы. Однако своими любимыми героинями в реальной жизни она все-таки назвала «Малых сестер бедных»[81].

Когда издатели «Книги рекордов Гиннеса» обратились к ней с просьбой воспроизвести в книге страницу из «Немезиды» с ее правкой, она согласилась. Редакторская правка было как раз то, что она делала особенно хорошо, а сейчас это был козырь на руках у женщины, грамматика и литературный стиль которой часто, хотя подчас и оправданно, высмеивались ее критиками. Их обычная ошибка заключалась в том, что они считали ее романисткой, тогда как она была по-настоящему великой рассказчицей. Особенно хорошо она писала о детях; ей удавалось с одинаковой убедительностью писать от первого лица, независимо от того, было оно мужчиной или женщиной. Фактически Агата часто умаляла достоинства своих сочинений, называя себя «хорошей, честной ремесленницей». Но тот факт, что она стала литературной легендой своего времени, не подлежит сомнению.

Здоровье Агаты начало ослабевать, и по этой причине ее дочь стала более часто приезжать к матери. В отсутствии Розалинд Агата в основном проводила время в компании манчестерского терьера Бинго, который в бытность щенком был настолько запуган, что кусал всех, кто попадался ему на глаза. Единственным человеком, на кого Бинго не нападал, была Агата. Хозяйка и пес обожали друг друга, и Бинго спал на кровати Агаты у нее в ногах. Лодыжки Макса постоянно были в шрамах, да и каждый, кто приходил в Уинтербрук, становился жертвой челюстей Бинго, поскольку он был великим специалистом по нападению из засады. Агата шутя говорила Максу, что Бинго нападает на него всякий раз, когда он снимает трубку звонящего телефона: пес думает, что внутри аппарата сидит дьявол. Но, тем не менее, Бинго был хорошим сторожевым псом. Однажды он поднял тревогу, когда вор-домушник, приставив снаружи лестницу к окну спальни Агаты, залез внутрь, но вынужден был бежать, прихватив с собой лишь два старых меховых манто, изрядно траченых молью.

В вышедшем в 1972 году романе Агаты «Слоны умеют помнить» ставится проблема любовного треугольника, приведшего к тройной трагедии. В романе угадывается ссылка на второе «я» Агаты в Харрогите, когда один из персонажей замечает, что несчастная леди Рейвнскрофт говорила перед смертью о начале новой жизни, связанной со святой Терезой Авильской, монахиней, причисленной к лику святых за ее реформирование женских монастырей. Это замечание является интригующим потому, что никоим образом не влияет на развитие сюжета и не объясняет причины смерти леди Рейвнскрофт.

Агата чувствует усталость и убывание сил. Ее последняя книга «Врата судьбы», опубликованная в 1973 году, писалась, когда в настроении Агаты доминировали горькая обида и открытое неповиновение судьбе. Она хотела, чтобы ее оставили в покое, и в то же время считала необходимым вовремя передать рукопись, запланированную на этот год компании «Агата Кристи Лтд». Она жаловалась миссис Томпсон, своей экономке в Гринуэе, что издатели буквально контролируют каждое написанное ею слово. Как это бывает с пожилыми людьми, мысли Агаты все чаще были обращены в прошлое, и дом, в который Томми и Таппенс Берестфорд переехали в романе «Врата судьбы», списан с любимого ею Эшфилда.

Если считать, что описание дает толчок вдохновению, то остальная часть романа вызывает у читателя чувство разочарования, поскольку, не понятно почему, Агата без какой-либо предварительной подготовки начинает закручивать трюк, с помощью которого буквально ослепляет читателей. Макс намеревался спасти роман, собственноручно редактируя его с помощью Дафны Ханибон, тогдашнего секретаря Агаты. Его редактирование и то, что издатели Агаты не проявили должного внимания, выразилось в следующем: возраст внуков четы Берестфорд указан в романе как пятнадцать, одиннадцать и семь лет — и это несмотря на то, что двое из них близнецы. Юдифь и Грэм вспоминают, как Макс умолял Агату закончить «Врата судьбы», потому что был обеспокоен их финансовым положением «и этой своей женщиной».

Наиболее значительной публикацией Агаты того года был сборник «Стихи», в который вошли почти все стихотворные произведения, появившиеся в «Дороге мечтаний», а также опубликованные в более ранние годы. Такой «выбор» свидетельствует о тщетной попытке писательницы оставить позади все сожаления о прошлом и жить в настоящем. Примечательно то, что ни одно из ее любовных стихотворений не отмечено беспредельной радостью любви. В них выражена темная

сторона желаний, тревога, беспокойство, отчаяние, разлука с любимым и его потеря. В стихотворении «Что такое любовь?» Агата сожалеет о том, что любовь это не дерево, «вросшее корнями во время — на веки вечные».

Чувствуя, что она, возможно, умрет раньше Макса, Агата в стихотворении «Поминовение» предполагает, что он, наверное, забудет ее, хотя ее любовь к нему не станет слабее после ее смерти.

Когда стало ясно, что нового романа в 1974 году не будет, издательство «Коллинз» выпустило книгу «Ранние дела Пуаро»; в этот сборник вошли рассказы, опубликованные в «Скетче» в 1920-х годах.

В октябре того же года у Агаты был сердечный приступ, после которого ей был предписан строгий постельный режим. Она проводила время, читая свои романы, опубликованные под псевдонимом Мэри Уэстмакотт. «Я думаю, что "Незаконченный портрет" — это один из лучших романов после "Розы и тиса"», — сказала она Эдмонду Корку. Когда Джулиан Саймонс, автор детективных романов и литературный критик, однажды спросил Агату, почему она публикует свои романтические произведения под псевдонимом, она ответила: «Я думаю, лучше держать эти два вида книг отдельно. К тому же мне нравится держать их при себе, ведь таким образом я могу писать то, что захочу. Вы можете описать в них часть своей собственно жизни, если никто не знает, что это вы пишете… Я хотела бы написать все типы книг, какие существуют, попытаться делать все возможные вещи. Но, надо сказать, детективы давали мне и моей дочери средства к существованию в течение многих лет, поэтому их и надо было писать». Это необычная эпитафия писательской карьере, успех которой обеспечили произведения детективного жанра. Агата перечитала автобиографию и послала копии своим самым строгим критикам, Максу и Розалинд, для одобрения.

От прописанных сердечных средств Агата похудела и ослабла. Она все чаще возвращалась мыслями в прошлое. Случались у нее и дни просветления, но бывали и другие дни, когда она вдруг впадала в панику, поскольку ей казалось, что надо собираться в Багдад, вспоминает Юдифь. Агата не испытывала никаких иллюзий относительно приближающегося конца ее жизни и однажды прикрепила к платью все имевшиеся у нее броши, чтобы поносить их в последний раз. Макс и Розалинд ухаживали за ней так внимательно, как только могли. Ночью возле нее постоянно находилась сиделка. Юдифь и Грэм чувствовали, что Макс с нетерпением ждет смерти Агаты, ведь тогда он мог бы жениться на Барбаре.

Агата внешне спокойно относилась к еженедельным визитам любовницы Макса. Барбара приезжала на каждый уик-энд и, принимая на себя все заботы о больной, давала Максу передышку. Однажды Агата вдруг потребовала ножницы и состригла свои седые локоны. Когда человеку вдруг приходит в голову мысль изменить свою внешность, это является признаком глубокого эмоционального расстройства, а у Агаты были все причины к тому, чтобы чувствовать обиду и возмущение, ведь за ней ухаживала любовница ее мужа. Этот поступок можно было считать призывом о помощи либо обдуманной попыткой ошеломить и напугать Макса и Барбару, пробудив у них запоздалое чувство вины. По-моему, Агата вернее всего осознала тот факт, что она уже не молодая красивая женщина, и остригла свои волосы, готовясь к встрече с Богом. Ведь она в течение многих лет была на редкость религиозной. Как бы там ни было, Макс и Барбара в присутствии Агаты не допускали никаких вольностей в проявлении своих чувств и даже более внимательно ухаживали за ней.

После приезда в Уинтербрук лорда Сноудена, королевского фотографа, в «Санди таймс» вместе со статьей, возвещающей появление фильма «Убийство в Восточном экспрессе», была напечатана подборка фотографий Агаты и Макса. При взгляде на морщинистое, бледное, с розоватыми прожилками лицо, белые волосы и проницательные добрые глаза многим почитателям Агаты казалось, что перед ними живое воплощение мисс Марпл.

В ноябре 1974 года на торжественном премьерном показе фильма «Убийство в Восточном экспрессе» Агата встретилась с лордом Луисом Маунтбаттеном[82]. Более сорока лет назад он написал ей письмо с описанием одного случая, который Агата впоследствии использовала в своем наиболее известном романе «Убийство Роджера Экройда». На премьерном показе присутствовали и другие члены королевской семьи, и Агата попросила помочь ей подняться с кресла-каталки, когда ее представляли королеве и ее старшей дочери. Радость и счастье Агаты, представленной королевским особам, были безграничны, и даже присутствие телекамеры на заднем плане не смогло повлиять на ее восторженное настроение. После показа фильма, в «Кларидж-отеле» состоялся торжественный ужин, на котором актеры, игравшие главные роли, по очереди подходили к ее столу, чтобы выразить свое уважение, а после полуночи, когда лорд Маунтбаттен выкатывал ее кресло-каталку из зала к поджидавшему автомобилю, все присутствующие стоя проводили ее продолжительной овацией. Это было ее последнее появление на публике.

Этот фильм прославил ее во всем мире, но, несмотря ни на что, она по-прежнему с обостренной чувствительностью воспринимала любое упоминание о своем исчезновении. Примером этого может служить тот факт, что, когда издатель Отто Пенцлер в середине 1975 года обратился к Агате с просьбой дать отзыв на статью о ней в «Энциклопедии тайн и их расследований», она очень расстроилась: в статье дважды упоминались случившиеся с ней «приступы амнезии». А между тем, поскольку о новом романе в этом году нечего было и думать, она решила опубликовать «Занавес: последнее дело Пуаро».

Однажды вечером, в самом конце ее жизни, когда какой-то молодой человек пришел повидаться с ней, спокойная и невозмутимая Агата вручила ему листок с квинтэссенцией своей жизненной философии:

Три сокровища есть у меня,
Возьми их и храни.
Первое — это любовь,
Второе — никогда не делай слишком многого,
Третье — никогда не будь первым в мире.
Тот, кто любит, не испытывает страха.
Тот, кто не делает слишком многого,
Имеет большой запас сил.
Тот, кто не стремится быть первым в мире,
Может развить свой талант и дать ему созреть.

Когда в свою последнюю зиму она простудилась, то, лежа в полубреду, едва слышно говорила: «Скоро я встречусь с Создателем». 12 января 1976 года она умерла спокойно и почти сразу после того, как Макс после обеда вкатил ее, сидевшую в кресле-каталке, в спальню. Смерть вывела ее из того причудливого и мучительного любовного треугольника, на пребывание в котором в течение почти тридцати лет она обрекла себя. Мир потерял литературную легенду, и, по иронии судьбы, ее смерть стала событием для СМИ. Тысячи трогательных подарков со всего мира подтвердили то, что Агата была самым выдающимся писателем золотого века детективной литературы, и почти все вспоминали о том, что знаменитой она стала после своего исчезновения.

На прикроватном столике Агаты всегда лежала книга Фомы Кемпийского «Подражание Христу», принадлежавшая еще ее матери. На форзаце, ниже надписи «Агата Моллоуэн», она написала строки из Послания римлянам святого Павла:

> Кто отлучит нас от любви Божьей: скорбь, или теснота, или гонение, или голод,
> или нагота, или опасность, или меч?
> Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Начала, ни Силы, ни настоящее,
> ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь
> не может отлучить нас от любви Божьей во Христе Иисусе, Господе нашем.

Грэм вспоминает, что «только в самом конце она устала от религии и почувствовала некоторое разочарование в ней». Агата согласно ее воле была погребена на кладбище в Чолси с обручальным кольцом на руке. Все ее достояние отошло к дочери, которая вместе с мужем Энтони переехала в Гринуэй, ставший их семейным домом. Уинтербрук и дом № 22 на Крессуэлл-плейс она отписала Максу задолго до своей смерти.

В следующем году Макс женился на Барбаре. В его автобиографии, опубликованной в том же году, об одиннадцатидневном исчезновении Агаты упоминается в одном-единственном предложении, в котором в качестве причины названа потеря памяти. Макс пустился во все тяжкие, показывая читателям, насколько счастливым был его брак с Агатой. Он умер от сердечного приступа в августе 1978 года и был похоронен рядом с Агатой на кладбище в Чолси. Овдовевшая Барбара продолжала жить в Уолленгфорде и умерла в ноябре 1993 года. Ее желанием было быть погребенной рядом с Агатой и Максом. Но в этом ей было отказано.

Одним из пунктов в своем завещании Макс назначил некоторую сумму денег, ежегодно выделяемую Британской школе археологии в Ираке на то, чтобы поднять тост на ежегодных лекциях, читаемых в память о нем и об Агате.

Посмертное опубликование автобиографии Агаты как-то сгладило величайшую тайну ее жизни. Она однажды назвала Эркюля Пуаро, с которым она поддерживала отношения любви-ненависти «стариком из моря», сетуя на то, что он всю жизнь провисел камнем на ее шее. То же самое справедливо и в отношении ее исчезновения.

27
Непредвиденные волнения

После смерти Агаты стена молчания, воздвигнутая и поддерживаемая ею в течение всей жизни, оставалась нетронутой. Попытки биографов и журналистов заглянуть за нее оказывались безуспешными. После смерти Агаты объем продаж ее произведений утроился, общий тираж ее книг превысил два миллиарда экземпляров, и этот факт служит подтверждением продолжающихся в течение стольких лет спекуляций о том, чем в действительности было вызвано ее исчезновение.

Люди, близкие к Агате и Нэн, знавшие правду о том, что произошло в пятницу 3 декабря 1926 года, всегда опровергали рассказ о необычайной встрече Агаты с каким-то журналистом в холле отеля «Харрогит-Гидро» 14 декабря, то есть в тот день, когда ее нашли. Этот рассказ был впервые предъявлен публике через две недели после ее смерти. Если верить Ритчи Колдеру из «Дейли ньюс», никакой мелодрамы не произошло, когда он, столкнувшись с миссис Терезой Нил, обратился к ней как к миссис Кристи. Она ничуть не встревожилась, а когда он спросил у нее, как она там оказалась, она ответила, что не знает, и добавила, что страдает амнезией, после чего сразу же направилась в свой номер, где провела остаток дня. В появившемся на следующий день в «Дейли ньюс» репортаже с новостью о том, что Арчи опознал Агату в этом отеле, не было сказано ни слова об этой встрече, и лорд Ритчи Колдер (впоследствии он стал обладателем этого титула) только однажды, за восемь лет до своей смерти, написал об этом инциденте в статье «Агата и я», напечатанной в журнале «Нью стейтсмен» от 30 января 1976 года.

Он выражал следующее мнение: «Амнезия была слишком профессиональным и не вполне понятным медицинским термином для любого, кто изъявил бы желание вступить с ней в беседу, и если верить тому, что впоследствии предположил ее доктор, то у нее был личностный кризис, и никакой Терезы (!) Нил не скрывалось внутри этой сдержанной и хладнокровной женщины, которую я встретил». Свое пребывание в Харрогите Ритчи Колдер объяснил тем, что был направлен туда в помощь репортеру отдела ночных новостей Сиднею Кемпиону.

Два независимых исследователя, Кэтлин Тайнан и Гвен Робинс, пытавшиеся выяснить достоверность информации Ритчи Колдера об этой встрече, поведали мне, что он и им рассказал о

своем поспешном отъезде на поезде в Харрогит, вслед за Сиднеем Кемпионом, которому он должен был помочь собрать материал. Однако незадолго до своей кончины в 1978 году Сидней Кемпион, продолжавший и в дальнейшем контактировать с Ритчи, в письме к Кэллин Тайнан, датированном 27 сентября 1976 года, писал: «Я чрезвычайно озадачен, поскольку вообще не встречался с Ритчи Колдером во время этой харрогитской истории. Когда два или больше репортеров занимаются одним делом, обязательным правилом для них является быть в контакте и совместно разрабатывать планы успешного выполнения заданий. Я побывал в Манчестерском офисе, но и там не обнаружил никакого упоминания о Ритчи Колдере. Скажу больше: до самой смерти Агаты Кристи я никогда не слышал о том, что Ритчи Колдер был связан с харрогитской историей».

До сего времени эта информация не была известна публике, поскольку исследования Кэтлин Тайнан, произведенные в тот период, не были использованы в сценарии художественного фильма «Агата», который она писала; во вступительных титрах этого фильма было сказано, что он является воображаемым решением подлинной загадки. Семья Агаты и ее друзья абсолютно обоснованно обвинили создателей фильма в искажении фактов. Неудивительно, что компания «Агата Кристи Лтд» и издательство «Коллинз» незамедлительно обратились в суды Соединенных Штатов с требованием запретить широкий прокат фильма, но оба дела были заявителями проиграны.

Путаница с так называемым «четвертым письмом», по слухам написанным Агатой перед ее исчезновением, заинтриговала и буквально подвергла ее почитателей танталовым мукам. Дочь покойного заместителя начальника управления полиции Кенуарда, Глэдис Кенуард Добсон, навела Гвен Робинс на мысль (которую последняя изложила в опубликованной в 1978 году и не имеющей признанной документальной достоверности биографии «Тайна Агаты Кристи») о том, что «четвертое письмо» было написано Агатой в тот вечер, когда она исчезла, и в нем она просила заместителя начальника управления полиции Кенуарда о помощи, потому что опасалась за свою жизнь. Объяснения Глэдис Кенуард Добсон о том, что мог предпринять ее отец, получив это письмо утром в субботу, 4 декабря, весьма ясные и недвусмысленные: «Он получил письмо в 10 часов утра в субботу и принес его домой, чтобы показать мне перед тем, как сразу же проинформировать о нем полицейский участок в Саннингдейле и начать проводить расследование».

Саннингдейл, расположенный между графствами Беркшир и Суррей, до начала 1990-х годов входил в зону ответственности

управления полиции Суррея, откуда последовало официальное заявление о том, что в 1926 году в Саннигдейле не было полицейского участка и что таковой появился там только в начале 1960-х годов.

По словам Глэдис Кенуард Добсон, она знала об этом письме потому, что «в течение многих лет состояла на действительной службе в полиции в должности секретаря своего отца». Однако в результате интенсивных поисков в полицейских структурах Суррея не было обнаружено никаких документальных свидетельств, подтверждающих ее полицейскую карьеру, но были найдены подтверждения того, что с начала 1970-х годов и до своей смерти в 1980 году, она вручала кубок и призы бегунам на ежегодных соревнованиях по боулингу, проводимых управлением полиции графства Суррей и посвященных памяти ее отца.

Бывший полицейский Эрик Боужер вспоминает, что в середине 1920-х годов она была дружески расположенной, общительной молодой особой, с которой он встречался, поскольку часто бывал по делам службы в управлении на Вудбридж-роуд. Нередко ее можно было встретить возле здания управления. Кроме того, по словам Эрика Боужера, в то время в полиции графства Суррей не было секретарских должностей, тем более для особ женского пола. Насколько он помнит, первая такая должность появилась незадолго до Второй мировой войны и занял ее один из офицеров-мужчин, знавший стенографию.

Глэдис Кенуард Добсон призналась биографу Гвен Робинс, что после выхода отца на пенсию в 1931 году сожгла все его бумаги, включая и «четвертое письмо». Она без обиняков и намеков дала Гвен Робинс понять, что также собственноручно уничтожила и письмо, оставленное Агатой ее секретарю Шарлотте, однако это письмо, фактически являвшееся единственным сохранившимся документом по делу, находилось в полиции Беркшира и впоследствии, после обнаружения Агаты, было возвращено Шарлотте.

Глэдис Кенуард Добсон всем и всегда заявляла, что волнения, причиненные этим делом, послужили причиной столь ранней смерти ее отца, последовавшей в 1932 году, когда ему было всего пятьдесят шесть лет. Однако в медицинских документах сказано, что причиной его смерти явились хронические дегенеративные изменения сердечной мышцы. Ее свидетельства не могут не вызывать сомнений, поскольку никто из близких к Агате людей никогда не подтверждал существование этого «четвертого письма». Подобные не заслуживающие доверия рассказы Глэдис Кенуард Добсон об этом письме пришлось выслушать и Кэтлин Тайнан. Дочь полицейского начальника, испытывая острое

чувство обиды из-за нападок прессы на ее отца, без устали повторяла Кетлин Тайнан: «Да они тогда буквально распинали его».

Смешно говорить об этом, но после придания гласности находящихся в архивах МВД полицейских отчетов по этому делу выяснилось, что сам заместитель начальника управления полиции Кенуард пытался преуменьшить масштабы поисковых мероприятий. Разговаривая 9 февраля 1927 года по телефону с Артуром Диксоном из Министерства внутренних дел, Кенуард представил дело так, что поиски в Суррейских холмах заняли чуть больше двух дней, однако в своем отчете, написанном в тот же день после телефонного разговора, он косвенно, посредством окольных факторов, оценил их продолжительность пятью днями. Один из наиболее ревностных полицейских офицеров, Том Робертс, начавший службу младшим полицейским и дослужившийся до начальника уголовного розыска в управлении полиции графства Суррей, как бы между прочим отметил в автобиографии «Друзья и злодеи», что лично он участвовал в разыскных мероприятиях в течение девяти дней.

Понятно, что в отчете заместителя начальника управления полиции Кенуарда от 9 февраля нет никаких упоминаний о «четвертом письме», поскольку Агата никогда его и не писала. Однако этот полицейский офицер буквально с ходу указал на причину, по которой полиция Беркшира не смогла установить местонахождение Агаты: «Что касается разыскных мероприятий, проведенных в других частях страны, полагаю, что это дело должно быть всецело поручено беркширской полиции, поскольку миссис Кристи исчезла на территории, контролируемой ею». В продолжении отчета он, в свое оправдание, написал, что указанное ранее число полицейских было сильно завышено, и подтвердил, что получил «неоценимую помощь» от населения и «неисчислимого количества констеблей для спецпоручений (неоплачиваемых)».

Официальная полицейская статистика за 1926 год показывает, что полицейские силы графства Суррей насчитывали 356 штатных сотрудников, поэтому не может быть сомнений в том, что пресса дезинформировала общественность относительно числа участвовавших в розыске полицейских, указав в одном из сообщений цифру 600. В автобиографии Том Робертс берет под защиту своего наставника, называя самым провальным шагом в работе заместителя начальника управления полиции Кенуарда его сенсационное выступление перед прессой, а также приводит уменьшенное число сотрудников полиции, задействованных в розыске. В своей книге он, упоминая о «множестве» газетных и

журнальных вырезок, скопившихся за время службы в его альбоме, указывает, что на каждой из фотографий, запечатлевших поиски в дюнах, можно насчитать не более двенадцати полицейских. Его родственники показывали мне этот альбом в полицейском участке в Кемберли, показывали и связанные с исчезновением Агаты газетные вырезки, общей площадью в три полномерных статьи. Перед смертью Том Робертс в частной беседе отметил, что, по его сведениям, 250 полицейских было задействовано в прочесывании местности вокруг Суррейских холмов.

Без всякого сомнения, заместитель начальника управления полиции Кенуард оказался после обнаружения Агаты в весьма незавидном положении. Его могли бы подвергнуть критике, не организуй он поиски пропавшей писательницы в районе Суррейских холмов, особенно если бы ее тело было впоследствии найдено, но поскольку он активно занимался ее поисками, то критиковали его за зря потраченное время такого количества людей и деньги налогоплательщиков.

Бывший полицейский, Эрик Боужер, подтвердил, что заместитель начальника управления полиции Кенуард впоследствии пострадал за свою уверенность в том, что ее тело все-таки будет найдено. «Он поставил себя в дурацкое положение. Полицейские офицеры с издевками шутили над уверенностью Кенуарда, что ее тело будет обнаружено в Ньюлендс-Корнере. Пресса вволю насмеялась над ним, когда ее обнаружили в другом месте. Но в свое время он раскрыл немало дел. К тому же был он отличным парнем».

Очередной конфуз по поводу вопроса «Почему Агата оказалась в Харрогите?» возник на почве противоречивых обвинений литературного критика Эрика Хискока в адрес своего прежнего работодателя сэра Годфри Коллинза, скончавшегося в 1936 году. Во время розысков Агаты сэр Годфри дал указание своим сотрудникам: не обсуждать с прессой ее возможного местонахождения. Эрик Хискок в автобиографии «Последняя лодка к мосту Фоли», напечатанной в 1970 году, так прокомментировал это распоряжение своего руководства: «Я всегда был уверен, что сэр Годфри знал, где она, а поэтому он ничуть не удивился, когда Агата вдруг неожиданно нашлась отсиживающейся в харрогитском отеле». Однако 19 апреля 1980 года в журнале «Букселлер» Эрик Хискок неожиданно заявил, что наутро после исчезновения Агаты он получил от сэра Годфри указание не обсуждать это событие с прессой, поскольку «Агата находится в Харрогите, она там отдыхает».

Уже тогда в результате интереса, проявленного прессой к

Агате из-за ее исчезновения, ее имя было у всех на слуху, и разговоры о сомнительном «четвертом письме», «неожиданных встречах» и «предварительной осведомленности о ее местонахождении» еще с тех времен озадачивали и сбивали с толку комментаторов этого события, в том числе и признанных биографов Агаты.

Джанет Морган, опубликовавшая в 1984 году свою версию биографии Агаты Кристи, ошибочно утверждает, что вечером накануне исчезновения Агата покинула Стайлес примерно в 11 часов. Согласно гипотезе Джанет Морган, Агата, возможно, упустила момент, когда надо было переключить скорость возле Ньюлендс-Корнера, а приступ амнезии случился после того, как машина съехала с дороги. В соответствии со своей версией реконструкции событий, в которой неправильно указано место расположения разлома, куда едва не въехал автомобиль, Джанет Морган считает, что Агата ехала из Гилдфорда в направлении деревни Шер. По ее предположению, несвоевременное переключение скорости произошло после того, как она поднялась на гребень холма, после чего машина, проехав по его левому склону, преодолела половину расстояния до дороги Доркинг-роуд A25. В этом месте находится неглубокий карьер с почти отвесным спуском, и это, по словам Джанет Морган, кажется ей единственно возможным местом, где автомобиль мог бы съехать с дороги.

Однако проселочная дорога Уотер-Лэйн расположена по правую руку от спускающейся по склону холма дороги Доркин-роуд A25, а тот факт что придорожное кафе Алфреда Лаленда (на месте которого сейчас стоит «Барнс Кафе») расположено от дороги слева, невдалеке от карьера, описанного Джанет Морган, делает ее реконструкцию событий нереальной. Ведь свидетель Фредерик Дор осмотрел машину следующим утром: он перешел *на другую сторону дороги* к придорожному кафе и попросил Алфреда Лаленда присмотреть за машиной, пока он сообщит полиции о своей находке.

Джанет Морган считает, что утром в субботу, 4 декабря, Агата добралась на Гилдфорда и потом, доехав на поезде из Гилдфорда до Лондона, она «либо села в пульмановский поезд[83], отправлявшийся с вокзала Кинг-Кросс в 11.15 утра, либо на поезд, отходящий в 11.45 от вокзала Сент-Панкрас». Согласно отчетам железнодорожного ведомства ни один из этих поездов не отправлялся в Харрогит в указанное ею время.

Ближайшие родственники, общавшиеся с Джанет Морган, вполне могли навести ее на мысль о том, что Агата консультировалась по поводу восстановления памяти с

психиатром и с кем-либо из профессоров королевской кафедры[84] пасторской теологии в Оксфорде, но никаких подтверждений этому нет. Помимо всего прочего, Джанет Морган сообщила читателям, что Агата отправилась на Канарские острова в феврале 1928 года, а не в январе 1927 года, через пять недель, прошедших после ее исчезновения. Предположение о том, что причиной исчезновения Агаты, возможно, стали ее «лунатизм» и способность к самогипнозу, заслуживают еще меньше доверия, чем утверждение о том, что скрытые от публики «недавние исследования» в этой области «предположительно содержат цепочку здравых мыслей, полезных тем, кто интересуется делом Агаты».

Это пресловутое исчезновение завладело воображением такого количества людей, какого никто не мог даже вообразить, и, как это ни смешно, в марте 1993 года создатель программы «Лондонский телесериал уикэнда: "Пуаро, герой Агаты Кристи"» без всякой задней мысли смешал выдумку с историей. По сценарию (который никогда бы не пришел в голову создателю этого литературного героя) Эркюль Пуаро сталкивается с тем, что его расследованию «Похищение драгоценностей в "Гранд Метрополитан"»[85] препятствует публика, которая убеждена, что он попросту создан газетой «Лаки лен» и тому, кто опознает его по газетной фотографии, обещана награда в десять гиней.

Эпилог
Ее собственный мир

Шумиха, поднятая исчезновением Агаты, повергла ее в шоковое состояние, в котором она пребывала вплоть до дня своей смерти, и хотя продолжительная дружба с Нэн помогла ей пережить все случившееся, потом она всегда сожалела, что инсценировала с помощью подруги это роковое для нее действо. А кроме того, она так никогда и не смирилась с потерей Арчи. Строки Уолтера Сэвиджа Ландора наиболее точно передают всю горечь этого несчастья, которое она переживала в течение всей жизни: «Мне не забыть тебя, пока вокруг светло, но и во тьме тебя я буду помнить».

Когда после смерти Агаты открыли ее бювар для письменных принадлежностей, то обнаружили в нем ее обручальное кольцо, подаренное Арчи, его письма, несколько памятных мелочей и строки пятьдесят пятого псалма, стихи 12, 13 и 14:

> На Бога уповаю, не боюсь; что сделает мне человек?
> На мне, Боже, обеты Тебе; Тебе воздам хвалы.
> Ибо Ты избавил душу мою от смерти, да и ноги мои от преткновения, чтобы я ходил перед лицем Божиим во свете живых.

Для Агаты важнее всего в жизни была любовь: она росла с «ожиданием своей судьбы» и для нее истинным символом успешной жизни была замужняя женщина. Подтверждением этого может служить то, что, регистрируясь в книге приезжих в отеле «Харрогит-Гидро», она записала себя замужней женщиной. Какое важное значение имело для нее семейное положение, можно судить по созданному ею персонажу, миссис Ариадне Оливер, явившейся ее прототипом, поскольку в книгах о ней отсутствуют какие-либо упоминания и о самом мистере Оливере, и о чем-либо связанным с ним. Брак, и в радости, и в горе, был основой жизни для Агаты. Однажды она призналась Максу, что «чувствует себя собакой, которая ждет, когда ее выведут на прогулку». К тому же в результате унизительного пристального внимания публики, которое она перенесла в 1926 году, та необыкновенная известность, выпавшая впоследствии на ее долю, никогда не принималась ею всерьез.

Агата в автобиографии обошла молчанием историю с

исчезновением не потому, что хотела увести в сторону или еще больше озадачить своих почитателей. Она просто хотела придать этот эпизод забвению, ведь именно это она безуспешно старалась сделать всю жизнь. Если бы Макс оставался верен ей, она бы меньше боялась будущего. Агата любила Арчи намного сильнее, чем Макса, а потому Макс не мог обидеть ее так же сильно, как Арчи. Одним из наиболее болезненных уроков, полученных Агатой в результате крушения ее брака с ним, было то, что надо в равной степени любить людей и за их несовершенства, и за их достоинства. В автобиографии она не описывает этих печальных эпизодов своей жизни, потому что по ее замыслу эта книга должна была быть гимном Богу в благодарность за все благодеяния, которыми он ее осыпал.

Большую часть своей жизни Агата скрывалась от публики. А это вызывает чрезвычайно сильное желание узнать, что происходило с ней во время исчезновения, ведь только благодаря этому возможно определить, как ей удалось не омрачить своих сочинений болью, причиненной этим эпизодом и последующим разводом. Посредством своей поэзии она выражала обеспокоенность тем, была ли она любима и найдет ли она новую любовь. В рассказах «На грани», «Тропинка Арлекина» и «Человек из моря» хаотически описаны аспекты ее семейной жизни с Арчи. В романах, вышедших под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, показаны наиболее яркие моменты ее брака с Арчи, оставившие след в ее последующей жизни. «Кукла портнихи» и «Бремя» дают представление о ее смешанном чувстве к любовнице Макса, Барбаре, в то время как «Вердикт» — это смелая, хотя и не имевшая сценического успеха, попытка примириться с неверностью Макса. Когда любовь этих двух мужчин ее жизни прошла мимо нее, Агата почти никогда не чувствовала безнадежности, поскольку обрела прощение и любовь в глазах Бога.

Она со всей страстью отстаивала права невиновных. При этом очень важно, что она воспринимала зло не как социальный организм, а скорее как отклонение, порожденное сердцем отдельного человека. Такие люди, по ее мнению, похожи на брошенные экипажами корабли, дрейфующие в темноте и сокрушающие своих целых и годных к плаванью собратьев. Она ясно постигла смысл арабской пословицы, говорящей, что судьба человека висит у него на шее и что у него есть всегда другой путь, которым можно воспользоваться, если он праведный.

Агате судьба предопределила стать исчезнувшей писательницей, причем не в одном смысле; большая часть известного и описанного ею мира практически исчезла; она

оказалась в мире, разъезжавшем на «даймлерах» и «бентли»; в мире богатой аристократии, живущей в величественных замках. Многие из ее верных читателей тосковали по прошлым временам. Ее детективные рассказы и романы навеяны и сюжетно связаны с ее «Человеком из моря» — в них кто угодно может внезапно оказаться убийцей. Чем более хаотичной становилась ее жизнь, тем более спокойным и организованным становился придуманный ею мир.

Ее почитатели никогда не догадывались о ее душевных страданиях, и все потому, что она не хотела пробуждать в нас жалость к себе. Она желала себе того, чего страстно желала другим: «…мир Божий, который превыше всякого ума»[86]. Ее детективные произведения не стареют, ведь они питают читателей надеждой на то, что добро всегда одержит верх над злом, а шарм, добрый юмор и скромность, которыми щедры ее произведения, вызывают у почитателей все более сильную любовь.

Возможно, ее самое большое достижение состоит в том, что она снабдила каждое последующее поколение ностальгической связью с той жизнью, которая исчезла вместе с Британской империей.

Всем известно: если писателя действительно любят, то, когда он или она умирает, почитатели страстно желают, чтобы хоть одна книга, еще не прочитанная ими, осталась после его ухода, и никто не заслужил такого к себе отношения больше чем Агата Кристи.

Выражение признательности

За оказанную мне помощь в подготовке этой книги я хочу выразить свою признательность следующим людям:

Йану Блэру, начальнику управления полиции графства Суррей, и Джералдин Филипс; Барбаре Хикс из полиции графства Западный Йоркшир; Рут Харрис из Архивного управления графства Западный Йоркшир; Мэгги Берд из полицейского отдела Архива Большого Лондона; Сьюзан Хили и Крису Бредли из полицейского управления Темз-Велли (теперь вошедшей в состав полицейского управления графства Беркшир); Дону Смоли, Эдит Батлер, Нику Форбсу из Юго-западного отделения Государственного архива Великобритании; Ральфу Барнету из Совета графства Суррей, который, в качестве лесничего местности вокруг Ньюлендс-Корнера, провел меня по всей округе и показал меловой провал, в который едва не въехала машина Агаты Кристи.

Ричарду Бродертону и Андерсу Дитлеву Клосаджеру из Музея британской автомобильной промышленности; Марку Придди из архива графства Оксфордшир; Кристоферу Робертсу, сержанту уголовной полиции бывшего Кемберлийского полицейского управления. Йану МакГрегору из Британской национальной метеорологической библиотеки и архива; Брюсу Хогу: Лайзе Спарриер, Роберту Хайлу, Элизабет Хьюз и Марку Стивенсу из Государственного архива графства Беркшир; Патрисии Уиллис из Государственного архива графства Суррей; Эймону Диасу; Р. М. Джонсу; Селесте Кенни; Алтии Бриджес; Колину Прайсу; Тиббу Куллу; Джеку Боксаллу; Эрику Боужеру и Уилфриду Мортону, принимавшим участие в розыске Агаты и бывшим в то время полицейскими-стажерами.

Джине Доббс из издательства «Рендом Хаус» за разрешение просмотреть деловую переписку Агаты Кристи с издательством «Бодли Хед»; Майклу Боту из Университета Рединга; Майклу Родесу, бывшему хранителю переписки Агаты Кристи с издательством «Бодли Хед»; Сюарту О'Синору из библиотеки Тринити-колледжа; Глениз Мэтьюсон из библиотеки Университета Джона Райлендса; Кристоферу Шеппарду из Бротертонского хранилища библиотеки Лидского университета; Катерин Куксон из Мерилебондской библиотеки; бригадиру К. А. Тимберсу, ученому секретарю по вопросам истории Королевского института артиллерии; Ричарду Бленду из Клифтон-колледжа; Роланду Льюису, сотруднику Британской библиотеки; Хелен Хью, сотруднице Британского Красного Креста; сотрудникам архива

компании «Бритиш Телеком»; Стюарту Гиллису и всем сотрудникам газетного отдела Британской библиотеки.

Кею Фарнеллу из Автомобильной ассоциации; Маргарет де Мотт за доступ к бумагам семейства Уоттс из Эбни-Холла; Питеру Бери; доверительным собственникам Маунтбаттенского архива; Гвен Робинс; Кейю Йоргу Хинтцу; Джин Дебни; Тиму Рейвену; Кристоферу Дину, Барбаре Рейнолдс и Филлипу Л. Скаукрофту Джекобу Экклестоуну; Джеки Каноу из Архива печатных материалов Би-би-си; Майку Долтону из Архива звукозаписей Би-би-си; Его милости, графу Нортурберлендскому; Майклу Бакстеру; Чарлзу Уорду; Филлипу Гермонс-Уилльямсу, владельцу автомобиля «Моррис Каули» выпуска 1920-х годов, который помог мне воссоздать поездку Агаты Кристи в ночь ее исчезновения.

Юдифь и Грэму Гарднерам; Фелисити Пик, награжденной орденом Британской империи; Кристин Уалд; Мэрион и Ернест Чапел; мистеру и миссис Дэвид Тэпин; Терренс Теппин; Петси Робинсон; Марджери Кемпион; Ричарду Д. Харрису; профессору Доналду Вайзмену; миссис Лорам; Джейн Дейвис; Милли Буш, которая была прислугой в Уинтербрук-Хаус.

Шэри Эндрюс из отеля «Олд Свэн», прежде называвшегося «Харрогит-Гидро»; Малколму Нессаму; мистеру Стейю из Харрогитской библиотеки; сотрудникам Библиотеки Конгресса; мистеру Т. Лидгейту; Дому святой Катерины и Дому Сомерсета; Майклу Мередиту; сотрудникам библиотеки Бристольского университета; сотрудникам библиотек в Кенсингтоне и Челси; Салли Харроуэр, сотруднице Национальной Шотландской библиотеки.

Покойной Каталин Тайнан, с которой я беседовал незадолго до ее смерти, и Леону Вайселтиеру, управителю ее имуществом; Роксане и Мэтью Тайнан, которые помогли получить доступ к результатам исследований и другим, связанным с этим документам; мистеру и миссис Вуд, показавшим мне свой дом в Стайлесе, в Саннингдейле.

В завершении я хочу выразить особую благодарность небольшой группе людей, преданных и интересующихся Агатой Кристи, энтузиастов, сообщивших мне многое о ней; их чрезвычайная скромность воспрепятствовала тому, чтобы я указал их имена в этом перечне.

Произведения Агаты Кристи

Приводимый ниже перечень литературных произведений Агаты Кристи, опубликованных в Великобритании, дает понять, какой известностью пользовалась она в момент своего исчезновения. Рассказы помеченные ** вошли в сборник «Пуаро ведет следствие»; те, что помечены + были собраны в сборнике «Большая четверка», рассказы, помеченные #, вошли в сборник «Партнеры по преступлению»

1920

«Загадочное происшествие в Стайлзе» (издательство «Бодли Хед»)

1922

«Таинственный противник» (издательство «Бодли Хед»)

1923

«Убийство на поле для гольфа» (издательство «Бодли Хед»)

«Убийство на балу в честь Дня Победы», март («Скетч»)

**«Загадочное исчезновение Опалсенских жемчужин», также известен под названием «Переполох в отеле «Гранд Метрополитан», март («Скетч»)

«Загадка трефового короля», март («Скетч»)

**«Исчезновение мистера Дэвенхейма», март («Скетч»)

«Тайна голубого поезда», также известен под названием «Плимутский экспресс», апрель («Скетч»)

**«Тайна "Звезды Запада"», апрель («Скетч»)

**«Трагедия в Марсдон-Мэнор», апрель («Скетч»)

**«Похищение премьер-министра», апрель («Скетч»)

**«Кража в миллион долларов», май («Скетч»)

**«Загадка дешевой квартиры», май («Скетч»)

**«Тайна охотничьей сторожки», май («Скетч»)

«Коробка конфет», также известен под названием «Коробка шоколада», май («Скетч»)

«Ловушка для неосторожных», также известен под названием «Актриса», май («Ноувэл мэгезин»)

«Дама под вуалью», также известен под названием «Визит», октябрь («Скетч»)

«Похищение Джонни Уэйверли», также известен под названием «Приключение Джонни Уэйверли», октябрь, («Скетч»)

«Тайна Маркет-Бейзинга», октябрь («Скетч»)

**«Случай с итальянским вельможей», октябрь («Скетч»)

**«Пропавшее завещание», октябрь («Скетч»)

«Чертежи субмарины», ноябрь («Скетч»)

«Случай с кухаркой из Клэпема», ноябрь («Скетч»)

«Затерянный прииск», ноябрь («Скетч»)

«Корнуолльская тайна», ноябрь («Скетч»)

«Двойная улика», декабрь («Скетч»)

«Приключение рождественского пудинга», декабрь («Скетч»)

«Наследство Лемезюрье», декабрь («Скетч»)

«Дочь священника», также известен под названием «Первое желание», декабрь («Гренд мэгезин»)

1924

«Человек в коричневом костюме» (издательство «Бодли Хед»)

«Пуаро ведет следствие» (издательство «Бодли Хед»)

«Дорогу мечтаний», (поэзия) (Джеффри Блез)

+ «Неожиданный гость», январь («Скетч»)

+ «Загадка бараньей ноги», январь («Скетч»)

+ «Женщина на лестнице», январь («Скетч»)

+ «Похитители радия», январь («Скетч»)

+ «В логове врага», январь («Скетч»)

+ «Тайна желтого жасмина», февраль («Скетч»)

+ «Шахматный ребус», февраль («Скетч»)

+ «Ловушка с приманкой», февраль («Скетч»)

+ «Крашеная блондинка», февраль («Скетч»)

+ «Девушка в поезде», февраль («Гренд мэгезин»)

+ «Катастрофа», март («Скетч»)

+ «Умирающий китаец», март («Скетч»)

+ «Скала в Доломитовых горах», март («Скетч»)

+ «Переход мистера Квина», также известен под названием «Приход мистера Кина», «Явление мистера Кина» апрель («Гренд мэгезин»)

«Пока вокруг светло», апрель («Гренд мэгезин»)

«Красный сигнал», июнь («Гренд мэгезин»)

«Тайна голубого кувшина», июль («Гренд мэгезин»)

«Тайна второго огурца», также известен под названием «Приключение мистера Иствуда», август («Ноувэл мэгезин»)

«Джейн в поисках работы», август («Гренд мэгезин»)

#«Фея в комнате», также известен под названием «Котелок чая», сентябрь («Скетч»)

«Дело о розовой жемчужине», октябрь («Скетч»)

«Избавиться от короля», также известен под названием «Джентльмен, одетый в газету», октябрь («Скетч»)

«Дело об исчезнувшей леди», октябрь («Скетч»)

«Визит мрачного незнакомца», октябрь («Скетч»)

«Тайна Саннингдейла», октябрь («Гренд мэгезин»)

«Смерть, живущая в доме», ноябрь («Скетч»)

«Дело о ботинках посла», также известен под названием «Ботинки посла», ноябрь («Скетч»)

«Дело о кованых нотах», также известен под названием «Шуршатель», ноябрь («Скетч»)

«Слепой и смерть», ноябрь («Скетч»)

«Коттедж "Филомела"», ноябрь («Гренд мэгезин»)

«Человек в тумане», декабрь («Скетч»)

«Человек, который был номером шестнадцать», декабрь («Скетч»)

«День его мечтаний», также известен под названием «Метаморфоза Эдварда Робинсона», декабрь («Гренд мэгезин»)

1925

«Тайна замка Чимниз» (издательство «Бодли Хед»)

«Руки предателя», также известен под названием «Свидетель обвинения», январь («Флиннз уикли»)

«Небесное знамение», июль («Гренд мэгезин»)

«За стенами», октябрь («Ройял мэгезин»)

«Иллюзионист», также известен под названием «В отеле "Колокольчики и мишура"», ноябрь («Гренд мэгезин»)

«Четвертый человек», декабрь («Пирсонз мэгезин»)

«Великодушный дворецкий», также известен под названием «Тайна Листердейла», декабрь («Гренд мэгезин»)

1926

«Убийство Роджера Экройда» (издательство «Коллинз»)

«Дом мечтаний», также известен под названием «Дом красоты», январь («Соверейн мэгезин»)

«СОС!», февраль («Гренд мэгезин»)

«Цветок магнолии», март («Ройял мэгезин»)

«Изумруд раджи», июль («Ред мэгезин»)

«Одинокий божок», июль («Ройял мэгезин»)

«Лебединая песня», сентябрь («Гренд мэгезин»)

«На перекрестке», также известен под названием «Любовный детектив», октябрь («Флиннз уикли»)

«Неудачник», октябрь («Ландон мэгезин»)

«Душа крупье», ноябрь («Флиннз уикли»)

«Конец света», ноябрь («Флиннз уикли»)

«Последний спиритический сеанс», ноябрь («Гост сториз мэгезин»)

«Голос в темноте», декабрь («Флиннз уикли»)

«Когда боги смеются» («Санли кроникл эннуал 1926»)

После своего исчезновения Агата Кристи относительно быстро восстановила свойственную ей производительность литературного труда.

1927

«Большая четверка» (издательство «Коллинз»)

1928

«Тайна голубого поезда» (издательство «Коллинз»)

«Алиби» (пьеса, написанная Майклом Мортоном по роману «Убийство Роджера Экройда») (издательство «Самуил Френч»)

1929

«Тайна семи циферблатов» (издательство «Коллинз»)

«Партнеры по преступлению» (издательство «Коллинз»)

«Тайна Саннингдейла» (издательство «Коллинз»)

«Приход мистера Кина» (фильм, созданный Г. Роем Марайем по рассказу) («Ландон бук кампани»)

1930

«Таинственный мистер Кин» (издательство «Коллинз»)

«Убийство в доме викария» (издательство «Коллинз»)

«Хлеб великанов» (под псевдонимом Мэри Уэстмакотт) (издательство «Коллинз»)

1931

«Загадка Ситтафорда» (издательство «Коллинз»)

1932

«Загадка Эндхауза» (издательство «Коллинз»)

«Тринадцать загадочных случаев» (издательство «Коллинз»)

1933

«Смерть лорда Эджвара» (издательство «Коллинз»)

«Гончая смерти» (издательство «Одхэмз»)

1934

«Черный кофе» (пьеса) («Алфред Эшли»)

«Убийство в Восточном экспрессе» (издательство «Коллинз»)

«Тайна Листердэйла» («издательство «Коллинз»)

«Почему не Эванс?» («издательство «Коллинз»)

«Паркер Пайн расследует» («издательство «Коллинз»)

«Незаконченный портрет» (под псевдонимом Мэри Уэстмакотт) (издательство «Коллинз»)

1935

«Трагедия в трех актах» (издательство «Коллинз»)

«Смерть в облаках» (издательство «Коллинз»)

1936

«Убийства по алфавиту» (издательство «Коллинз»)

«Убийство в Месопотамии» (издательство «Коллинз»)

«Карты на стол» (издательство «Коллинз»)

«Любовь от незнакомца» (пьеса, созданная Фрэнком Воспером по рассказу «Коттедж "Филомела"») (издательство «Коллинз»)

1937

«Безмолвный свидетель» (издательство «Коллинз»)

«Смерть на Ниле» (издательство «Коллинз»)

«Убийство в проходном дворе» (издательство «Коллинз»)

1938

«Встреча со смертью» (издательство «Коллинз»)

«Рождество Эркюля Пуаро» (издательство «Коллинз»)

1939

«Убить легко» (издательство «Коллинз»)

«Десять негритят» (позже выходил под названием «И ничего не стало») (издательство «Коллинз»)

1940

«Печальный кипарис» (издательство «Коллинз»)

«Раз, два, три, пряжку застегни» (издательство «Коллинз»)

«Загадка Эндхауза» (пьеса написанная Арнолдом Ридли по одноименному роману) (издательство «Самуил Френч»)

1941

«Зло под солнцем» (издательство «Коллинз»)

«Н или М?» (издательство «Коллинз»)

1942

«Тело в библиотеке» (издательство «Коллинз»)

«Пять поросят» (издательство «Коллинз»)

1943

«Одним пальцем» (издательство «Коллинз»)

«Десять негритят» (пьеса позже выходит под названием «И ничего не стало») (издательство «Самуил Френч»)

1944

«По направлению к нулю» (издательство «Коллинз»)

«Разлученные весной» (под псевдонимом Мэри Уэстмакотт) (издательство «Коллинз»)

1945

«Смерть приходит в конце» (издательство «Коллинз»)

«Сверкающий цианид» (издательство «Коллинз»)

«Свидание со смертью» (пьеса) (издательство «Самуил Френч»)

«Потерянный горизонт» (пьеса, также известна под названием «Убийство на Ниле», основанная на романе «Смерть на Ниле») (издательство «Коллинз»)

1946

«Лощина» (издательство «Коллинз»)

«Ну, расскажи, как ты живешь» (Агата Кристи Моллоуэн), (издательство «Коллинз»)

1947

«Подвиги Геракла» (издательство «Коллинз»)

1948

«Берег удачи» (издательство «Коллинз»)

«Роза и тис» (под псевдонимом Мэри Уэстмакотт) (издательство «Хайнеманн»)

1949

«Скрюченный домишко» (издательство «Коллинз»)

«Убийство в доме викария» (пьеса написана по одноименному роману Мойе Чарльз и Барбары Тоу) (издательство «Самуил Френч»)

1950

«Объявлено убийство» (издательство «Коллинз»)

1951

«Встреча в Багдаде» (издательство «Коллинз»)

«Лощина» (пьеса) (издательство «Самуил Френч»)

1952

«Миссис Макгинти рассталась с жизнью» (издательство «Коллинз»)

«С помощью зеркал» (издательство «Коллинз»)

«Дочь есть дочь» (под псевдонимом Мэри Уэстмакотт) (издательство Хайнеманн»)

«Мышеловка» (пьеса) (издательство «Самуил Френч»)

1953

«После похорон» (издательство «Коллинз»)

«Карман, полный ржи» (издательство «Коллинз»)

«Свидетель обвинения» (пьеса) (издательство «Самуил Френч»)

1954

«Место назначения неизвестно» (издательство «Коллинз»)

«Паутина» (пьеса) (издательство «Самуил Френч»)

1955

«Хикори Дикори Док» (издательство «Коллинз»)

1956

«Глупость мертвеца» (издательство «Коллинз»)

1957

«В 4.50 из Паддингтона» (издательство «Коллинз»)

1958

«Испытание невиновностью» (издательство «Коллинз»)

«Вердикт» (пьеса) (издательство «Самуил Френч»)

«По направлению к нулю» (пьеса, написанная совместно с Джералдом Вернером) (издательство «Самуил Френч»)

«Неожиданный гость» (пьеса) (издательство «Самуил Френч»)

1959

«Кошка среди голубей» (издательство «Коллинз»)

1960

«Приключение рождественского пудинга» (издательство «Коллинз»)

«Назад к убийству» (пьеса, написанная по роману «Пять поросят») (издательство «Самуил Френч»)

1961

«Вилла "Белый конь"» (издательство «Коллинз»)

1962

«И треснув, зеркало звенит» (издательство «Коллинз»)

«Правило трех» (три одноактные пьесы «Крысы», «Пациент» и «Во второй половине дня на берегу моря») (издательство «Самуил Френч»)

1963

«Часы» (издательство «Коллинз»)

1964

«Карибская тайна» (издательство «Коллинз»)

1965

«Отель "Бертрам"» (издательство «Коллинз»)

«Звезда над Вифлеемом» (стихи и рассказы для детей), (Агата Кристи Моллоуэн) (издательство «Коллинз»)

1966

«Третья девушка» (издательство «Коллинз»)

1967

«Бесконечная ночь» (издательство «Коллинз»)

1968

«Пальцы чешутся, к чему бы?» (издательство «Коллинз»)

1969

«Вечеринка в Хеллоуин» (издательство «Коллинз»)

1970

«Пассажир до Франкфурта» (издательство «Коллинз»)

1971

«Немезида» (издательство «Коллинз»)

1972

«Слоны могут помнить» (издательство «Коллинз»)

1973

«Врата судьбы» (издательство «Коллинз»)

«Эхнатон» (пьеса, написанная в 1937 году) (издательство «Коллинз»)

1974

«Ранние дела Пуаро» (издательство «Коллинз»)

1975

«Занавес: последнее дело Пуаро» (издательство «Коллинз»)

1976

«Спящее убийство: последнее дело мисс Марпл» (издательство «Коллинз»)

1977

«Автобиография» (издательство «Коллинз»)

«Объявлено убийство» (пьеса, написанная Лезли Дарбон) (издательство «Самуил Френч»)

1980

«Последние дела мисс Марпл» (издательство «Коллинз»)

1981

«Карты на столе» (пьеса написана Лезли Дарбон) (издательство «Самуил Френч»)

1992

«Хлопоты в Полинезии» (издательство «Харпер Коллинз»)

1993

«Убивать легко» (неопубликованная пьеса, написанная Клайвом Экстоном) (издательство «Самуил Френч»)

1997

«Пока вокруг светло» (издательство «Харпер Коллинз»)

1998

«Черный кофе» (роман, основанный на пьесе 1930 года, написан Чарльзом Осборном) (издательство «Харпер Коллинз»)

1999

«Неожиданный гость» (роман, основанный на пьесе 1958 года, написан Чарльзом Осборном) (издательство «Харпер Коллинз»)

2000

«Паутина» (роман, основанный на пьесе 1954 года, написан Чарльзом Осборном) (издательство «Харпер Коллинз»)

notes

Примечания

1

Констебль для специальных поручений — лицо, назначенное мировым судьей для выполнения специального поручения в качестве констебля.

2

Харрогит — фешенебельный курорт с минеральными водами в графстве Йоркшир.

3

В соответствии с американским Законом о гражданстве дети, родившиеся на территории США, получают американское гражданство по праву рождения.

4

Торки — город в графстве Девоншир в Юго-Западной Англии.

5

В России эта книга известна под названием «О подражании Христу», автор Фома Кемпийский (перевод с латинского К. П. Победоносцева).

6

Бейсуотер — район в западной части Лондона.

7

Илинг — крупный пригородный район на западе Лондона.

8

Лузианское полотно — тонкая шелковая ткань с вытканным рельефом из мелких клеток и полос, используется для пошива детской одежды и легких летних платьев и костюмов.

9

Агорафобия — боязнь открытых дверей, открытого пространства; расстройство психики, в рамках которого появляется страх перед скоплением людей.

10

Даски-Саунд (англ. *Dusky Sound*) — фьорд в юго-западной части новозеландского острова Южный на территории Национального парка Фьордленд.

11

Старший ученик — назначаемый администрацией учащийся, в обязанности которого входит следить за соблюдением дисциплины и представляет школу или класс на различных мероприятиях.

12

Вулидж — юго-восточный район Лондона.

13

Авиация сухопутных войск была создана в 1912 году, в 1918-м реорганизована в ВВС Великобритании.

14

Кремень (по-английски *fl int*), что созвучно с именем Капитана Флинта, одного из главных персонажей романа Стивенсона «Остров сокровищ».

15

Воротник «Питер Пэн» — плотно прилегающий к шее отложной воротник со скругленными концами.

16

«Тайна дома Нормана» — роман британского писателя Чарлза де Бальзака Ридо (Charles de Balzac Rideaux), писавшего под псевдонимом Джон Чанслер.

17

Харроу — одна из старейших в Англии мужских частных привилегированных школ, основанная в 1571 году и расположенная в пригороде Лондона.

18

«Хьюэс Мэсси» — международное агентство по литературе, театральному и кинематографическому бизнесу.

19

Маленький автомобиль «Моррис Каули», выпущенный в 1923 году британской фирмой «Моррис» и прозванный «Буллноуз» (телячий носик) из-за своеобразной формы капота.

20

Саннингдейл — город в графстве Беркшир.

21

«Пояс биржевых маклеров» — дальние живописные предместья Лондона, где находятся особняки биржевых маклеров и иных состоятельных лиц.

22

Поэт-пешеход (pedestrian poet) — принятое в Англии название литератора, который каждый день выдает новое стихотворении или рассказ, повествующие об истории человечества.

23

La douche nasale (*фр.*) — душ для носа.

24

Сан-Суси — летний дворец короля Пруссии Фридриха Великого, построенный в середине 40-х годов XVIII века в Потсдаме. В переводе с французского *sans souci* означает «без забот».

25

«Деляж» — французская фирма по производству высококлассных легковых автомобилей, основанная в 1905 году Луисом Деляжем.

26

Алассио — город-курорт в Италии, расположенный в регионе Лигурия.

27

Даунс — холмы в Юго-Восточной Англии, в графстве Суссекс.

28

Беверли — город в графстве Йоркшир в Северной Англии.

29

Чилворт — деревня в Графстве Сюррей в трех милях от Гилдфорда.

30

Королевская полицейская медаль — была введена в 1909 году королем Эдуардом VII; ею награждались те, «кто совершил акты, требующие исключительной смелости и уменья, и показал примерную верность долгу».

31

41 градусов по Фаренгейту соответствует 5 градусам по Цельсию.

32

36 градусов по Фаренгейту соответствует 2 градусам по Цельсию.

33

Бурьян — в данном случае термин, используемый игроками в гольф: неровная, часто поросшая высокой травой часть поля около ровной лужайки, на которой устроено поле для гольфа.

34

Уокинг — крупный город и одноименный административный округ, расположенный в западной части графства Сюррей.

35

Суперинтендант — старший полицейский офицер (следующий чин после инспектора).

36

Аскот — один из районов Саннингдейла.

37

Флит-стрит — улица в Лондоне, где до 90-х годов XX века находились редакции большинства крупнейших газет.

38

Годалминг — город в графстве Сюррей, в 7 километрах от Гилдфорда.

39

Питерсфилд — город в Западном Гемпшире, графство Гемпшир, расположенный в 17 милях от Портсмута. В городе есть железнодорожный вокзал, через который проходит прямая линия на Портсмут.

40

Хемблдон — небольшая, расположенная в сельской местности деревушка на юго-западе графства Сюррей, в 3 милях от города Годалминга и в 6 милях к югу от Гилдфорда.

41

Пламстед — район в южной части Лондона.

42

Чертси — город в графстве Сюррей, стоящий на реке Темзе и ее притоках.

43

Кроксли-Грин — небольшой город, расположенный в графстве Хартфордшир, в 20 милях от Лондона. Риксманворт — город в районе Трех рек в графстве Хартфордшир.

44

Пислэйк — небольшая деревушка в центре гористой области графства Суррей.

45

Дороти Ли Сэйерс (1893–1957) — английская писательница, филолог, драматург и переводчик, одна из основателей британского «Детективного клуба». В России наиболее известна благодаря детективным романам.

46

Граф Нортумберленд — титул, занесенный в Книгу пэров Великобритании.

47

Нер-а-Кар — популярное в 20-е годы прошлого столетия транспортное средство — мотоцикл «вперед ногами», по проекту Карла Неракера (отсюда первый слог в названии).

48

Бладхаунд — порода служебных собак-ищеек; шерсть гладкая и короткая; окрас рыжий; голова большая, уши длинные; высота 65 см; использовалась полицией в качестве разыскной собаки.

49

Литерхед — город в самом центре графства Суррей.

50

Пирфорд — деревня в графстве Сюррей, расположенная в двух милях от Уокинга.

51

Дух-наставник, дух-учитель — тот, кто посылает информацию для медиума.

Ипекакуана — рвотный корень.

53

Уэст-Райдинг — западная часть графства Йоркшир.

54

Олдершот — город в графстве Гемпшир, расположенный в районе вересковых пустошей, в 37 милях юго-западнее Лондона.

55

«Да, у нас нет бананов» (Yes, We Have No Bananas) — популярная песенка Френка Сильвера и Ирвинга Кона из бродвейского ревю 1922 года «Make It Snappy».

Лаудан — опийная настойка на спирту.

57

Жоржет — ткань, имеющая неровную поверхность с перекрученной нитью (креповой скрутки), напоминающей мелкий рубчик.

58

«Харродз» — один из самых фешенебельных и дорогих универсальных магазинов Лондона.

59

Святая Тереза Авильская — известная католическая святая, жила в Испании (1515–1582), где была кармелитской монахиней; прославилась как мистик, теософ и писатель. Совместно с Иоанном Крестом создала Орден Кармелитов.

60

Анаграмма — слово или словосочетание, образованное перестановкой букв, составляющих другое слово. В данном случае английское написание имени Teresa дает возможность составить слово «teaser», что в переводе на русский означает «задира».

61

Бро — небольшой город в Восточном Йоркшире.

62

«Вулзли» — легковой автомобиль, выпускавшийся основанной в 1901 году британской автомобильной компанией «Wolseley Motor Company».

63

Марджери Аллингем (Margery Louise Allingham, 1904–1966) — английская писательница детективного жанра; главным героем ее наиболее известных произведений был сыщик Альберт Кампион.

Уиллесден — район на северо-западе Лондона.

Le bon Dieu (фр.) — милостивый Бог.

Чинц — лощеная хлопчатобумажная ткань с рисунком из цветов и птиц, используется для изготовления штор и обивки мебели.

Objet d’art (*фр.*) — предметы искусства.

«Мономаркс» — британская компания, обеспечивающая конфиденциальность и безопасность работы почты и оказания телефонных услуг.

69

Состояние вторичной личности — определяется как состояние, характеризуемое существованием внутри индивидуума двух и более отдельных личностей, каждая из которых доминирует в определенное время.

70

Мейденхед — город в графстве Беркшир, расположенный на реке Темзе, в 26 милях от Лондона.

71

Условный развод (decree nisi) — согласно английскому семейному законодательству разводящимся супругам дается шесть месяцев (этот период и называется условным разводом) для принятия окончательного решения.

72

Уоллингфорд — небольшой город в верховьях Темзы, в графстве Оксфордшир.

73

Георгианский стиль — стиль георгианской эпохи (название стилей архитектуры и мебели, сложившихся к середине XVIII и существовавших до 30-х годов XIX века).

Femme fatales (фр.) — роковых женщин.

75

Нимруд — древний город в Месопотамии, на территории современного Ирака. Его руины находятся юго-восточнее города Мосул у реки Тигр.

76

Сэр Александр Корда, (1893–1956) — британский кинопродюсер и режиссер венгерского происхождения; был ведущей фигурой британской киноиндустрии, основатель компании «Ландон филмз» и владелец кинопрокатной компании «Бритиш Лайон филмз»

77

Базил Дин (1887–1978) — английский актер, писатель и кинопродюсер, театральный продюсер и режиссер.

78

Гертруда Лоуренс (1898–1952) — выдающаяся актриса, блиставшая в Лондоне и на Бродвее, снявшаяся с 1929 по 1950 г. в девяти фильмах.

79

Уолтер Сэвидж Ландор (Walter Savage Landor, 1775–1864) — британский писатель и поэт, известный своими пьесами в стихах и сочинениями на темы из истории литературы.

80

DBE — аббревиатура английского титула Dame Commander of the Order of the British Empire — Дама-Командор ордена Британской империи.

81

Малые сестры бедных — римско-католический орден для женщин, созданный в XIX веке во Франции Жанной Жаган с целью оказать покровительство многочисленным обнищавшим пожилым людям, живущим на улицах французских городов.

82

Луис Маунтбаттен (Louise Mountbatten, 1900–1979) — британский адмирал, правнук королевы Виктории, дядя принца Филиппа, супруга королевы Елизаветы II.

83

Пульмановский поезд — скорый поезд дальнего следования, с вагонами первого класса и вагоном-рестораном (по имени американского инженера и промышленника Дж. М. Пульмана).

84

Профессор королевской кафедры — профессор, кафедра которого учреждена одним из английских королей, преимущественно в университетах Оксфорда и Кембриджа.

85

«Гранд Метрополитан» — крупная компания, владеющая гостиницами и ресторанами.

«…мир Божий, который превыше всякого ума» (Послание к филиппийцам святого апостола Павла, гл. 4, стих 7).

1

Приостановление неверия (или готовность приостановить неверие) — метод оправданного использования фантастических или нереалистических элементов в литературе. Он был сформулирован Сэмюэлем Тейлором Кольриджем, английским поэтом и философом эстетического направления, который полагал, что, если бы писатель в фантастическом повествовании смог слить воедино «человеческий интерес и подобие истины», читатель мог бы задержаться с принятием решения (приостановить неверие) относительно неправдоподобности этого повествования. — *Здесь и далее примеч. перев.*

2

У многих народов маргаритка издавна является эмблемой доброты и сердечности, на языке цветов она обозначает чистоту, невинность, верную любовь; их любили, воспевали поэты (и Дж. Чосер, и У. Шекспир, и Р. Бернс, и В. Гюго, и многие другие), рисовали знаменитые художники.

3

Рагби-школа — одна из девяти старейших престижных мужских привилегированных частных средних школ в городе Рагби, графство Уорикшир; основана в 1567 году. В этой школе учился Льюис Кэрролл — автор известной всем «Алисы в Стране чудес».

4

Эдгар Уоллес (1875–1932) — английский писатель, автор 175 романов, 24 пьес и огромного количества статей в периодических изданиях. Основоположник литературного жанра «триллер». По его произведениям создано более 160 фильмов. Эдгар Уоллес работал корреспондентом агентства «Рейтер» и лондонской газеты «Дейли мейл». Умер писатель в Голливуде во время работы над сценарием фильма «Кинг-Конг».

5

Доктор Криппен, американец, родившийся в Мичигане, приехал в Англию в 1900 году и стал работать врачом в фармацевтической компании готовых лекарственных средств. Он жил в лондонском районе Холлоуэй с женой, актрисой Белл Элмор. После вечеринки 31 января 1910 года его жена исчезла. Криппен объяснил, что она вернулась в Соединенные Штаты, а через некоторое время сообщил, что она там умерла и была кремирована в Калифорнии. Между тем, его любовница Этель Ле-Нев переехала к нему и стала в открытую щеголять в одежде и драгоценностях его бывшей жены. Подруга бывшей жены Криппена сообщила полиции об ее исчезновении, после чего в доме был проведен обыск, а Криппена допрашивал Уолтер Дью. Ни обыск, ни допрос не дали никаких результатов, но Криппен и Ле-Нев перепугались и в панике бежали в Антверпен, откуда на лайнере «Монтроз» поплыли в Канаду. Их бегство обеспокоило полицию; было проведено четыре обыска дома, и лишь в результате последнего под кирпичным полом подвала были найдены останки расчлененного человеческого тела. Убийцы между тем плыли на лайнере в Канаду, и Ле-Нев из предосторожности изображала мужчину и ходила в мужской одежде. Это заметил капитан и телеграммой уведомил об этом британские власти. Когда «Монтроз» прибыл в Квебек, преступников уже ждал на берегу Элмор Дью, прибывший туда раньше на более скоростном судне «Белая звезда».

6

«Эксперимент со временем» (Experiment with Time) — научное эссе, написанное ирландским авиационным инженером Данном (J. W. Dunne, 1875–1949) на тему восприятия времени человеком и «взглядов в будущее». Вышедшая в марте 1927 года, книга имела большой читательский успех, а высказанные в ней идеи получили дальнейшее развитие в работах других известных людей, в частности писателя Д. Б. Пристли.